ЗАПИСКИ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ.

Томъ II, выпускъ 3.

Отъ Якутска до Аяна.

ПУТЕВЫЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

(Аянская экспедиція 1894 года).

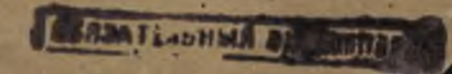
Я. В. Стефановичъ.

Reise-Beobachtungen von Iakutsk bis Aijan
v. J. Stephanovitsch.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРАВИТЕЛЯ ДѢЛЪ

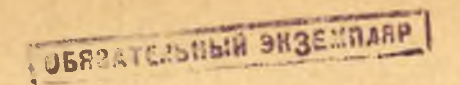
Я. П. Прейна.

ИРКУТСКЪ.
Типо-литографія П. И. Макушина, Ивановская площадь, домъ Сукачева.
1896.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ

ЗАПИСКИ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ.

Томъ II, выпускъ 3.

Отъ Якутска до Аяна.

ПУТЕВЫЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

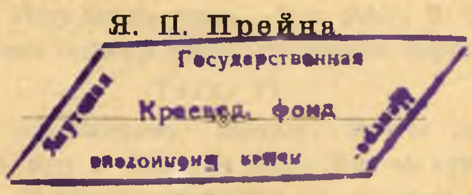
(Аянская экспедиція 1894 года).

Я. В. Стефановичъ.

REISE-BEOBACHTUNGEN VON IAKUTSK BIS AIJAN
v. J. STEPHANOVITSCH.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРАВИТЕЛЯ ДѢЛЪ

Я. П. Прейна.

ИРКУТСКЪ.
Типо-литографія П. И. Макушина, Ивановская площадь, домъ Сукачева.
1896.

Печатано по распоряженію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I.

Дорога до Усть-Майскаго селенія.—Амгинская Слобода.—Усть-Майское селеніе.—Полуосѣдлое тунгусское населеніе 1

Глава II.

По р. Маѣ до устья Юдомы.—Тяга лодки на бичевѣ.—Характеръ береговъ.—Населеніе 34

Глава III.

По Маѣ до устья Маймакана.—У перевоза близъ устья Хандыка.—Известковая гора.—Устье Аима.—Семья бродячаго тунгуса Уйбана Иранаса.—Надпись или рисунокъ на скалѣ Кыллахъ.—Пещеры „Чертово жилище".—Усадьба Соловьева.—Какъ живетъ тунгусъ Андрей.—Прибытіе въ Нельканъ.—Заключительная характеристика пройденнаго пути по Маѣ 51

Глава IV.

Нельканъ.—Дѣятельность его жителей.—Состояніе „казенной" дороги.—Манильская тундра.—Путь къ истокамъ р. Быранджы.—Быранджа—Нингмагичангскій перевалъ черезъ Джугджурскій хребетъ.—Перевалъ Кынгачангъ-Альдома или „Казенный".—Дорога по Альдомской долинѣ.—Перевалъ черезъ Уйскій хребетъ.—Прибытіе въ Аянъ.—Характеристика Джугджура.—Движеніе чайныхъ обозовъ.—Приаянскіе бродячіе тунгусы 85

Глава V.

Аянъ.—Его мѣстоположеніе, климатъ, жители.—Портовая дѣятельность Аяна.—Тунгусскій тойонъ Василій Карамзинъ.—Пляска тунгусовъ у устья Уя.—Путь къ устью Одору.—Стойбище Карамзина и его оленье стадо.—Перевалъ черезъ Джугджуръ по Одору-Келлахъ.—Перевалъ Одору-Алланджа.—Путь къ истокамъ р. Челасина и далѣе къ мѣсту нашего склада.—Ходъ работъ В. Е. Гориновича.—Направленіе телѣжной дороги, предлагаемое Карамзинымъ. 121

Глава VI.

Наши работы по „Казенному" перевалу.—Проектъ дороги.—Обратный путь въ шугу по Маѣ.—На берегу Лены въ юртѣ якутскаго старосты — Обличительно-наставительный документъ. — Переправа черезъ Лену.—Итоги экспедиціи 154

Таблицы барометрическихъ наблюденій на перевалахъ Джугджура. 181

Приложеніе. Карта и рисунки.

ОТЪ ЯКУТСКА ДО АЯНА.

Путевыя наблюденія.

(Аянская экспедиція 1894 года).

Глава I.

Дорога до Усть-Майскаго селенія.—Амгинская Слобода.—Усть-Майское селеніе. Полуосѣдлое тунгусское населеніе.

Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1894 г. Г. Иркутскимъ Генералъ-Губернаторомъ былъ командированъ въ Якутскую область дорожный техникъ П. А. Сикорскій для изслѣдованія состоянія упраздненнаго къ 1867 г. аянскаго почтоваго тракта. Задача г. Сикорскаго состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы найти наиболѣе удобный перевалъ черезъ Джугджурскій хребетъ и представить соображенія относительно постройки телѣжнаго пути отъ мѣстечка Нельканъ до порта Аяна. Предлагаемыя свѣдѣнія о пройденномъ пути, о географическихъ особенностяхъ края, о характерѣ и экономическомъ положеніи его населенія составляютъ результатъ моихъ впечатлѣній и наблюденій, какъ одного изъ участниковъ экспедиціи.

Г. Сикорскій прибылъ въ Якутскъ 23-го мая. Необходимость посредствомъ разспросовъ лицъ, знакомыхъ съ условіями пути, выяснить, гдѣ и по какой цѣнѣ можно нанять рабочихъ людей, лошадей, лодку; какими продуктами слѣдуетъ запастись въ Якутскѣ и что возможно достать по дорогѣ,—все это заняло не мало времени, тѣмъ болѣе, что при разспросахъ получались весьма сбивчивыя и разнорѣчивыя показанія, въ которыхъ оріентироваться

представлялось довольно затруднительнымъ. Закупивъ провизію[1]), вьючныя принадлежности и вообще все необходимое на время предстоящаго путешествія, мы отправили кладь впередъ, а сами вынуждены были просидѣть въ Якутскѣ еще съ недѣлю. По общему утвержденію, дѣйствительно оказавшемуся справедливымъ, всѣ опытные лоцмана и лямовщики должны прійти вмѣстѣ съ чаями на запоздавшихъ на этотъ разъ паузкахъ, что и заставило насъ ждать ихъ прибытія.

Наконецъ, 13-го іюня мы переѣхали Лену у *Боръ-Ыларскаго* станка и, благодаря заботливости г. якутскаго исправника, безпрепятственно двинулись далѣе на почтовыхъ и обывательскихъ. Съ невзыскательной сибирской точки зрѣнія почтовый трактъ до *Амгинской Слободы* можно считать достаточно удобопроѣзднымъ. Относительность этого понятія будетъ болѣе или менѣе ясна, если прибавить, что настилка изъ круглыхъ неотесанныхъ бревенъ, которыми вымощена значительная часть пути, дѣлаетъ ѣзду до такой степени тряской, что черезъ два—три станка вы чувствуете себя совершенно разбитымъ: все внутри у васъ болитъ, и вы мечетесь въ телѣгѣ, тщетно ища облегченія въ томъ или иномъ, часто самомъ неестественномъ, положеніи. Чтобы стоны и опасенія, которыми мы обмѣнивались на счетъ цѣлости нашихъ внутреннихъ органовъ, не показались черезчуръ гиперболичными, достаточно сказать, что, не смотря на тщательную укупорку, въ нѣкоторыхъ инструментахъ за эту дорогу повывинчивались винтики и повыпали стекла, не говоря уже о дорожной провизіи, превратившейся въ кашу. Что касается пути отъ Амги до Усть-Маи, то этотъ участокъ тракта пришелъ въ полное разстройство, такъ что по немъ въ лѣтнее время возможно только,—да и то съ немалыми приключеніями и опасностями,—верховое сообщеніе. Жердевая настилка въ долинахъ снесена весенними разливами или

[1]) Кромѣ хлѣба, закупку котораго представлялось возможнымъ сдѣлать у Усть-Майскихъ скопцовъ.

уничтожена пожарами, а по мокрой почвѣ крутыхъ и длинныхъ подъемовъ и спусковъ черезъ хребты разрушена потоками. Два послѣднихъ перегона—*Хатынахскій* и *Мокуйскій*—въ особенности даютъ себя знать. Здѣсь вьючные кони почти непрерывно на разстояніи 49 верстъ идутъ въ болотѣ, постоянно проваливаясь между кочками, при чемъ грузъ на столько подмокаетъ, что въ Усть-Майскомъ селеніи потребовалось распаковать всю кладь и подвергнуть ее основательной просушкѣ. Исправленіе дороги практикуемыми здѣсь строительными способами представляетъ безполезную затрату времени и труда. Настилка жердей, прикрѣпляемыхъ тальниковой вязью къ двумъ, на подобіе рельсовъ, параллельно уложеннымъ бревнамъ, имѣетъ лишь значеніе до перваго весенняго разлива, почти ежегодно случающагося по долинамъ такихъ рѣчекъ, какъ Натора и Мо́куй[1]), (лѣвые притоки Алдана). Большая долговѣчность и годность дороги для телѣжнаго движенія можетъ быть достигнута только поднятіемъ полотна ея выше уровня весеннихъ водъ. По хребтамъ же ничего не остается, какъ измѣнить существующее направленіе дороги тамъ, гдѣ она проложена по прямому ихъ пересѣченію, измѣнить съ тѣмъ, чтобы уклонъ ея не слишкомъ, по крайней мѣрѣ, превышалъ предѣльную величину, допускаемую въ дорожномъ дѣлѣ. Отъ Лены до Алдана существуетъ два населенныхъ пункта—Амгинская Слобода и Усть-Майское селеніе, между которыми встрѣчаются, кромѣ станочныхъ юртъ, лишь изрѣдка одинокія якутскія жилища. Оба селенія составляютъ одно крестьянское общество съ населеніемъ въ 545[2]) душъ обоего пола[3]).

[1]) Обыкновенно, впрочемъ, исправленіе ограничивается прорубкой новыхъ просѣкъ, если по старымъ проѣздъ становится невозможнымъ, и постановкой вѣхъ, указывающихъ путь по менѣе топкимъ мѣстамъ болотъ.

[2]) По показаніямъ въ мірской избѣ. По „Памят. кн. Якут. обл. за 1891 г." въ этихъ селеніяхъ значится 736 душъ обоего пола.

[3]) Амгинское крестьянское общество состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ деревень: Верхняя, Чепчалганъ и собствено Слобода—это коренные амгинцы; Новопокровское и Усть-Майское селенія, возникшія въ 60-хъ годахъ изъ крестьянъ переселившихся съ рѣки Маи послѣ упраздненія почтоваго амгинскаго тракта.

Крестьяне перваго изъ нихъ, какъ извѣстно, объякутились: языкъ, одежда, привычки амгинца при бѣгломъ, по крайней мѣрѣ, наблюденіи ничѣмъ ни отличаютъ его отъ якута[1]). Да и самъ амгинецъ на вопросъ: ты русскій? отвѣчаетъ: „суохъ, багынный“ [2]). Только черты лица, не смотря на брачное во многихъ поколѣніяхъ смѣшеніе амгинцевъ съ якутами, сохраняютъ преобладающій характеръ европейскаго типа. Встрѣчаются чисто русскія лица голубоглазыя, съ свѣтлой довольно густой растительностью бороды и усовъ.

Убѣдившись, что этотъ русскій мужикъ почти ни слова не говоритъ и не понимаетъ по-русски, испытываешь невольное изумленіе, тождественное, надо полагать, съ тѣмъ чувствомъ, какое вызываютъ у путешествующаго по Австраліи европейца мяукающія кукушки.

Амгинская слобода—одно изъ самыхъ древнихъ русскихъ поселеній въ Якутской области. По преданію оно основано вольными выходцами, прибывшими по р. Амгѣ на плотахъ лѣтъ 200 тому назадъ. Пришельцы сдѣлали пробный посѣвъ хлѣба, давшій баснословный урожай, что и побудило ихъ здѣсь основаться. Весьма вѣроятно, что колонисты давали не мало поводовъ къ непріязненному къ себѣ отношенію инородцевъ, такъ какъ, по тому же преданію, послѣдніе многократно жаловались воеводамъ на притѣсненія и обиды со стороны русскихъ пришельцевъ и въ концѣ концовъ, посредствомъ богатыхъ подарковъ, добились распоряженія о выселеніи ихъ съ самовольно занятыхъ ими инородческихъ земель. Благодаря, будто-бы, этому распоряженію, а вѣрнѣе—вслѣдствіе враждебныхъ дѣйствій якутовъ, русскіе люди ушли отсюда; остались только поладившіе съ якутами три—четыре семьи, которымъ удалось заполучить потомъ легализацію своего окончательнаго здѣсь

[1]) Намъ пришлось провести въ Амгѣ всего два дня, да на обратномъ пути одинъ день.

[2]) Т. е. пашенный.

водворенія отъ какого то проѣзжавшаго сановнаго лица. Оставшіеся поселенцы занялись хлѣбопашествомъ и выращивали огородные овощи съ такимъ успѣхомъ, что сановный господинъ пришелъ въ восхищеніе отъ размѣровъ преподнесенныхъ ему вилковъ капусты и рѣшилъ заселить Амгу россійскими людьми. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія (1735 г.) съ цѣлью водворенія здѣсь земледѣлія дѣйствительно были переселены на Амгу изъ Илимскаго округа[1]) нѣсколько крестьянскихъ семействъ. Но дальнѣйшій ростъ слободы происходилъ преимущественно, если не исключительно, на счетъ ссыльныхъ, людей обыкновенно холостыхъ, а потому брачные связи съ инородцами являлись неизбѣжной необходимостью. Это обстоятельство съ одной стороны, и полное разобщеніе съ роднымъ племенемъ—съ другой и послужили причиною объякученія ближайшихъ же поколѣній амгинскихъ поселенцевъ.

Къ этому факту въ Якутскѣ принято относиться, какъ къ какому то преступленію, совершенному амгинцами противъ своей національности. Но подобное обвиненіе, обнаруживая въ данномъ случаѣ похвальный патріотизмъ, упускаетъ изъ виду трудно преодолимую силу внѣшнихъ условій. Для облегченія борьбы съ таковыми обвинители дѣлали очень мало и даже сами легко подпадали ихъ воздѣйствію.

Якутскіе старожилы еще помнятъ время, когда въ этомъ городѣ трудно было услышать русскую рѣчь. Русскіе люди предпочитали изъясняться между собою по-якутски, а родной языкъ считали лишь языкомъ оффиціальныхъ бумагъ. Если Якутскъ за послѣднюю четверть столѣтія сталъ замѣтно разъякучиваться, то только благодаря заботамъ о поднятіи въ немъ просвѣщенія и возникновенію нѣкоторой умственной жизни подъ вліяніемъ интеллигентнаго ссыльнаго элемента. Тѣмъ не менѣе еще и теперь культурное и просвѣтительное значеніе областнаго центра на окружа-

[1]) Часть территоріи его вмѣстѣ съ упраздненнымъ городомъ Илимскомъ (на р. Илимѣ, правомъ притокѣ Ангары) входитъ теперь въ составъ Киренскаго округа.

ющее инородческое населеніе—можно смѣло сказать—ничтожнѣе вліянія въ этомъ смыслѣ иного интеллигентнаго ссыльнаго въ своемъ наслегѣ. Шаманство, напр., вблизи города процвѣтаетъ не въ меньшей степени, чѣмъ въ улусахъ, и я лично зналъ одного шамана, который пользуется обширной практикой въ окрестностяхъ Якутска и имѣлъ кліентовъ даже въ городѣ изъ богатыхъ купцовъ.

Странно, послѣ этого, предъявлять требованія къ амгинскимъ ссыльно-поселенцамъ и переселенцамъ, требованія, оказавшіяся не по плечу профессіональнымъ проводникамъ русской культуры. До 1871 г. въ Амгинской Слободѣ не было школы, но и съ этихъ поръ школьная дѣятельность не разъ прерывалась на продолжительное время. Только за послѣдніе годы школа поставлена болѣе или менѣе сносно. Она содержится на средства епархіальнаго училищнаго совѣта; крестьяне платятъ только на наемъ сторожа и освѣщеніе (28 р.), дрова (60 саж.) и 25 возовъ льду поставляютъ натурой. Благодаря стараніямъ учительницы дѣти выучиваются по крайней мѣрѣ чтенію и письму,—фактъ весьма отрадный среди якутскаго населенія, если принять во вниманіе, что, напр., въ Намскомъ улусѣ за 20-ти лѣтнее существованіе школы не было выпущено ни одного ученика, умѣющаго читать и писать.

Къ сожалѣнію объякученіе амгинцевъ, какъ уже замѣчено выше, не ограничивается утратой родного языка; оно означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и усвоеніе всего внутренняго содержанія и всѣхъ внѣшнихъ проявленій якутской жизни. Въ этомъ главнымъ образомъ и заключается печальная сторона факта, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о пониженіи культурности людей цивилизованнаго народа до уровня кочевого, полудикаго племени. Строго говоря, это явленіе, вызванное физическими условіями мѣста, нужно разсматривать какъ результатъ приспособленія къ этимъ условіямъ. Конечно, съ французомъ или нѣмцемъ въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣло не приняло-бы такого оборота; и тотъ и другой представляютъ собою носителей высшей и болѣе прочной культуры и

болѣе по этому вооружены въ борьбѣ какъ съ чуждыми имъ иноплеменными элементами, такъ и съ неблагопріятными физическими вліяніями, противъ которыхъ русскій человѣкъ, да еще прошлаго или начала нынѣшняго столѣтія, не въ силахъ былъ противустоять. Земледѣліе на Амгѣ, не смотря на случавшіеся невѣроятные урожаи самъ 40[1]), оказалось невѣрной, а потому и невыгодной, въ качествѣ исключительнаго или главнаго промысла, хозяйственной статьей. Роди земля хоть самъ 100, но если вслѣдъ затѣмъ цѣлый рядъ лѣтъ она не даетъ буквально ничего,—земледѣліе теряетъ значеніе нормальнаго, обезпечивающаго существованіе занятія. Оно неминуемо должно стать или предметомъ лишь ограниченнаго, частичнаго приложенія производительныхъ силъ, или же принять форму своего рода ажіотажа, доступнаго для людей съ притекающими со стороны капиталами, въ каковомъ положеніи находились и находятся многіе изъ скопцовъ. Для скопца вложить свои средства въ землю—не значитъ еще рисковать всѣмъ своимъ хозяйственнымъ существованіемъ; ему можетъ не посчастливится стать паномъ, но пропасть—онъ не пропадетъ. Вопросъ получаетъ иную постановку для амгинца, которому во всякомъ случаѣ паномъ не быть, а шансовъ пропасть очень много.

Суглинистая почва по рѣкѣ Амгѣ, какъ утверждаютъ крестьяне, сама по себѣ плодоносна[2]), но рѣдкое лѣто проходитъ при такомъ благопріятномъ сочетаніи метеорологическихъ вліяній, когда посѣвы приносятъ обильную жатву. Обыкновенно же хлѣба стра-

[1]) Такіе же урожаи случаются на свѣжихъ чисткахъ и въ другихъ районахъ Якутскаго округа.

[2]) Въ мірской избѣ намъ указывали на выпаханность земель. Послѣдующіе опросы (при условіяхъ уже не оффиціальнаго положенія) не подтверждаютъ этого отзыва. Правда, земли подвержены быстрому истощенію, и это обстоятельство въ прежнія времена, при болѣе широкой эксплоатаціи земельной площади, могло сыграть свою роль въ паденіи земледѣльческаго хозяйства амгинцевъ. Но въ послѣднія десятилѣтія, когда размѣры запашекъ значительно уменьшились, многіе надѣлы заброшены и остаются безъ утилизаціи по 8, 10 и болѣе лѣтъ. О выпаханности тутъ ужъ едва ли можетъ быть рѣчь.

дают или отъ засухи, когда глина затвердѣваетъ, какъ камень, и развитіе злаковъ пріостанавливается какъ разъ въ вегетаціонный періодъ, или,—что еще чаще,—отъ заморозковъ, случающихся около 20-го Іюля и 1-го Августа, т. е. въ пору налива зерна. Отъ этихъ причинъ хозяева терпятъ уронъ, за рѣдкими исключеніями, въ большей или меньшей степени почти что ежегодно. Въ 1886, 87 и 88 гг. заморозки убивали хлѣба въ конецъ, крестьяне ни зерна не взяли съ своихъ полей. Въ эти три года начальство выдало въ ссуду на прокормленіе голодающихъ до 2000 п. муки, но при такой скудной подмогѣ приходилось больше питаться всякой дрянью—кожей, корой, разными травами.

Выданное на обсѣмененіе зерно оказалось негоднымъ, вслѣдствіе чего и на четвертый годъ, хотя лѣто было удачное, урожай въ общемъ едва лишь возвратилъ сѣмена. Такіе же несчастные годы, какъ разсказываютъ старики, выпадали и въ болѣе далекомъ прошломъ, съ тою разницей, что казна не приходила тогда на помощь. Еще Сарычевъ[1]) и Зауеръ[2]) сообщали весьма неутѣшительныя свѣдѣнія о состояніи хлѣбопашества и хлѣбопашцевъ въ Амгинской Слободѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ 1850 г. Генералъ-Губернаторъ доносилъ въ Петербургъ, что при проѣздѣ его черезъ *Амгинскъ* большая часть полей была необработана, и количество высѣяннаго хлѣба едва заслуживало вниманія[3]). Крестьяне земледѣльцы голодали, болѣли и умирали отъ недостатка пищи, между тѣмъ какъ скотоводы инородцы не терпѣли нужды или, въ худшемъ случаѣ, переносили нужду съ меньшими лишеніями. Хлѣбопашество оказывалось мало гарантирующимъ пропитаніе и естественно должно было уступать все болѣе мѣста скотоводству. Кто сѣялъ прежде до 200 пуд.,—сѣетъ теперь до 40[4]).

[1]) Путешествіе. I. стр. 52.

[2]) Voyage de Billings. 1802. стр. 237.

[3]) Какъ этотъ фактъ, такъ и ссылка на названныхъ двухъ авторовъ заимствованы у Миддендорфа. (Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. I. Отдѣлъ IV прибав. II. стр. X).

[4]) Григорій Артемьевъ. Это максимальный посѣвъ на Амгѣ.

кто—отъ 20 до 50, тотъ ограничивается теперь 3-мя, 5-тью, 6-тью пудами, а то и совсѣмъ забросилъ надѣлъ. Уменьшая свои запашки, амгинецъ увеличивалъ количество скота. Жена якутка охотно отдавалась привычному занятію уходу за скотомъ и запустила огороды, съ которыми дѣло у нея не ладилось, кромѣ развѣ картошки, не требующей особенныхъ хлопотъ и вниманія. Частичное, а не рѣдко и полное, вытѣсненіе хлѣбопашества скотоводствомъ влекло за собою соотвѣтствующія измѣненія въ домашнемъ обиходѣ, нравахъ, обычаяхъ, все тѣснѣе и тѣснѣе сближая амгинцевъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ съ якутами. Таковы въ общихъ чертахъ причины и процессъ объякученія русскихъ поселенцевъ на Амгѣ, процессъ, безъ сомнѣнія, регрессивный, но, въ смыслѣ приспособленія людей къ дотолѣ чуждымъ имъ физическимъ условіямъ, вполнѣ естественный и неизбѣжный при той низкой степени культурности этихъ людей, которая отдѣляла ихъ большей пропастью отъ образованныхъ слоевъ своей народности, чѣмъ отъ кочевыхъ инородцевъ. Потребности амгинца понизились, но организмъ его сталъ выносливѣе. Онъ удовлетворяется ничтожнымъ количествомъ хлѣба, въ пору нужды главная его пища *таръ*[1]) съ сосновой заболонью, при какомъ нибудь полу-пудѣ муки въ мѣсяцъ на семью въ четыре человѣка. Въ голодовки коренной амгинецъ все таки выдюживаетъ, а недавніе переселенцы съ Маи разоряются до тла и бѣгутъ съ своихъ мѣстъ, потому что не могутъ мириться съ той нуждой, какую привыкъ переноситъ коренной амгинецъ: онъ, по выраженію одного новопокровца, какъ скотина—и на тальникѣ проживетъ[2]). И въ самомъ дѣлѣ, есть опасность, что амгинцу предстоитъ спуститься еще ниже по лѣстницѣ обратной эволюціи, такъ какъ ухудшающіяся экономическія условія требуютъ отъ него дальнѣйшаго къ нимъ

[1]) Снятое, сильно прокисшее вареное молоко.

[2]) Якутскій скотъ въ концѣ зимы при недостаткѣ сѣна прокармливается прутьями тальниковыхъ кустовъ.

приспособленія, и когда наконецъ этому процессу наступитъ предѣлъ,—неизвѣстно. Обѣднѣніе амгинскаго общества—фактъ, на столько кидающійся въ глаза, что положеніе его составляетъ предметъ особеннаго, хотя до сихъ поръ, къ сожалѣнію, безрезультатнаго, вниманія начальства. За этимъ обществомъ насчитывается до 25000 податной недоимки и до 4000 пудовъ хлѣбной ссуды [1]). Его крестьянское самоуправленіе еще недавно содержалось на счетъ казны, и если теперь уже предоставлено собственнымъ средствамъ, то вовсе не потому, что-бы эти средства улучшились.

Получается такимъ образомъ странное противорѣчіе: переходъ отъ менѣе выгоднаго земледѣльческаго хозяйства къ болѣе выгодному земледѣльческо-скотоводческому даетъ въ результатѣ все таки минусъ, а не плюсъ. Противорѣчіе, какъ мнѣ кажется, объясняется тѣмъ, что экономическія преимущества якутскихъ формъ [2]) хозяйства парализуются пребываніемъ амгинцевъ въ состояніи крестьянскаго общества. Для нихъ скотоводство, въ размѣрахъ существующихъ у якутовъ, не доступно, въ силу ихъ осѣдлости,—условіе, въ особенности дающее себя знать при ограниченности сѣнокосныхъ угодій. Какъ крестьяне, амгинцы платятъ однѣхъ государственныхъ повинностей по 5 р. 73 к. съ души, тогда какъ инородцы около 2 р. Лучшій работникъ въ семьѣ, который помогъ бы ей подняться послѣ неудачнаго года, идетъ въ солдаты; инородецъ не знаетъ этой тягости. Въ Слободѣ къ соблазну общественниковъ открытъ винный складъ; среди инородцевъ-же винная торговля закономъ воспрещена.

Нельзя также обойти молчаніемъ одну страницу изъ недавняго прошлаго Слободы, страницу оставившую, при указанныхъ выше

[1]) Съ крестьянъ и поселенцевъ половина оклада. По окладнымъ листамъ назначено сбора на 94 г. 3763 р. 84 к.: изъ этой суммы могло быть взыскано только 1145 р., остальные 2/3 ея пошли въ ростъ недоимки.

[2]) подъ которыми въ современномъ ихъ видѣ нельзя уже разумѣть исключительно скотоводство, но вмѣстѣ съ тѣмъ,—по крайней мѣрѣ, для южныхъ округовъ области,—и производство хлѣба въ размѣрахъ незначительнаго собственнаго потребленія.

постоянно дѣйствующихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не поправимую брешь въ матеріальномъ положеніи амгинцевъ. Въ 70-хъ годахъ областная администрація избрала Амгу излюбленнымъ мѣстомъ для водворенія башкиръ, ссылаемыхъ въ Якут. обл. административнымъ порядкомъ за конокрадство. Нахлынувшая орда въ числѣ многихъ десятковъ семей явилась здѣсь готовой организованной шайкой грабителей, въ которую были вскорѣ вовлечены якуты и нѣкоторые изъ крестьянъ. Взломы амбаровъ, грабежи, воровство обратились въ обычайное явленіе; цѣлые табуны исчезали въ одну ночь, рѣзались или угонялись въ городъ. Держать скотъ стало невозможнымъ. Шайка разоряла и держала въ трепетѣ населеніе въ теченіе многихъ лѣтъ. Хлопоты и просьбы амгинцевъ объ избавленіи ихъ отъ этихъ хищниковъ не приводили ни къ чему. Башкиры съумѣли заручиться солиднымъ покровительствомъ. Въ 1888 г. новому энергичному письмоводителю удалось, наконецъ, добиться выселенія главарей башкирской банды. Остальные, стѣсненные въ своей хищнической дѣятельности мѣрами бдительности ободреннаго населенія, разбрелись. По разсказамъ, то было время по истинѣ вражескаго нашествія, послѣ котораго амгинцы, лишившись своего скота, не въ силахъ уже возстановить его въ прежнихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, трехлѣтній полный неурожай, съ одной стороны, и башкирскій разгромъ—съ другой, подорвали въ корень и безъ того не высокое благосостояніе амгинцевъ, а ихъ крестьянское положеніе служитъ главнымъ тормазомъ къ подъему ихъ хозяйственной состоятельности.

Объ урожаѣ 1894 года въ самъ 4, самъ 5 амгинцы отзываются, какъ о среднемъ. Значеніе этихъ цифръ станетъ яснымъ, если сопоставить ихъ съ нынѣшнимъ-же усть-майскимъ урожаемъ въ самъ 10, который у тамошнихъ крестьянъ считается нѣсколько даже ниже средняго. Жатва, съ точки зрѣнія амгинца, удовлетворительная количественно, дала, однако, качественно неудовлетворительное зерно. Весна стояла теплая, такъ что посѣвъ былъ

законченъ къ 15-му мая[1]), но вслѣдствіе сначала засухъ, а потому инея зерно вышло тощее, легковѣсное, морщинистое, на обсѣмененіе не годное. Хорошее удалось кое гдѣ и составляетъ весьма незначительный процентъ всего сбора. За покрытіемъ прошлогодней ссуды изъ запаснаго магазина, его едва ли хватитъ на посѣвъ будущаго года. Огородничества, какъ уже замѣчено выше, почти не существуетъ. Крестьяне и то далеко не всѣ —садятъ только картошку, которую прибѣрегаютъ для прокормленія въ промежутокъ времени, когда старый хлѣбъ истощился, а новый еще не поспѣлъ. Благодаря крайне небрежной культурѣ этой овощи, предоставляемой обыкновенно всецѣло на волю Божію, урожай ея рѣдко превышаетъ самъ 4 или самъ 5, а при засухѣ, какъ это было въ 1894 г., не возвращаетъ и сѣмянъ. Подсобными промыслами являются разнаго рода заработки въ городѣ, извозное дѣло по перевозкѣ изъ города товаровъ мѣстныхъ крупныхъ торговцевъ, работы при развѣдочной пріисковой партіи по р. Учуру, а также постройка паузковъ на Маѣ и тяга бичевой товарныхъ лодокъ изъ Якутска въ Нельканъ. Хотя амгинцы, какъ работники, не пользуются хорошей славой и вездѣ ставятся ниже якутовъ и тунгусовъ, тѣмъ не менѣе одни заработки, связанные съ транспортировкой чаевъ, составляютъ для нихъ значительную матеріальную поддержку, лишеніе которой чувствительно отразилось бы на положеніи многихъ семействъ. А опасенія на этотъ счетъ, вызываемыя слухами о намѣреніи фирмы Громова предпринять пароходные рейсы по рѣкѣ Маѣ, легко могутъ оправдаться. Въ виду этого обстоятельства, въ связи съ общимъ экономическимъ состояніемъ амгинскаго общества, болѣе энергичное, болѣе дѣятельное проявленіе заботливости объ его участи представляется крайне

[1]) Въ 1895 при холодной веснѣ самый ранній посѣвъ былъ сдѣланъ 9-го мая, а закончили обсѣваться 27 мая. Посѣвы сильно запоздали еще и потому, что прошлогодніе пары, вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ, были чрезвычайно мокры, а когда начали подсыхать, пошли дожди, распашки слились въ цѣликъ, который пришлось снова распахивать.

желательнымъ. Изысканіе дѣйствительныхъ мѣръ къ поднятію благосостоянія амгинцевъ требуетъ обстоятельнаго продолжительнаго изслѣдованія на мѣстѣ, изслѣдованія, на каковое не могутъ, конечно, претендовать настоящія попутныя наблюденія. Но едва ли будетъ ошибкой сказать, что стремленіе обратить хозяйственную дѣятельность амгинцевъ преимущественно на хлѣбопашество — задача, по условіямъ климата, не благодарная. Въ этихъ цѣляхъ единственнымъ средствомъ было бы переселеніе ихъ въ болѣе благопріятныя мѣста округа. Но амгинецъ плохой хлѣбопашецъ, чтобъ быть насадителемъ земледѣльческой культуры въ непочатомъ краю. Необходимое при переселеніи денежное содѣйствіе со стороны казны осталось бы мало производительной затратой. Другое дѣло—мѣры къ расширенію и улучшенію скотоводства. Цѣлесообразно примѣненные расходы въ этомъ направленіи, несомнѣнно, оказались бы плодотворными. Увеличеніе скота, помимо непосредственнаго значенія, косвенно послужитъ и къ улучшенію земледѣлія. Наземъ, сначала утилизируемый на ближайшихъ къ усадьбамъ пашняхъ, покажетъ, какъ полезно унаваживаніе, задерживающее въ землѣ влагу, въ особенности при суглинистой почвѣ. Одна изъ причинъ (засуха), парализованная такимъ образомъ въ своемъ вредоносномъ дѣйствіи на хлѣба, уже сама до нѣкоторой степени ослабляетъ дѣйствіе второй (заморозки): растенія, успѣвшія окрѣпнуть въ періодъ роста, менѣе чувствительны къ заморозкамъ, чѣмъ слабыя. Въ качествѣ второстепенныхъ мѣръ къ облегченію экономическихъ затрудненій амгинцевъ открытъ, по почину начальства, общественный кабакъ и заведена общественная (съ 1894 г.), запашка, для каковой цѣли обществомъ отведено 15 десятинъ. Конечно, принципіальное значеніе подобныхъ мѣръ еще не гарантируетъ ихъ состоятельности на практикѣ. Все зависитъ здѣсь отъ тѣхъ лицъ, которыя, по собственной ли иниціативѣ, или по порученію администраціи, берутся за осуществленіе плана на дѣлѣ. Извѣстно, какія выгоды для сельскихъ обществъ даютъ обще-

ственныя питейныя заведенія въ Швеціи и Норвегіи, въ тоже время не только не способствуя пьянству, а напротивъ ослабляя его. Относительно вліянія амгинскаго кабака въ послѣднемъ смыслѣ я не имѣю свѣдѣній, но несомнѣно, что онъ окажется выгоднымъ для крестьянъ уже потому, что значительная доля суммы, оставляемой окрестными якутами въ складѣ Астраханцева, теперь составитъ статью прихода въ бюджетѣ амгинцевъ. За первый мѣсяцъ своего существованія (апрѣль 1895 г.) кабакъ далъ имъ чистой прибыли 115 р. Что касается общественной запашки, то извѣстно, что въ Россіи примѣры ея сплошь и рядомъ оказывались неудачными и служили больше въ тягость, чѣмъ въ облегченіе крестьянъ. Не случилось-бы того же и съ амгинцами. Нужно сказать, однако, что для умѣлаго веденія дѣла почва здѣсь уже нѣсколько подготовлена успѣшнымъ началомъ дѣятельности земледѣльческой артели, организованной частнымъ лицомъ, стоящимъ къ крестьянамъ въ простыхъ, далекихъ отъ всякой оффиціальности, отношеніяхъ. Артель состоитъ изъ девяти средней зажиточности домохозяевъ, заключившихъ между собой формальное условіе на три года: совмѣстно обработывать (двойной вспашкой) на арендуемомъ для этого участкѣ[1]) землю, общими же силами убирать и вымолачивать хлѣбъ, который долженъ храниться въ общемъ складѣ и подлежитъ равному между членами дѣлежу лишь по истеченіи трехъ-лѣтняго срока. Въ настоящемъ году артель сѣяла 20 пудовъ; ей сравнительно посчастливилось: сняли 160 пудовъ. Двое изъ участниковъ артели, съ которыми намъ довелось говорить уже въ городѣ, весьма довольны своимъ предпріятіемъ, но не желали бы значительнаго приращенія сочленовъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, многолюдство тормазило бы успѣшный ходъ дѣла.

---

[1]) Надѣлъ въ 2¹/₄ хозяйственной десятины, пролежавшій подъ паромъ 8—10 лѣтъ, можно арендовать на два года за 5—6 рублей.

Усть-Майское селеніе расположено въ 200 верстахъ отъ Амгинской Слободы, на лѣвомъ берегу Алдана, въ 4 верстахъ выше впаденія въ него рѣки Маи. Съ прекращеніемъ дѣятельности Аянскаго тракта большинство жителей этого селенія переселилось на Амуръ. Теперь сельцо состоитъ всего изъ семи крестьянскихъ дворовъ съ населеніемъ въ 22 души обоего пола, не считая семей священника, псаломщика и учителя. Свѣдѣнія, собранныя по отдѣльнымъ дворамъ, дали слѣдующія цыфры посѣвовъ и урожая въ нынѣшнемъ 1894 году.

Посѣяно:			Снято:	
Ржи . . .	35 п.	20 ф.	Самъ . . .	10
Ярицы . .	68 „	— „	„ . . .	10
Пшеницы . .	11 „	10 „	„ . . .	8
Ячменя . .	4 „	20 „	„ . . .	7
Итого . .	119 п.	10 ф.	Около . . .	1155

Хлѣбъ еще не былъ вымолоченъ, а потому разсчетъ произведенъ на основаніи количества собранныхъ сноповъ, послѣ пробнаго умолота, считая пудъ хлѣба съ 10—15 сноповъ, смотря по „силѣ“ зерна [1]). Картофеля посажено 67 п., собрано 305 п. Сѣна накошено 565 русскихъ копенъ, т. е. 188 саженныхъ возовъ (3 копны —возъ),—болѣе чѣмъ достаточно при десяти коровахъ и 11 лошадяхъ во всемъ селеніи. Многообѣщавшее роскошное состояніе хлѣбовъ въ періодъ цвѣтенія не оправдало ожиданій хозяевъ. Наступили засухи, продолжавшіяся почти мѣсяцъ: пышная, густая растительность на наземѣ полегла и стала прѣть, а во время налива ударилъ иней, задержавшій развитіе зерна яровыхъ хлѣбовъ [2]). Пшеница, кромѣ того, не мало пострадала отъ мелкой птички чечохи, огромными стаями опустошающей исключительно этотъ видъ хлѣба. Въ результатѣ получился урожай, который

[1]) При хорошемъ, буйномъ зернѣ 10 сноповъ даютъ 1 пудъ 30 фун. хлѣба.
[2]) Рожь (озимь) менѣе чувствительна къ заморозкамъ, чѣмъ яровой хлѣбъ.

усть-майцы, какъ уже выше замѣчено, считаютъ ниже средняго. Эта высокая требовательность сама по себѣ говоритъ, на сколько здѣсь условія для земледѣлія благопріятнѣе, чѣмъ на Амгѣ. Расчистки производятся большинствомъ хозяевъ почти ежегодно, хотя и въ весьма мизерныхъ размѣрахъ (отъ 10 фунт. до 3 пуд.), что объясняется недостаткомъ рабочихъ рукъ въ семьяхъ и невозможностью конкурировать въ пользованіи наемными рабочими съ сосѣдними скопцами. Это обстоятельство заставляетъ крестьянъ подымать производительность истощенныхъ пріусадебныхъ участковъ унаваживаніемъ, на сколько это дозволяетъ ничтожное количество содержимаго ими скота. Увеличеніе же скотоводства затруднено главнымъ образомъ отсутствіемъ по близости выгонной земли. Есть луга, но далеко: гонять скотъ за 4, за 5 верстъ, при сложности крестьянскаго хозяйства сравнительно съ инородческимъ, не возможно.

Усть-Майское селеніе производитъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Тутъ вы находите вполнѣ сохранившихся русскихъ людей добраго стараго времени, изъ которыхъ одно, выросшее здѣсь, поколѣніе, а другое— подростающее, еще не успѣли поддаться вліянію инородческаго элемента. Послѣ нѣсколькихъ дней сообщества съ якутами или объякутившимися амгинцами, вы попадаете въ родную атмосферу, которая, однако, черезъ день, черезъ два обнаруживаетъ стороны, не совсѣмъ отечественныя въ смыслѣ современныхъ порядковъ и нравовъ россійской деревни. Начать съ того, что усть-майцы очень рѣдко соприкасаются съ начальствомъ и не чувствуютъ надобности въ его покровительствѣ. Недоимокъ за ними не имѣется, ни гражданскихъ, ни уголовныхъ дѣлъ среди нихъ не возникало, даже мелкихъ кражъ не случается, такъ что хозяева, уходя въ поле, не опасаются оставить дома незапертыми, подпирая лишь двери палкой. Есть у нихъ школа, правда, бѣдно обставленная, но хорошо руководимая отцомъ В. М—мъ, при усердномъ, любящемъ

свое дѣло учителѣ. Есть, наконецъ, у нихъ священникъ, относящійся къ своему служенію съ серьезностью и гуманностью героя „На дѣйствительной службѣ“ Потапенко. Всѣ эти счастливыя условія, къ которымъ надо прибавить живописное расположеніе на берегу прекрасной рѣки, оставляютъ объ Усть-Майскомъ селеніи пріятное и радостное воспоминаніе.

Усть-Майское селеніе служитъ мѣстомъ такъ называемой „ярманки“ для ближайшихъ районовъ алданскихъ и майскихъ тунгусовъ. Послѣдніе съѣзжаются сюда къ Петрову дню въ количествѣ до 100 человѣкъ поститься и вносить подати, которыя уплачиваютъ, продавъ здѣсь привезенную съ собой пушнину. (Скупщиками являются скопцы и якуты Восточно-Кангаласскаго улуса, которые, въ качествѣ мелкихъ торговцевъ, проникаютъ въ самыя отдаленныя тунгусскія стойбища.

На той же лѣвой сторонѣ Алдана въ 7 вер. выше Усть-Майскаго — скопческое селеніе Петропавловское, а нѣсколько далѣе на противоположномъ берегу — селеніе Троицкое[1]).

Оба селенія по внѣшности гораздо беднѣе Мархи и Кильдямскаго[2]). Петропавловское[3]) состоитъ изъ 26 небольшихъ, но обыкновенію аккуратныхъ и уютныхъ домовъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу въ одну линію. Другая сторона улицы, къ рѣкѣ, занята амбарами, банями, мельницами (топчаки). Улица узкая, дворики не большіе. Видно, что скопцы дорожили землей, каждый квадратный аршинъ которой приходилось отвоевывать у тайги. Спускъ къ Алдану зеленѣетъ гдѣ пашнями, гдѣ огородами, искусственно поднятыми въ низкихъ мѣстахъ въ видѣ насыпи въ защиту отъ наводненія. Вездѣ чистота, порядокъ и мертвенная ти-

[1]) Въ первомъ изъ нихъ 35 муж. и 23 жен., въ Троицкомъ 47 м. и 23 жен.

[2]) Марха въ 8 вер. къ сѣверу отъ Якутска, Кильдямцы [illegible]

[3]) Въ Троицкомъ намъ не пришлось быть.

шина. Даже цѣнныхъ собакъ, неизбѣжной принадлежности скопческаго двора по ту сторону Лены, нигдѣ не слышно [1]).

И тутъ, какъ и во всѣхъ пунктахъ области, гдѣ поселены эти сектанты, они являются образцовыми земледѣльцами. Система полеводства получаетъ у нихъ широкій экстензивный характеръ, заключающійся въ преимущественной эксплоатаціи новинъ. Расчистки производятся ими ежегодно [2]) или арендуются у тунгусовъ.

На сырыхъ мѣстахъ, каковыя здѣсь, по крайней мѣрѣ, по Алдану преобладаютъ, расчищенная площадь для осушенія окружается канавой въ аршинъ глубиною. Обработка полей совершается колесухой [3]) при двойной вспашкѣ: въ первый разъ въ развалъ, второй въ свалъ. Старыя земли послѣ достаточнаго отдыха подымаются на $3^1/_2$ вершка, новины на 2 вершка. Свѣжіе участки засѣваются четыре и пять лѣтъ безъ перерыва; сначала три раза подъ рядъ сѣютъ пшеницу, за тѣмъ ярицу и на 5-й годъ рожь, послѣ чего ихъ оставляютъ на три, четыре года подъ паръ. Кромѣ этихъ хлѣбовъ, сѣютъ ячмень и овесъ. Гречиху бросили, — не успѣваетъ вызрѣвать. За то конопля растетъ недурно. Наибольшій урожай даетъ обыкновенно второй посѣвъ (самъ 30 и болѣе), такъ какъ первое лѣто органическія вещества распаханной чистки не успѣваютъ подвергнуться разложенію. Заморозки случаются и, по наблюденіямъ, всего чаще выпадаютъ на 15, 17 и 20-е іюля, но полной гибели хлѣбовъ отъ этой причины примѣровъ не бы-

[1]) Петропавловскіе скопцы были водворены сначала (въ 1875 г.) на р. Наторѣ (лѣвый притокъ Алдана): они были „пригнаны“ туда зимой въ безлюдную тайгу и предоставлены собственнымъ силамъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ они нашли одинокую якутскую юрту, гдѣ и жили, пока выстроили кое какіе балаганы. Мало по малу въ 2 вер. отъ станка Учугей-Муранъ возникъ поселокъ съ 23 домиками. Скопцы усердно принялись за расчистки. Но въ теченіе 5 лѣтъ хлѣба ни разу не удалось собрать: ежегодно посѣвы погибали отъ морозовъ. Не мало стоило имъ средствъ добиться перевода въ теперешнее ихъ мѣсто жительства, куда они переселились въ 1880 году.

[2]) Расчистка „пуда земли“ ($^1/_8$ десятины) обходится отъ 10 до 13 руб.

[3]) Колесуха—переходное орудіе отъ сохи къ плугу. Ею пашутъ на парѣ коней и забираютъ глубже, нежели сохой.

вало. Наиболѣе опасный, хотя и рѣдкій, бичъ здѣшняго земледѣлія —засухи, и не столько сами по себѣ, сколько порождаемая ими кобылка. Изъ-за нея на той сторонѣ Алдана погибло 60 десятинъ ржи: съѣденные кобылкой осенніе всходы вслѣдствіе бездождія, весной не пустили на песчаной почвѣ корневыхъ ростковъ. Огороды превосходные. Благодаря тщательному и умѣлому уходу „сестеръ", выращиваются съ полнымъ успѣхомъ разнообразныя овощи, изъ коихъ иныя были бы роскошью и въ болѣе благодатныхъ мѣстахъ Сибири. Такъ, напр., арбузы, выгоняемые въ парникахъ, достигаютъ до полу-пуда вѣсомъ.

Скопцовъ по справедливости считаютъ насадителями земледѣльческой культуры въ области. Правда, они часто умышленно подаютъ инородцамъ совѣты, направленные къ тому, чтобы отбить у послѣднихъ охоту къ земледѣлію; тѣмъ не менѣе ихъ земледѣльческіе успѣхи дѣйствуютъ поощрительно на окружающее населеніе, а прививка къ нему техники и пріемовъ хлѣбопашества происходитъ сама собою, вопреки желанію самихъ скопцовъ, въ силу необходимости для нихъ пользоваться рабочими изъ инородцевъ. Земледѣльческое хозяйство скопцовъ имѣетъ коммерческій характеръ. Культура хлѣбныхъ растеній является выгоднымъ занятіемъ, благодаря высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, дающимъ достаточную прибыль, не смотря на крупныя издержки производства и на весь рискъ предпріятія при существующихъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ [1]). Но отдавая должное ихъ трудолюбію, трезвости и практическимъ сельско-хозяйственнымъ познаніямъ, не слѣдуетъ забывать, что скопцы обязаны своими успѣхами не только этимъ качествамъ. Въ борьбѣ съ суровой якутской природой они обладали еще однимъ важнымъ преимуществомъ, которыхъ обыкновенно

---

[1]) По мѣрѣ развитія крестьянскаго и инородческаго хлѣбопашества и удешевленія вслѣдствіе этого, хлѣба, скопцы сокращаютъ свои запашки. Это общее явленіе для всей области. Въ 1894 г. у скопцовъ Якутскаго округа площадь посѣвовъ сократилась на $245^1/_2$ десятинъ, въ Олекминскомъ на $180^1/_4$ и въ Вилюйскомъ на $11^1/_4$. (Обзоръ Якут. обл. за 1894 г.).

лишены инородцы и пришлые элементы другихъ категорій, а именно—денежными средствами. Никакое трудолюбіе, а тѣмъ болѣе трудолюбіе одинокихъ, безсемейныхъ скопческихъ рукъ не въ силахъ превратить въ столь сравнительно короткій срокъ сотни десятинъ дѣвственной тайги въ пахотныя поля; это можетъ сдѣлать только подъемный капиталъ, дающій возможность пользоваться въ широкихъ относительно размѣрахъ наемнымъ трудомъ. А такимъ капиталомъ, приступая къ самостоятельному веденію хозяйства, владѣетъ всякій скопецъ. Онъ или получилъ и продолжаетъ получать его изъ Россіи, или снабженъ имъ въ кредитъ на льготныхъ условіяхъ единовѣрцами, ранѣе водворенными на поселеніе, или же, наконецъ, могъ скопить, прослуживъ нѣсколько лѣтъ на хорошемъ содержаніи у мархинскихъ и кильдямскихъ „братьевъ“.

Потребителями скопческаго хлѣба являются инородцы[1]), нельканскіе подрядчики, покупающіе муку значительными партіями для своихъ оборотовъ по перевозкѣ чаевъ и, въ послѣдніе годы, развѣдочная пріисковая партія, ищущая золото по восточнымъ притокамъ Алдана[2]). По свидѣтельству о. В. М—ва, въ голодные годы нуждающіеся тунгусы прокармливаются скопцами, разумѣется, не въ видѣ благотворительности, а въ видѣ ссуды продуктами, возвращаемой съ огромными процентами трудомъ, пушниной, рыбой. Отчасти это обстоятельство, отчасти широко господствующая въ Якут. Обл. подрядная система купли и продажи, въ силу коей инородецъ, нуждаясь въ пищѣ или деньгахъ, запродаетъ свой

[1]) Намъ отпустили муку отличнаго качества (съ нѣкоторой уступкой, въ виду расплаты наличными), ярицу по 1 р. 95 к. пудъ, пшеницу по 2 р. 20 к., ржаные сухари—3 р. 70 к., пшеничные—5 р. 50 к. Въ тоже время яричный хлѣбъ зерномъ продавался тунгусамъ по 2 р. 20 к. пудъ.

[2]) Развѣдочная партія отъ золотопромышленной компаніи, владѣющей Ниманскими пріисками уже нѣсколько лѣтъ, производитъ развѣдки, но до сихъ поръ безуспѣшно. Въ настоящее время розыски сосредоточены по р. Учуру, и по словамъ тунгуса (Павла Атласова), доставившаго для партіи нынѣшней осенью 700 пудовъ хлѣба, на притокѣ Учура Алгомѣ былъ найденъ самородокъ въ 17 золотниковъ. Въ 30 вер. отъ устья этой рѣчки построено нѣсколько срубовъ, такъ какъ партія намѣрена продолжать здѣсь шурфовку въ теченіе зимы (1894 года).

трудъ или продукты своего будущаго труда впередъ, почти все окружающее населенiе очутилось въ кабалѣ у скопцовъ. Нужно признать, однако, что формы ихъ эксплоатацiи все таки мягче прiемовъ, свойственныхъ торгующему среди инородцевъ мелкому православному купечеству. Достаточно указать на то, что въ числѣ средствъ къ наживѣ у нихъ отсутствуетъ самое вѣрное и въ тоже время самое тлетворное по дѣйствiю на инородческое населенiе— это спаиванiе водкой и обыгрыванiе въ карты.

Какъ Усть-Майское крестьянское общество, такъ и скопческiя селенiя находятся въ районѣ тунгусовъ Майскаго Вѣдомства. Территорiя его начинается отъ Хатынахскаго станка, въ 50 вер. не доѣзжая Алдана, и обнимаетъ огромное пространство, омываемое правыми притоками этой рѣки. Оно простирается далѣе за Джугджуръ и граничитъ съ охотскимъ моремъ, такъ какъ приаянскiе тунгусы въ административномъ отношенiи подчинены Майскому головѣ. Вѣдомство состоитъ изъ шести кочевыхъ родовъ и пяти бродячихъ. Кочевые, т. е. тѣ, которые уже перешли отъ оленеводства къ скотоводству и перекочевываютъ съ зимняго мѣста жительства на лѣтнее, сосредоточиваются главнымъ образомъ по верхнему теченiю Алдана и отчасти по Маѣ. Оленные же—въ постоянномъ передвиженiи съ мѣста на мѣсто—бродятъ по среднему и верхнему его теченiю, по Учуру и по Маѣ съ ихъ притоками. Оффицiально первыхъ считается 1384 души обоего пола, вторыхъ—1746. Но изъ каждаго рода не мало ушло въ предѣлы Приморской Области, и сколько такихъ эмигрантовъ—головѣ самому неизвѣстно[1]). Инородной Управы нѣтъ; ее замѣняетъ едино-

[1]) Въ оффицiальной бумагѣ Приамурскаго Генералъ-Губер. Якутскому Губернатору за 1892 или 93 г. сообщается объ 11 родахъ, ушедшихъ изъ предѣловъ Якутской Области въ Приамурскiй край. Разумѣется, это не цѣлые роды, а эмигрировавшiя части ихъ, которыя и на новыхъ мѣстахъ своего кочеванiя сохраняютъ прежнюю группировку по родамъ. На нихъ насчитывается 6000 р. недоимки.

личная власть головы[1]), при которомъ состоитъ письмоводитель, единственный на все вѣдомство. Послѣднiй получаетъ оффицiально 200 р. жалованья, но въ дѣйствительности гораздо больше. Отдѣльные роды или наслеги управляются выборными старостами и старшинами. Раскладка податей и повинностей у кочевыхъ тунгусовъ производится не по душамъ, а по землепользованiю, т. е. такъ же, какъ и у якутовъ, по классамъ[2]). Раздѣлы сѣнокосовъ происходятъ не ежегодно, а, смотря по соглашенiю наслежнаго общества, на время отъ 5 до 10 лѣтъ. Отъ каждаго рода выбирается одинъ или два депутата. Всѣ они вмѣстѣ объѣзжаютъ весь наслегъ и опредѣляютъ качество земель относительно урожайности сѣна бугулами или возами (возъ = 10 бугуламъ). Затѣмъ берутъ количество возовъ, необходимое для прокорма скота бѣднѣйшей семьи въ каждомъ наслегѣ, что составитъ въ среднемъ около 10 возовъ. Это и есть единица надѣла, или остожье. По количеству остожьевъ, получаемыхъ со всей сѣнокосной площади даннаго наслега, опредѣляютъ, сколько такихъ единицъ надѣла должно быть въ первомъ классѣ, во второмъ и въ третьемъ. (Основанiемъ при этомъ служитъ количество скота; такова, по крайней мѣрѣ, идея[3]). Чѣмъ ниже классъ, тѣмъ она ближе къ своему осуществленiю, и наоборотъ,—пропорцiональность меньше всего наблюдается при надѣленiи высшихъ классовъ. Родовичъ, который по количеству скота долженъ былъ бы получить въ два раза больше остожьевъ, чѣмъ другой его класса, владѣющiй вдвое меньшимъ числомъ головъ, получаетъ въ три и въ четыре раза больше, а между тѣмъ податей уплачиваетъ столько же, сколько и тотъ. Тутъ уже играетъ

[1]) Избирается также кандидатъ, играющiй роль помощника и, въ случаѣ надобности, замѣщающiй голову.

[2]) Бродячiе платятъ только ясакъ и никакихъ другихъ денежныхъ или натуральныхъ повинностей не несутъ.

[3]) Обстоятельное представленiе о способахъ землепользованiя у якутовъ можетъ дать только Сибиряковская экспедицiя. Къ сожалѣнiю, вслѣдствiе ограниченности средствъ, находящихся въ ея распоряженiи, на эту сторону якутской жизни удѣлено слишкомъ мало силъ.

роль сила богатства, на которой зиждется часто нарушающее экономическую справедливость влiянiе тойона въ своемъ наслегѣ. Тѣмъ не менѣе среди тунгусовъ не существуетъ примѣровъ такой рѣзкой неравномѣрности въ землепользованiи, какiе, по словамъ свѣдущихъ людей, наблюдаются у якутовъ. Послѣ разверстанiя остожьевъ по классамъ составляется раздѣльная вѣдомость съ перечисленiемъ всѣхъ родовичей, получающихъ того или другого класса надѣлъ, а также съ отмѣткою названiя отводимаго въ пользованiе каждаго лица сѣнокоса. Частичные передѣлы, вызываемые неравномѣрнымъ урожаемъ сѣновъ, производятся весьма часто. Они называются *уравненiемъ* (по якутски *амтерка*) и заключаются въ томъ, что лицамъ, у которыхъ въ данный годъ не уродилось сѣно, прирѣзаются покосы отъ владѣльцевъ участковъ съ хорошимъ урожаемъ. Уравненiе производится по опредѣленiю избранныхъ депутатовъ и обыкновенно вызываетъ, такъ же какъ и среди якутовъ, массу недовольствъ и жалобъ.

Полуосѣдлые, или кочевые тунгусы, сосредоточенные по Алдану и изрѣдка по Маѣ, подверглись вплоть до Юдомы полному объякученiю. По-тунгусски они даже не понимаютъ. Путемъ браковъ они до того перемѣшались съ якутами и по образу жизни настолько не отличаются отъ этихъ послѣднихъ, что причисленiе ихъ къ тунгусамъ, а не къ якутамъ утратило за собой всякое основанiе. Только за Юдомой (200 в.), по мѣрѣ удаленiя вверхъ по Маѣ, влiянiе якутскаго племени становится слабѣе, и тунгусы изъясняются уже на обоихъ языкахъ. По мнѣнiю о. Василiя Мальцева, совпадающему и съ нашимъ впечатлѣнiемъ, тунгусы представляютъ менѣе устойчивую нацiональность, чѣмъ якуты. Они болѣе воспрiимчивы къ чужой культурѣ, къ чужому языку. Большинство изъ встрѣчавшихся намъ по пути до самаго Алдана изъяснялись по-русски довольно понятно и охотно, чего нельзя сказать даже о подгородныхъ якутахъ. Въ хозяйствѣ полуосѣдлыхъ тунгусовъ земледѣлiе начинаетъ занимать все болѣе и болѣе значительное

мѣсто. По сообщеніямъ, полученнымъ нами изъ разныхъ источниковъ, нѣтъ тунгусскаго семейства, которое не сѣяло бы хоть полъпуда хлѣба; а есть посѣвы и въ 20 пудовъ (Степанъ Егоровъ) и въ 50 (Яковъ Турбачевъ). О склонности тунгусовъ къ хлѣбопашеству говоритъ также и содержаніе заявленій, съ которыми обращались къ П. А. Сикорскому; въ большинствѣ случаевъ они состояли въ просьбахъ ходатайствовать о предоставленіи просителямъ незанятыхъ мѣстъ по р. Маѣ для расчистки подъ пашни[1]). Это тяготѣніе къ землѣ объясняется, разумѣется, не какими нибудь особенными добродѣтелями тунгусовъ, а просто недостаткомъ покосовъ, стѣсняющихъ развитіе скотоводства. Якуты, какъ болѣе энергичная и численностью болѣе сильная народность, позахватывали лучшія привольныя мѣста и оттѣснили тунгусовъ въ область

[1]) Эти просьбы въ настоящое время уже удовлетворены. Рѣшенъ также общій вопросъ о заселеніи береговъ Маи. Якутское Областное Правленіе издало объявленіе на рус. и якутскомъ языкахъ, разъясняющее условія, на которыхъ тунгусы могутъ водворяться по этой рѣкѣ.

„Въ видахъ закрѣпленія уже существующихъ мѣстъ поселенія по р. Маѣ, говорится въ объявленіи, а также для облегченія образованія новыхъ, Якутское Областное Правленіе поставляетъ въ извѣстность тунгусовъ о соблюденіи при семъ слѣдующихъ правилъ:

„Всякій тунгусъ, водворившійся на осѣдлое жительство, безпрепятственно пользуется и впредь тѣми участками, которые по настоящее время расчищены имъ подъ пашню, заняты подъ сѣнокосъ или образованы посредствомъ выпуска озера. Но онъ обязанъ взять отъ своего общества приговоръ на владѣніе сими участками, въ чемъ общество, по удостовѣреніи въ дѣйствительномъ пользованіи таковыми, не должно отказывать просителю.

„Тунгусъ, желающій занять свободное мѣсто для осѣдлости, расчистить землю подъ пашню или подъ сѣнокосъ или выпустить озеро, заявляетъ объ этомъ своему обществу, которое опредѣляетъ размѣръ отводимаго участка соотвѣтственно рабочимъ силамъ семьи просителя и постановляетъ о томъ приговоръ.

„Такъ какъ при разсѣянности и при бродячемъ образѣ жизни большинства мѣстнаго населенія возникали бы затрудненія и проволочки въ полученіи общественныхъ приговоровъ, то таковые должны составляться не позже времени ближайшихъ сборищъ тунгусовъ, происходящихъ въ Усть-Майскомъ селеніи и на Нельканѣ, въ виду чего старосты обязаны присутствовать на этихъ сборищахъ и имѣть при себѣ свои печати.

„Лица, не принадлежащія къ тунгусскимъ обществамъ, не имѣютъ права въ предѣлахъ кочевій сихъ обществъ занимать земли и пользоваться сѣнокосными мѣстами безъ разрѣшенія областного начальства“.

бадароновъ и камня. Но почему бы то ни было, тунгусы весьма замѣтно обнаруживаютъ стремленіе къ земледѣльческому хозяйству, и въ виду этого нельзя не отнестись сочувственно къ отказу Областного Правленія въ ходатайствѣ скопцовъ Петропавловскаго селенія о прирѣзкѣ имъ земли изъ владѣній Тунгусскаго Вѣдомства. Они просили отвести имъ полосу на 3 вер. вверхъ по Алдану и на 1 вер. вглубь отъ берега, ссылаясь на недостаточность отведенныхъ имъ угодій, въ подтвержденіе чего указывали на то, что значительная часть засѣваемой ими площади арендуется ими у тунгусовъ. Чѣмъ далѣе отъ рѣки въ тайгу, тѣмъ земли менѣе пригодны подъ расчистки, тѣмъ болѣе хлѣба подвергаются дѣйствію заморозковъ; отрѣзка скопцамъ прибрежной полосы послужила бы поэтому плохимъ поощреніемъ зарождающемуся тунгусскому земледѣлію. Если же у скопцовъ является надобность въ дальнѣйшемъ расширеніи запашекъ, то у этихъ сектантовъ за средствами дѣло не станетъ. Между тѣмъ лишеніе тунгусовъ дохода, получаемаго ими по праву владѣльцевъ расчищенной земли, создало-бы условія, клонящіяся къ усугубленію и безъ того уже чувствительной экономической зависимости ихъ отъ скопцовъ.

Скотоводство по размѣрамъ, вслѣдствіе выше указанной причины, далеко уступаетъ якутскому. Отсюда и потребленіе мясной пищи крайне незначительно. Питаются главнымъ образомъ рыбой, въ которой нѣтъ недостатка въ рѣкахъ тунгусской территоріи. Алданъ и въ особенности Мая славятся на весь округъ жирной, мясистой, хотя и не крупной, стерлядью. Уловъ ея производится съ ноября по мартъ мѣсяцъ. Но благодаря высокой цѣнѣ, эта рыба больше идетъ въ продажу, чѣмъ для собственнаго потребленія. Скопцы и скупщики якуты платятъ за нее 5—6 руб. за пудъ зимой и 3 р.—3 р. 50 к. весной. Сами продовольствуются преимущественно карасемъ и налимомъ, промыселъ котораго начинается въ Алданѣ по замерзаніи рѣки, когда рыба, поднявшаяся вверхъ, возвращается назадъ къ устью. Налимъ, какъ и стерлядь,

идетъ быстринами. Въ такихъ мѣстахъ прорубается во льду щель въ видѣ буквы **Г** отъ четверти до двухъ шириною и до 15 саж. длины, смотря по ширинѣ быстринъ. Въ эту щель опускаютъ до самаго дна такъ наз. *заѣздки*, т. е. стѣну изъ плахъ или жердей. Въ изгибѣ ея въ самомъ низу оставляется отверстіе, къ которому прилаживаютъ большую *морду* изъ тальниковыхъ прутьевъ, опускаемую въ глубъ на двухъ жердяхъ. Налимъ, встрѣчая на своемъ ходу преграду въ заѣздкахъ, идетъ въ отверстіе и попадаетъ въ морду. Тунгусъ время отъ времени вытаскиваетъ послѣднюю и находитъ въ ней иногда до 3-хъ и болѣе пудовъ рыбы. Въ продажѣ налимъ стоитъ на мѣстѣ 1 р. 50 к. пудъ. Ловятся также таймень, сигъ, щука, линокъ, тугунъ, окунь, язь. Карась и мундушка, изъ коихъ вторая составляетъ главную рыбную пищу бѣдняковъ въ теченіе зимы, добываются изъ озеръ. Способы ловли той и другой рыбы, какъ передавали мнѣ, ничѣмъ не отличаются отъ якутскихъ, а потому я опишу ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ знаю ихъ у якутовъ. Ловля карасей начинается въ октябрѣ, когда окрѣпнетъ ледъ на озерахъ [1]). Рыбныя озера находятся въ общемъ пользованіи рода или наслега, но эксплоатируются больше собственниками неводовъ на условіи предоставленія $^2/_3$ добычи въ пользу общества. На уловъ являются почти всѣ родовичи наслега, мужчины, женщины и дѣти съ корзинами, чибишахами или кожаными сумками въ рукахъ. Въ одномъ концѣ озера почти во всю его ширину выстраивается шеренга людей, на разстояніи сажени другъ отъ друга. Каждый пробиваетъ пешней дыру вершка 3 въ діаметрѣ, опускаетъ туда жердь и дѣлаетъ ею круговращательныя движенія въ водѣ. Вся шеренга дѣйствуетъ одновременно, прерывая время отъ времени это занятіе дружнымъ топаньемъ ногъ по льду съ громкими криками: „гу, гу, гу!". Такимъ способомъ пугаютъ рыбу и гонятъ ее впередъ. Въ это время другая, передняя

[1]) Въ нѣкоторыхъ озерахъ караси чрезвычайно плохи на вкусъ, что, надо полагать, зависитъ отъ примѣси разныхъ солей въ водѣ.

шеренга, отстоящая отъ первой саж. на 50, пробиваетъ рядъ дыръ и идетъ дальше, а задняя, продолжая шумѣть и топать ногами, подвигается на ея мѣсто, опускаетъ въ готовыя дыры жерди и продѣлываетъ тѣ же движенія; затѣмъ снова передвигаются на такое же разстояніе и т. д. Испуганная рыба удаляется въ противуположный конецъ озера. Пока идутъ приготовленія по опусканію невода, ее задерживаютъ здѣсь, болтая воду жердями въ послѣднемъ ряду дыръ. Опусканіе невода производится такъ: на серединѣ озера дѣлается широкая прорубь, отъ которой радіусами, расходящимися къ обоимъ берегамъ, идутъ два ряда дыръ. Въ прорубь опускаютъ двѣ длинныя жерди, къ которымъ привязаны веревки, прикрѣпленныя къ концамъ невода за тетиву. Жерди направляются подъ льдомъ въ противуположныя стороны къ ближайшимъ дырамъ, черезъ которыя посредствомъ крючьевъ проталкиваютъ ихъ далѣе, пока не захватятъ тѣмъ же крючкомъ веревку. Послѣднюю вытаскиваютъ наружу и тянутъ по льду, подводя такимъ образомъ опущенное въ прорубь крыло невода до первой дыры. Тогда жердь, длина которой нѣсколько болѣе разстоянія между дырами, проталкиваютъ къ третьей дырѣ, а черезъ вторую вытаскиваютъ снова веревку и посредствомъ ея подтягиваютъ крыло къ этому пункту. Вытянувъ этимъ способомъ оба крыла подъ льдомъ во всю ихъ длину, опускаютъ въ *ёрданъ* (какъ называютъ якуты большую прорубь) мотню. Затѣмъ весь народъ двигается въ тотъ конецъ озера, куда была загнана рыба и тѣми же пріемами гонитъ ее обратно по направленію къ неводу. Чтобы карась не уходилъ въ свободные проходы у береговъ, здѣсь стоятъ съ жердями и сквозь дыры болтаютъ ими воду[1]). Рыба скучивается къ серединѣ озера, гдѣ всѣ дыры забрасываются снѣгомъ, чтобы не пугалъ ее свѣтъ. Остаются два отверстія у самаго *ёрдана*, куда опускаютъ въ воду древесныя вѣтки верхушкой внизъ. Рыба, на-

[1]) Разумѣется, это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда озеро не слишкомъ широко.

правляясь въ неводъ, задѣваетъ за вѣтки, и по силѣ ихъ колебаній хозяинъ невода опредѣляетъ время, когда наступаетъ пора вытаскивать мотню[1]). Народъ тѣснится у *ёрдана* въ нетерпѣливомъ ожиданіи увидѣть, какъ велика добыча. Болѣе благоразумные стараются разогнать толпу изъ опасенія, чтобы подъ ея тяжестью не обрушился ледъ; но толпа розбѣгается только тогда, когда начинаетъ раздаваться зловѣщій трескъ. По мѣрѣ вытаскиванія мотни, выгребаютъ рыбу тальниковыми сѣтчатыми лопатами[2]) на ледъ. Дѣлежъ происходитъ тутъ же. Хозяинъ невода отдѣляетъ изъ общей кучи 1/3 на глазъ для себя, остальное распредѣляетъ поровну между присутствующими, бросая рыбу лопатой въ подставляемыя посудины. День ловли карасей — настоящій праздникъ для инородцевъ. Помимо перспективы получить свою долю добычи, имъ нравится многолюдство, суетня, крики, движеніе; это приводитъ ихъ въ добродушно-веселое, возбужденное состояніе. Женщины наряжаются въ лучшіе свои костюмы. Многіе приходятъ изъ сосѣднихъ наслеговъ. Пріѣзжаетъ священникъ, весь причтъ; и прежде чѣмъ дѣлить рыбу между своими, обязательно по нѣскольку штукъ преподносится каждому гостю.

Карасей ѣдятъ вареными, при чемъ, какъ и якуты, не очищаютъ отъ внутренностей, выдавливаютъ только желчь. Это дѣлается не столько по лѣни или нечистоплотности, сколько потому, что жирныя внутренности карася очень вкусны.

Мундушка ловится простымъ орудіемъ, съ которымъ управляются дѣти. Оно состоитъ изъ волосяного сѣтчатаго сачка, натянутаго на обручъ и насаженнаго на палку. Надъ прорубью (*ойбонъ*) кладется доска съ дырой, черезъ которую просовываютъ палку и, опустивъ сачокъ въ воду, дѣлаютъ круговращательныя движенія. Мундушка набивается въ сѣтку, и такимъ способомъ одинъ чело-

[1]) Какъ видно изъ описанія, при этомъ способѣ ловли, подъ льдомъ, прежде всего приходится вытаскивать мотню.

[2]) По-якутски „*сюръ*“.

вѣкъ налавливаетъ ее иной разъ болѣе пуда. Это мелкая рыбешка отъ $1^1/_2$ вершковъ до величины снѣтки. Ее развариваютъ, приправляютъ, если есть, горстью муки и разбиваютъ вращеніемъ мутовки въ горшкѣ въ кашицеобразную массу; болѣе крупную нанизываютъ на палочки и пекутъ у камелька.

Изъ якутскихъ растительныхъ суррогатовъ пищи я слыхалъ только объ употребленіи сосновой заболони. *Сардана* встрѣчается рѣдко, и ее ѣдятъ, какъ лакомство. Сладкій корень этого растенія по виду напоминаетъ хрѣнъ или пастернакъ. Якуты ѣдятъ его вывареннымъ въ молокѣ, и я нахожу его въ такомъ приготовленіи гораздо вкуснѣе многихъ французскихъ legume'овъ. Изъ высушенныхъ корней приготовляютъ муку, весьма близко напоминающую на вкусъ какао. По обилію крахмалистыхъ веществъ, если судить по вкусу, она едва ли уступитъ нѣкоторымъ хлѣбамъ и совершенно напрасно причисляется къ суррогатамъ. Такія овощи, какъ картошка, огурцы, капуста, играющія столь важную роль въ питаніи рус. крестьянъ, съ гораздо большимъ правомъ могутъ быть названы этимъ именемъ. Чѣмъ прививать ихъ употребленіе среди сѣверныхъ инородцевъ, было бы полезнѣе культивировать сардану, а можетъ быть и другія мѣстныя съѣдобныя растенія, (болотный корень *унюла, быта-уга, кэ-уга* и др.).

Вымираютъ ли тунгусы? На этотъ вопросъ, возникающій обыкновенно, когда рѣчь заходитъ объ инородцахъ Сибири, можетъ дать отвѣтъ лишь обстоятельное изслѣдованіе. По заявленію отца В. Мальцева, столѣтніе старцы между ними не рѣдкость. Такое же наблюденіе находимъ мы у Миддендорфа. Говоря о бродячихъ тунгусахъ, онъ замѣчаетъ, что дѣятельный образъ жизни сохраняетъ ихъ здоровье до глубокой старости, и ему приходилось видѣть 60 и 70 —лѣтнихъ стариковъ, которые были отцами грудныхъ дѣтей. Рождаемость у полуосѣдлыхъ тунгусовъ значительно выше, нежели у бродячихъ; за то и смертность дѣтей у нихъ гораздо больше. О. Мальцевъ склоненъ объяснять это явленіе антигигієни-

чностью юртъ, часто не отдѣляющихся никакими перегородками отъ помѣщенія для скота (*хотонъ*). Быть можетъ тутъ не безъ вліянія также недостаточная еще приспособленность этой объякутившейся части тунгусовъ къ новымъ экономическимъ условіямъ и вообще къ инымъ, несвойственнымъ по преимуществу горному племени формамъ жизни. Оспопрививаніе поставлено крайне плохо, а у бродячихъ его, можно сказать, вовсе не существуетъ. Священникъ считаетъ наиболѣе сподручнымъ взять на себя эту обязанность, но безуспѣшныя попытки достать изъ Якутска лимфы привели его къ убѣжденію въ безнадежности этого дѣла. Во врачебномъ отношеніи населеніе пребываетъ въ полной безпомощности. Отъ Якутска до Аяна нѣтъ ни одного даже фельдшерскаго пункта. Лѣчатъ шаманы (оюнъ) и шаманки (удаганъ) заговорами и заклинаніями духовъ. Изъ вещественныхъ лѣкарствъ въ большомъ ходу, какъ наружное средство, медвѣжій жиръ и желчь, которыми мажутся противъ всевозможныхъ болѣзней.

Въ такомъ же безотрадномъ состояніи и школьное образованіе среди тунгусовъ. Въ Усть-Майской школѣ всего одинъ тунгусскій мальчикъ, содержаніе котораго обходится обществу въ 60 р. въ годъ. Желающихъ обучать своихъ дѣтей находится не мало, но, при страшной разбросанности населенія, это дѣло требуетъ значительныхъ расходовъ. При школѣ необходимо устройство общежитія, гдѣ инородческія дѣти помѣщались бы на полномъ содержаніи въ теченіе учебнаго времени года. Но батюшка находитъ невозможнымъ отягощать и безъ того бѣдное тунгусское общество обязательнымъ для этой цѣли сборомъ; а организованное имъ попечительство собираетъ крохи добровольныхъ пожертвованій, изъ которыхъ едва ли когда нибудь накопится сумма для содержанія и обученія еще одного тунгуса.

Закупка муки у скопцовъ, сушка сухарей, снаряженіе лодки, пріисканіе проводника, знающаго горную тропу[1]), по которой купленныхъ нами лошадей надо было прогнать до Нелькана,—все это и множество другихъ мелкихъ хлопотъ, неизбѣжныхъ при сборахъ экспедиціонной партіи въ дальній путь, задержали насъ въ Усть-Майскомъ селеніи на пять дней. Экспедиція состояла изъ начальника, двухъ помощниковъ, двухъ казаковъ и семи рабочихъ (лоцманъ и лямовщики): изъ нихъ три тунгуса, два якута, одинъ амгинскій крестьянинъ и одинъ русскій мѣщанинъ г. Якутска. Изъ инородцевъ не говорили по-русски трое:якутъ, одинъ тунгусъ и русскій амгинецъ. Любопытный контрастъ представляли этотъ послѣдній и якутъ Колымскаго округа Онисимъ Сивцевъ. Первый съ кроткими голубыми глазами, мягкими русыми волосами, съ бѣлымъ, почти блѣднымъ цвѣтомъ довольно правильнаго лица, слабосильный, глуповатый, могъ сказать на родномъ языкѣ, и то страшно коверкая, лишь нѣсколько словъ. Второй съ рѣзкимъ якутско-монгольскимъ типомъ физіономіи, черными жесткими волосами, яблокообразными скулами, хорошо грамотный, прекрасно, даже въ значительной степени литературно, говоритъ по-русски, весьма любознателенъ и обладаетъ многими свѣдѣніями, которыми обязанъ колымскимъ ссыльнымъ и отчасти И. Д. Черскому, у котораго въ его послѣднюю, роковую для него, экспедицію служилъ поваромъ. Въ той же роли Сивцевъ состоялъ и у насъ на лодкѣ. Склонность къ торгашеству, присущая его племени, обнаруживалась и у него въ гешефтахъ, которые онъ производилъ, продавая, покупая и обмѣнивая разныя принадлежности одежи.

Другой якутъ Батурусскаго улуса, Петръ, по прозванію *Моторка*, не имѣлъ съ Сивцевымъ ничего общаго. Онъ принадлежитъ къ тому типу своихъ сородичей, у которыхъ наиболѣе сохранились тюрко-татарскія черты. Удлиненное лицо, б. или м. прямой, не

[1]) Существуетъ скотогонная тропа по хребтамъ, окаймляющимъ долину Маи. Якуты прогоняютъ по ней лѣтомъ скотъ до Аяна.

приплюснутый носъ, весьма слабо выдающіяся скулы, широко раскрытыя глазныя щели, и только черные, какъ смоль, жесткіе волосы обличали какъ бы нѣкоторую примѣсь монгольской крови. Но по характеру онъ очень мало походитъ на якута. Серьезный, довольно медлительный въ движеніяхъ, правдивый и аккуратный, онъ состоитъ на лучшемъ счету у нельканцевъ и подрядчиковъ тунгусовъ по перевозкѣ чаевъ, какъ старательный и добросовѣстный работникъ. Не въ примѣръ вѣчно болтающимъ тунгусамъ, Петра рѣдко можно слышать бесѣдующимъ; но за то его остроумныя замѣчанія, реплики и отвѣты, всегда произносимые съ спокойнымъ, невозмутимымъ видомъ, вызывали обыкновенно всеобщій взрывъ смѣха. Эта манера дѣлала его больше хохломъ, чѣмъ каждаго изъ насъ троихъ, кіевлянъ по происхожденію.

Тунгусъ Тимофей—маленькій, чрезвычайно подвижной и сангвиничный, съ не рѣзко выраженными чертами лица своей національности; встрѣтивъ этого тунгуса съ мягкими курчавыми волосами гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, я принялъ бы его за еврея. Онъ отличается порывистой, нервной энергіей, живымъ сообразительнымъ умомъ, что заставляло прощать ему его вспыльчивость и дерзкія выходки не только по отношенію къ намъ, маленькимъ (*ачыгый*) тойонамъ, но и къ начальнику экспедиціи. Онъ хорошо говоритъ по-русски, и—что называется—за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

Александръ—крупная, коренастая фигура съ крѣпкой мускулатурой, съ скуластымъ широкимъ четырехъ-угольнымъ лицемъ, но свѣтло сѣрые глаза глядятъ какъ то больше по-славянски, чѣмъ по-монгольски. Онъ также вспыльчивъ и дерзокъ и, сверхъ того, какъ лоцманъ, обнаруживаетъ деспотическія наклонности, повелительно прикрикивая на робочихъ и при малѣйшемъ поводѣ ругая ихъ чисто по-русски; онъ побаивался только Тимофея, съ которымъ въ затруднительныхъ случаяхъ всегда совѣтовался. Оба они удивили насъ способностью легко осваиваться съ географической картой, а воспринимая ими нѣкоторыя понятія и свѣдѣнія при

продолжительномъ пребываніи въ развѣдочной пріисковой партіи г. Баллота, выдѣляютъ ихъ изъ среды своихъ сородичей.

Заслуживаетъ вниманія также старикъ лѣтъ 55, котораго всѣ называютъ шаманомъ. Но это маленькій шаманъ, по рангу соотвѣтствующій нашему сельскому знахарю. Къ нему выказываютъ больше заботливо покровительственное, чѣмъ почтительное отношеніе. Титулуютъ его *огонёръ* (дѣдушка), устраняютъ его по слабосилію отъ тяжелыхъ работъ, но никакимъ авторитетомъ среди рабочихъ онъ не пользуется. Онъ очень скроменъ, молчаливъ и услужливъ. Его смуглая треугольная физіономія съ прямыми почти до плечъ длинными волосами наиболѣе монгольская изъ всей инородческой группы нашихъ рабочихъ.

За исключеніемъ этого старика, всѣ они отличаются большимъ самолюбіемъ и обидчивостью. Между собой они часто шутятъ, часто подсмѣиваются одинъ надъ другимъ, но стоитъ казаку или кому нибудь изъ насъ обратиться къ тому или другому съ невинной шуткой, —получается совсѣмъ иной эффектъ: слова наши принимаются за оскорбленіе, и обиженный или молчитъ, сдерживая свой гнѣвъ, или отвѣчаетъ по-якутски ругательствомъ, иной разъ не опасаясь даже, что его поймутъ. Эта черта вообще обращаетъ на себя вниманіе среди якутовъ, и я пришелъ къ заключенію, что имъ совершеннно чуждъ и непонятенъ смыслъ и характеръ нашей шутки, что якутская психика реагируетъ на таковую съ какой-то особенной болѣзненностью, чего вовсе не замѣчается, когда они сами шутятъ и острятъ другъ надъ другомъ; въ противномъ случаѣ при склонности острить и давать всѣмъ и каждому насмѣшливыя и обидныя, по нашему понятію, клички[1]), якуты съ своимъ чувствительнымъ самолюбіемъ должны были-бы быть неуживчивымъ и

[1]) Напр. *бырыка* p—is, *оппoлуя*— ротозѣй, *орджохъ*—съ оскаленными зубами, *ыдалынъ*—толстобрюхій, *тайболунъ*—коротконогій. Я былъ извѣстенъ среди якутовъ моего улуса больше по кличкѣ арбальыжинъ (съ растрепанными волосами), чѣмъ по фамиліи.

необщительнымъ народомъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ мы видимъ совершенно обратное.

25-го мы переправились черезъ Алданъ, ширина котораго у Усть-Майскаго селенія $1^1/_4$ версты. Наша провизія главнымъ образомъ состояла изъ ржаного и пшеничнаго хлѣба, топленнаго якут. масла, кирпичнаго и плиточнаго чая, 5 пудовъ солонины и 7 ведеръ спирта. Всей клади было около 170 пудовъ.

Глава II.

По р. Маѣ до устья Юдомы.—Тяга лодки на бичевѣ.—Характеръ береговъ.—Населеніе.

26 іюня.—Отчалили вчера въ 9 ч. вечера затѣмъ только, чтобы тронуться съ мѣста. Вступивъ въ бѣловато мутную воду Маи и пройдя обширный лѣсистый островъ, расположенный между двумя рукавами ея устья, остановились на ночлегъ. Ширина рѣки съ островами, при сліяніи ея съ Алданомъ, до $2^1/_2$ верстъ, но главный рукавъ не болѣе 300—350 саж. Теченіе замѣтно быстрѣе алданскаго. Послѣ безпокойной ночи, проведенной въ постоянной борьбѣ съ назойливыми тучами комаровъ, въ началѣ 7-го утра тронулись дальше. Изъ-за густой тальниковой и ольховой заросли по подмытому обвалившемуся берегу рабочіе вынуждены тянуться въ лямкѣ водой—гдѣ по поясъ, а гдѣ и до самыхъ плечъ глубиной. Разъ даже, наткнувшись на глубокое мѣсто, должны были пуститься вплавь, таща за собой бичеву на разстояніи нѣсколькихъ саженъ. Горы праваго берега, покрытыя лиственничнымъ лѣсомъ, верстахъ въ 10 отъ устья вплотную подступаютъ къ рѣкѣ и, спускаясь обнаженными боками въ воду, образуютъ скалы *Отонуръ-хаята*[1]). За этими скалами долина значительно расширяется, и рѣка развѣтвляется на три русла, изъ коихъ главное тунгусы называютъ *Эмяхсинъ-Тыллахъ*[2]). Здѣсь на лѣвомъ берегу стоитъ

[1]) Якутское названіе, значитъ ягодная гора.

[2]) *Эмяхсинъ*—старуха, *тыллахъ*—вѣтренный, т. к. по этому руслу дуютъ частые вѣтры.

пустая избушка,—единственная, уцѣлѣвшая отъ бывшаго старовѣрческаго селенія *Новосельскаго.* Съ уничтоженіемъ станочной гоньбы обитатели его переселились на Лену въ с. Павловское въ 20 вер. выше Якутска, а покинутыя ими поля перешли во владѣніе троицкихъ скопцовъ.

Въ надеждѣ на лучшій бичевникъ, перешли на правую сторону, но и тутъ берегъ оказался обрывистымъ, съ густой зарослью, съ подмытыми у корня и повалившимися въ воду деревьями. Люди съ трудомъ пробираются въ кустарниковой гущинѣ. Сзади идетъ рабочій якутъ Моторка, освобождая постоянно путающуюся въ вѣтвяхъ и задѣвающую о свалившіяся лѣсины бичеву. Онъ обнаруживаетъ при этомъ большую ловкость: не рѣдко ему ничего не остается, какъ вскарабкаться до самой верхушки сосѣдней лѣсины и, качаясь надъ водой, обрубить лежащій поперекъ дороги стволъ иногда вершковъ до шести толщиной. Тамъ, гдѣ вырванныя водой деревья загромождаютъ русло на много саженъ отъ берега, мы обходимъ ихъ на веслахъ, а гдѣ возможно, прочищаемъ путь, дѣйствуя топоромъ съ носа. Легко представить, съ какой скоростью совершается наше движеніе при подобныхъ, встрѣчающихся чуть не на каждомъ шагу, препятствіяхъ. Въ 8 ч. остановились на ночевку у подошвы скалъ *Суонъ-бястяхъ-хая*[1]), что значитъ—горы, поросшія толстой сосной. Скорость теченія, измѣренная посредствомъ поплавковъ, оказалась здѣсь, въ 15 саж. отъ берега, всего $5^1/_2$ верстъ въ часъ. Измѣреніе производилось такъ: съ верхней точки отмѣренной цѣпью береговой линіи на 100 саж. швырялся обрубокъ дерева; моменты паденія его въ воду и прохожденія, отмѣченнаго вѣткой нижняго конечнаго пункта разстоянія, замѣчались наблюдателями по заранѣе свѣреннымъ часамъ. Изъ времени прохожденія нѣсколькихъ поплавковъ, съ разницей для каждаго въ нѣсколько секундъ, бралась средняя

---

[1]) Суонъ по якут. толстый, бясь—сосна.

величина.—Ширина рѣки на пройденномъ участкѣ приблизительно отъ 300 саж. до 1 вер. съ протоками.

27 іюня. На мой крикъ „туръ! туръ, туръ! (вставай!)“ рабочіе поднялись въ половинѣ 5-го. Они рѣшили немедленно же двигаться въ путь, находя для себя болѣе удобнымъ пройти часъ, другой, прежде чѣмъ приниматься за утренній чай. Потянулись подъ скалами *Суонъ-бястяхъ*, нависшими надъ водой голыми стѣнами саж. въ 50 вышины. Скалы представляютъ чрезвычайно правильную горизонтальную кладку плитъ глинистаго сланца отъ одной четверти ар. до $1^1/_2$ сантиметровъ толщины. Выступающія на разной высотѣ параллельныя линіи фигурныхъ карнизовъ придаютъ этимъ стѣнамъ видъ искусственныхъ сооруженій. Мѣстами въ вышинѣ замѣтны пятна просачивающейся наружу жирной жидкости, быть можетъ, нефти. Ниже устья протоки, называемой *Охтанга*[1]), теченіе становится быстрѣе. Вода сердито бурлитъ между подводными камнями. Опасность наткнуться на одинъ изъ такихъ валуновъ заставляетъ лоцмана быть особенно внимательнымъ. Лямовщики, низко согнувшись, едва передвигаютъ ногами по узкой, усѣянной ломаннымъ плитнякомъ, береговой полосѣ. Порою имъ приходится переползать черезъ огромные окатанные камни плотнаго (неслоистаго) известняка, очевидно нанесенные весенними глыбами льда. Мѣстами берегъ сходитъ на нѣтъ, заставляя рабочихъ брести въ водѣ.—Въ половинѣ 8-го остановились ночевать. Давно уже замѣченныя нами двѣ лодки быстро неслись къ нашей стоянкѣ. Въ нихъ сидѣло по три человѣка, изъ коихъ двое ловко дѣйствовали длинными двулопастными веслами. Это были юдомскіе тунгусы, направлявшіеся въ Усть-Майское селеніе на „ярманку“. Ѣдутъ „поститься“ и везутъ съ собой пушнину и ровдугу для уплаты ясака. Три молодыхъ парня, благообразные на видъ, съ длинными, раздѣленными по серединѣ проборомъ, пря-

[1]) Рабочіе не знаютъ значенія этого тунгусскаго слова.

мыми волосами, подошли къ нашему шитику „бокапсѣкать“[1]). Мы угостили ихъ табакомъ, а они преподнесли нашимъ рабочимъ нарѣзанной мелкими кусочками вяленой оленины. Мясо прѣсное и жесткое, но рабочіе и казаки ѣдятъ его, размачивая въ чаѣ, и находятъ довольно „скуснымъ“. Двѣ женщины и одинъ старикъ оставались въ лодкѣ; они постыдились подойти къ намъ, пот. что, какъ объясняли молодые тунгусы, одежа на нихъ плоха.— Двинулись далѣе подъ тѣми же скалами бичевой по водѣ выше пояса, но черезъ нѣсколько саженъ глубина заставила рабочихъ вскочить въ лодку. Взялись за багры. Цѣпляясь крючьями за разщелины и выступы скалы, медленно двигаемся впередъ противъ значительнаго теченія. Стаи щурей, спугиваемыя ударами багровъ, разлетаются изъ своихъ гнѣздъ, наполняя воздухъ тревожнымъ крикомъ. Застрявшій въ трещинахъ и по карнизамъ наносный хламъ указываетъ на высоту весенней воды, упавшей до теперешняго уровня сажени на четыре. Мѣстами проходимъ подъ нависшими надъ нашими головами выступами скалы, и у каждаго изъ насъ невольно зарождается непріятная, гнетущая мысль: вотъ-вотъ, мнится намъ, отъ удара багра каменная масса обрушится и задавитъ насъ своей тяжестью. Такъ прошли болѣе версты, пока съ противуположной стороны не открылась тихая протока, въ которую мы и направились на веслахъ, и пошли по ея тонкому правому берегу бичевой. Подулъ попутный вѣтеръ. В. Е. и П. А. съ помощью Расторгуева принялись налаживать парусъ и кливеръ. Провозились около часу, и парусъ былъ, наконецъ, поднятъ. Но вѣтеръ вдругъ принялъ обратное направленіе, и мы, къ торжеству лоцмана и лямовщиковъ, попятились назадъ. Еще на Усть-Маѣ рабочіе увѣряли, что парусомъ по этой рѣкѣ итти опасно, и относились къ его сооруженію весьма недружелюбно. Въ малую воду, при постоянныхъ изворотахъ русла и частыхъ перекатахъ, ихъ опасенія были бы справедливы, но теперь, пока вода стоитъ выше

[1]) *Поговорить*, отъ якутскаго *капсь*.

средняго уровня, парусъ при благопріятномъ вѣтрѣ принесъ бы намъ существенную пользу.—Подойдя къ мѣсту бывшаго *Стараго Намудырскаго* станка, повернули въ протоку *Охтанга* и пересѣкли ее на половину бродомъ, на половину на веслахъ съ обычнымъ на быстринахъ дружнымъ выкрикомъ „гу! гу! гу!". Далѣе по мелководью то на шестахъ, то бичевникомъ добрались до бывшаго *Новаго Намудырскаго* станка, гдѣ причалили на обѣдъ. Здѣсь стоитъ лѣтняя ураса тунгусской семьи; по близости имѣется небольшой клочекъ расчищенной земли. Но тунгусъ хлѣба не сѣетъ: „нѣтъ силъ распахать землю". Занимается рыболовствомъ и промышляетъ звѣря; кромѣ „малопульки" [1]) употребляетъ для этой цѣли самострѣлъ (лукъ) и устраиваетъ ловушки. Лукъ *(айя)* устанавливается такимъ образомъ, что звѣрь, проходя мимо, задѣваетъ за волосокъ, которымъ къ палочкѣ привязывается натянутая тетива; стрѣла спускается и ранитъ или убиваетъ животное. Искусство заключается въ томъ, чтобы замаскировать лукъ и приспособить заостренный конецъ стрѣлы на извѣстной высотѣ отъ земли, глядя по звѣрю, такъ, чтобы стрѣла попала ему въ сердце или въ брюхо. Иногда раненое животное успѣваетъ далеко убѣжать, такъ что охотнику приходится по нѣскольку дней разыскивать по слѣдамъ свою жертву. Самострѣлы ставятся главнымъ образомъ на зайца и на лисицу, но то-же оружіе приспособляютъ и на другихъ, болѣе крупныхъ животныхъ (олень, сохатый). Этой весной въ засаду тунгуса попалъ медвѣдь. Тунгусъ узналъ объ этомъ по крику ворона, котораго онъ замѣтилъ парящимъ надъ мѣстомъ засады. Но пробраться туда не было возможности: не пускала большая вода. Потомъ онъ нашелъ однѣ кости да клочки шкуры: его медвѣдь былъ съѣденъ медвѣдями. Верстахъ въ трехъ выше Намудыра проходимъ мимо двухъ подводныхъ камней; верхнія части ихъ обнажаются въ малую воду; теперь же мѣстоположеніе ихъ обозначается пѣнящимся бурливымъ движеніемъ воды.

[1]) Винтовка малокалиберная; ею стрѣляютъ преимущественно бѣлку.

По преданію, здѣсь потонула пушка, которую Екатерина II велѣла доставить на устье Альдомы, гдѣ имѣлось въ виду устройство порта [1]). Мѣсто называется *Пушка —тимирь-бютерь* [2]). На противуположномъ скалистомъ берегу отъ утеса на нашихъ глазахъ отвалилась глыба камня, полетѣвшая въ воду. Раздался грохотъ, точно выстрѣлъ „царицыной пушки“. Столбъ мелкихъ, какъ пыль, брызгъ взвился на мѣстѣ паденія; рѣка взволновалась и долго не могла успокоиться, сердито раскачивая нашъ шитикъ.— Попытка перейти на правый берегъ помощью паруса осталась безуспѣшной, не смотря на все усердіе Онисима, надувавшаго парусъ мѣхомъ, служащимъ у него для раздуванія огня. Принялись свистать, но и это средство—накликать попутный вѣтеръ—не удалось; парусъ болтался, какъ бабская юбка, и рабочіе, довольные посрамленіемъ тойонской затѣи, взялись за шесты. Но надежда найти удобный бичевникъ не оправдалась: берегъ и тутъ подмытъ и усѣянъ свалившимися въ воду деревьями, что, однако, не мѣшаетъ имъ жить и зеленѣть въ этомъ неудобномъ положеніи. Благодаря слабому теченію, версты $1^1/_2$ можно было пройти на веслахъ.— Не успѣли причалить на ночлегъ, какъ пришли въ отчаяніе отъ массы комарни: не дадутъ ни ѣсть, ни спать. Зазженные костры мало защищали отъ этой гнуси, пока не стали забрасывать яркіе огни охапками свѣжей травы, превращая такимъ способомъ костры въ дымокуры. Пока одни рубили и таскали дрова, другіе изъ рабочихъ занялись ловлей мелкой рыбешки *ору* (табунки), густыми стаями скопляющейся у боковъ лодки. Они просто черпаютъ ее ситомъ и ѣдятъ, разваренную въ котлѣ, въ видѣ кашицы....

28 іюня.—Идемъ топкимъ правымъ берегомъ, поросшимъ густой непроходимой растительностью, расчищая путь топоромъ. Тун-

[1]) Неосуществившійся проектъ перенесенія порта изъ Охотска въ Альдомскій заливъ былъ утвержденъ въ 1799 г.

[2]) Тамирь -желѣзо, *бютеръ*—непонятное якутамъ слово. Вѣроятно все выраженіе исковеркано тунгусами. Якутъ говоритъ: *пушка тимиренъ-бюттють сире*, т. е, мѣсто, гдѣ утонула желѣзная пушка.

гусъ Тимошка пробирается впереди, прорубая проходъ тянущимъ лямку, а Моторка—сзади, освобождая бичеву, путающуюся въ вѣтвяхъ деревьевъ. Пройдя такимъ образомъ версты $1^1/_2$, пустились на веслахъ къ лѣвому берегу, при чемъ теченіе снесло лодку на половину пройденнаго съ такимъ трудомъ разстоянія внизъ. Но и здѣсь не нашли лучшаго бичевника. Обрывистый берегъ засоренъ валежникомъ и вывороченными съ корнемъ лѣсинами, вѣтви которыхъ не пропускаютъ бичеву. Снова пустили въ ходъ топоръ, и снова рискованныя эквилибристики Моторки. Бросивъ этотъ невозможный берегъ, рабочіе спускаются въ воду и тянутъ бичеву бродомъ, хотя глубина мѣстами доходитъ имъ до самыхъ плечъ. Наконецъ, обнаруживается болѣе или менѣе сносный бичевникъ. Къ рѣкѣ подступаютъ скалы *Ураханъ-хая;* съ приближеніемъ къ нимъ берегъ принимаетъ видъ широкой панели, вымощенной отполированными водой огромными плитами сланца. Эта красивая набережная постепенно возвышается, сливаясь съ отвѣсной стѣной скалы, и бичевникъ исчезаетъ. Оголенныя стѣны, изрѣзанныя съ верху до низу вертикальными трещинами, возвышаются на 5—6 саж. Онѣ состоятъ изъ тонкихъ слоевъ известковаго сланца, отдѣльныя плиты котораго свободно вынимаются подобно кирпичамъ, не скрѣпленнымъ цементировкой. Цѣпляясь баграми за эти плиты, дошли до р. *Урахахъ,* откуда переправились на правую низменную сторону. Но тутъ, вмѣсто ожидаемаго бичевника, нашли длинную отмель и должны были потащить бичеву по водѣ. Отчаявшись пройти далѣе по этому мелководному руслу и пытаясь завернуть на шестахъ въ ближайшую протоку, сѣли на мель. Провозились около часу, прежде чѣмъ удалось, наконецъ, посредствомъ вращательнаго движенія сдвинуть лодку; но въ устьѣ протоки попали въ жестокій шиверъ. Сколько ни бились, не могли справиться съ быстриной. Ничего не оставалось, какъ вернуться обратно на правый скалистый берегъ, что мы и сдѣлали съ большими трудностями, промаявшись почти на одномъ мѣстѣ пять часовъ. Опять цѣпляемся баграми.

Скалы тянутся версты четыре, затѣмъ отходятъ отъ рѣки на западъ, и мы вступаемъ въ тихую воду. Обогнувъ островъ изъ наносной гальки и пытаясь пересѣчь вбродъ протоку, основательно садимся на мель. Рабочіе, ухватившись за борта, силятся перетащить лодку черезъ перекатъ; мы и казаки помогаемъ, напирая шестами, но всѣ наши старанія ни къ чему не привели. Рѣшили тянуть лодку назадъ и искать возможнаго прохода подъ правымъ берегомъ, къ которому снова подошли отступившія полукругомъ голыя скалы. Гдѣ на веслахъ, гдѣ на баграхъ, а большей частью бичевой по водѣ добрались до небольшей береговой полянки—мѣсто бывшаго Ураханскаго полустанка—и остановились на ночлегъ, сдѣлавъ за весь день не болѣе 10 верстъ.

За пять дней подобнаго путешествія мы проѣхали 85 в. и были у устья *Чабды*, одного изъ наиболѣе значительныхъ лѣвыхъ притоковъ Маи. Вода съ каждымъ днемъ убывала, спадая за ночь на $1^1/_2$ и на 3 верш. Ширина рѣки отъ 200 до 400 саж. Многочисленные острова покрыты мѣшанымъ лѣсомъ—ель, талина, тополь, ольха. Густая, высокая трава пробивается сквозь наносный хламъ, которымъ засорены наиболѣе низкіе изъ острововъ. Отвѣсныя скалы продолжаютъ тянуться то правымъ, то лѣвымъ берегомъ[1], мѣстами прерываясь распадками, которые служатъ ложемъ бурныхъ весеннихъ потоковъ и мелкихъ рѣченокъ. Не смотря на жару, отъ которой мы изнемогаемъ, рабочіе идутъ на тягѣ бодро, время отъ времени окунаясь съ головой въ воду. У устья Чабды на возвышенномъ берегу стоитъ одинокое жилище старовѣра, забайкальскаго уроженца Иванова, переселившагося сюда въ числѣ другихъ крестьянъ по вызову начальства для обганиванія станковъ. Съ упраздненіемъ тракта, онъ перевелся въ Амгинскую Слободу, но частые неурожаи отъ засухъ и заморозковъ заставили его возвратиться на Маю. Хозяйство не большое, дѣтей нѣтъ, управляются вдвоемъ съ женою. Посѣялъ 4 пуда ячменя, къ будущему году заготовилъ

[1]) Подъ названіемъ здѣсь *Серге-Тырде*.

расчистки на 2½ пуда подъ рожь. Хлѣбъ родится хорошо: въ среднемъ самъ 11, самъ 12. При домѣ огородъ съ картошкой, капустой, свеклой. Занимается звѣроловствомъ и мелкой торговлей. Держитъ одну корову и прирученнаго сохатаго (самка). По словамъ старовѣра (котораго мы видали на обратномъ пути), сохатый свободно ходитъ на пастбище и возвращается самъ-же домой; животное на столько одомашнилось, что при необходимости могло-бы употребляться на работы. По Чабдѣ старовѣръ знаетъ только одно полуосѣдлое тунгусское семейство, проживающее верстахъ въ 10-ти отъ устья. Не далеко отъ этой рѣки на лѣвомъ берегу начинаются горы съ обнаженнымъ скатомъ къ водѣ, называемыя *Бёрбёндехаята*[1]). Сначала узкая береговая полоса постепенно расширяется, образуя правильную красивую лѣстницу съ спускающимися подъ водой ступеньками. Теченіе быстрое; рабочіе тяжело тянутъ бичеву по гладкимъ, скользкимъ каменнымъ плитамъ, опираясь на палки. Нѣсколько далѣе, за мелью, называемой *Ортоку-тасъ*[2]), скалы принимаютъ разнообразныя формы, дающія полную иллюзію средневѣковыхъ замковъ съ башнями, съ зіяющими въ стѣнахъ бойницами и множествомъ причудливыхъ архитектурныхъ украшеній. Проходя здѣсь, мы удлинняемъ бичеву, чтобы не задѣть мачтой о деревья, горизонтально и даже подъ угломъ болѣе чѣмъ въ 90° склонившіяся съ выступовъ скалъ. За бывшимъ *Улукутскимъ* станкомъ замѣтили на противуположномъ берегу тунгусовъ. Встрѣча людей въ нашемъ путешествіи на столько рѣдкое явленіе, что всѣ мы приходимъ въ нѣкоторое волненіе. Бинокль переходитъ изъ рукъ въ руки, а рабочіе во всю глотку начинаютъ орать: „Капсѣ, догоръ капсѣ“!—„Кэль, кэль! Хатышь агалъ,—ары баріагымъ, табакъ баріагымъ“! (сказывай, пріятель, сказывай![3])—Сюда иди, сюда! Тащи стерлядей, —водки дадимъ, табаку дадимъ)! Мужчина

[1]) Тунгусское слово, значенія наши рабочіе не знаютъ.

[2]) По якут. *ортоку*- средній, *тасъ*—камень.

[3]) Обычная форма привѣтствія у якутовъ.

и женщина съ двумя ребятами отчаливаютъ отъ берега и подплываютъ къ намъ. Они всходятъ на шитикъ и съ низкими учащенными поклонами выражаютъ удовольствіе, что *улаханъ-тойонъ* (важный господинъ) удостоилъ ихъ край посѣщеніемъ. Матвей Степановъ, объякутившійся тунгусъ, поселился здѣсь 8 лѣтъ тому назадъ съ разрѣшенія, какъ заявляетъ онъ, проѣзжавшаго по Маѣ генерала Свѣтлицкаго. Съ тѣхъ поръ онъ ежегодно расчищаетъ изъ подъ лѣса по пуду земли[1]) и въ настоящее время засѣваетъ 4 п. ячменя, 3 п. ржи и 1 п. пшеницы и садитъ два п. картошки. Скота у него 18 головъ; изъ нихъ 5 коровъ и 2 лошади. По податному окладу онъ записанъ во 2-й классъ и вноситъ государственныхъ и общественныхъ платежей отъ 10 до 11 руб. Средняя урожайность его земли самъ 10. Заморозки бываютъ, но очень рѣдко, и примѣра серьезныхъ поврежденій хлѣбовъ отъ этой причины не случалось. Всего лучше удается рожь, но тунгусы, какъ и якуты, предпочитаютъ ячменныя лепешки. Пашетъ на быкахъ простой сохой, коситъ литовкой. Горбушей[2]) алданскіе и майскіе тунгусы перестали косить. Научился земледѣлію отъ кумахинскихъ и юдомскихъ скопцовъ. Пользуется отъ общества сѣнокосомъ на 400 бугуловъ (40 возовъ). Но его сѣнокосный участокъ часто затопляется водой, спадающей иной годъ лишь позднимъ лѣтомъ. Онъ проситъ разрѣшенія осушить озеро посредствомъ выпуска послѣдняго въ рѣчонку *Туостохъ*. На вопросъ, почему онъ не обратился съ этой просьбой къ своему обществу, онъ отвѣтилъ, что долина р. Маи еще со временъ существованія тракта выдѣлена изъ района земель Тунгусскаго Вѣдомства, и общество не считаетъ себя вправѣ распоряжаться ею. Въ виду этого, такъ какъ у него ни-

[1]) „Пудъ земли“ — [illegible] хозяйственной десятины.

[2]) Горбуша—съ болѣе изогнутымъ желѣзкомъ и болѣе короткой ручкой, чѣмъ у косы. По своей формѣ она представляетъ нѣчто среднее между серпомъ и этимъ послѣднимъ, болѣе совершеннымъ орудіемъ. Дѣйствуя ею, держатъ древко, какъ топоръ, обѣими руками и собственно не косятъ, а рубятъ траву, размахивая ею подъ довольно острымъ угломъ справа на лѣво. Трудъ при этомъ и болѣе утомителенъ, и менѣе производителенъ, пот. что трава захватывается гораздо выше отъ корня, чѣмъ косой.

какихъ документовъ на водворенiе здѣсь не имѣется, онъ желаетъ знать, можетъ-ли его положенiе считаться прочнымъ, и не сгонятъ-ли его отсюда, какъ этимъ грозитъ ему усть-майскiй крестьянинъ К—нъ, повсюду захватывающiй береговые сѣнокосы будто-бы съ разрѣшенiя Земскаго Суда. Успокоенный обѣщанiемъ передать его просьбу высшему областному начальству и обнадеженный въ благопрiятномъ ея рѣшенiи, Степановъ преподнесъ намъ осетровъ и стерлядей, за что былъ отдаренъ чаемъ и табакомъ.

Не доходя скалъ *Сырджикытъ-хаята*[1]) мы попали въ сильный бой,—мѣсто, гдѣ, по словамъ рабочихъ, не разъ рвалась даже удвоенная бичева; но наша, изъ китайской крапивы, выдержала. Лямовщики употребляли отчаянныя усилiя, чтобы протащить лодку противъ стремительнаго теченiя. Опираясь на палки, посинѣвъ отъ натуги, они едва двигались, сгибаясь до самой земли. Преодолѣвъ трудное мѣсто, они вступаютъ на гладкiй, точно асфальтовый берегъ Сырджикытскихъ скалъ. Это самыя высокiя береговыя обнаженiя изъ до сихъ поръ встрѣчавшихся по Маѣ. Правильно чередующiяся полосы желтаго и коричневаго глинистыхъ сланцевъ, съ красиво выступающими карнизами, придаютъ стѣнамъ эффектный видъ. По склонамъ кое-гдѣ торчатъ наклонившiеся стволы сосны, а обнаженныя вершины состоятъ изъ ряда выступовъ, напоминающихъ крѣпостныя сооруженiя. Этотъ угрюмо величественный берегъ, тянущiйся версты $2^1/_2$, населенъ множествомъ безпокойныхъ *абаги* (злые духи), изъ-за которыхъ рабочiе, не смотря на наше желанiе, не захотѣли остановиться здѣсь на ночлегъ.

Пища нашихъ рабочихъ состоитъ изъ $^1/_2$ ф. масла въ день и 3 ф. печенаго хлѣба при одномъ чаѣ. Рыба, на которую разсчитывали, какъ подспорье въ питанiи, не ловится. Каждый вечеръ ставятся сѣти, но въ большинствѣ случаевъ въ нихъ ничего не попадаетъ или же много-много—пять-шесть штукъ небольшихъ окуней. Птица съ молодыми выводками прячется по озе-

[1]) Сырджикытъ—путеводитель, маякъ.

рамъ; на рѣкѣ встрѣчаются лишь гагары, мясо которыхъ, черное, не вкусное, отдаетъ рыбой, да выводки крахалей, которыхъ, не скрадывая, нельзя взять ружьемъ, такъ какъ они уже саженей за 100 начинаютъ съ чрезвычайной быстротой улепетывать по водѣ. Недостатокъ пищи вызываетъ ропотъ среди рабочихъ; они просятъ прибавки масла, котораго имъ хватаетъ только на утро и на обѣдъ; полагающейся порціи хлѣба они не могутъ съѣсть: квашеный хлѣбъ производитъ у нихъ разстройство желудковъ, а безъ масла, какъ они выражаются, и въ горло даже не хочетъ лѣзть. Рѣшено прибавить 1 ф. на всѣхъ къ вечернему чаю.

Мы приближаемся къ *Юдомѣ* (3-го іюля). Пахнетъ гарью. Давно замѣченная пелена дыма, скрывающая впереди даль, становится все гуще. Горятъ лѣса. Рабочіе утверждаютъ, что это дѣло чужого человѣка „*омука*". Тунгусы всегда тщательно тушатъ свои костры, чтобы лѣсной пожаръ не разогналъ звѣрей. Но изъ чужихъ людей кто же здѣсь могъ проходить, кромѣ Осипова съ нашими лошадьми, да якутовъ, погонщиковъ скота, законтрактованнаго аянскимъ управляющимъ изъ Якутска? Очевидно палъ пущенъ, благодаря ихъ неосторожности или безпечности. Вскорѣ по берегу замѣтили слѣды конскаго кала; по опредѣленію рабочихъ, тщательно осмотрѣвшихъ пометъ, Осиповъ проходилъ здѣсь не далѣе двухъ дней тому назадъ.

Еще верстъ за 8 до Юдомы, не доѣзжая скалы *Ычынгы-хаята*[1]), вступаемъ въ прозрачную майскую воду подъ лѣвымъ берегомъ, тогда какъ подъ правымъ идетъ мутная юдомская вода. Скала *Ычынгы* господствуетъ надъ всѣми возвышенными пунктами прибрежныхъ горъ. Она имѣетъ видъ крѣпости, разрушенной бомбардировкой, и представляетъ хаотическое нагроможденіе глыбъ почернѣвшаго известняка съ вкрапленными бѣлыми пятнами кварца. Подъ камнями струятся ручьи, производя странный, съ перваго раза необъяснимый, шумъ, смѣшивающійся съ пискомъ многочи-

[1]) Ычынгы — тунгусское слово. Значеніе не извѣстно якутамъ.

сленныхъ каменныхъ мышей (lagomis hyperboreus)[1]), встревоженныхъ В. Е—мъ, взбиравшимся на скалу съ фотографическимъ аппаратомъ. Устье Юдомы, саж. 200 ширины, развѣтвляется на два рукава, раздѣляемые поросшимъ густой лиственницей *Варначьимъ* островомъ. Бѣглые каторжники охотскаго острога[2]), плывя на плотахъ по Юдомѣ, останавливались здѣсь и устраивали временныя жилища, изъ которыхъ дѣлали нападенія на проѣзжавшихъ съ рыбой или пушниной тунгусовъ. Отсюда названіе острова, такъ какъ *варнакомъ* въ Сибири называютъ каторжника (и вообще ссыльнаго). За этимъ островомъ на правой сторонѣ видна мрачная, изборожденная рытвинами, скала *Юдома-Сюряхъ-хаята*—*Сердце Юдомы*.—Юдома самый большой притокъ Маи. Она беретъ начало изъ отроговъ Становаго хребта приблизительно верстъ на 150 сѣвернѣе охотской параллели (59° 02′ 20″) и течетъ къ Маѣ, сохраняя общее направленіе съ С. В. на Ю. З. Длина ея, по Словцову, около 600 в. Эта быстрая рѣка на столько „подпираетъ“ Маю, что послѣдняя окрашивается въ ея бѣлесовато-мутный цвѣтъ саженей на 100 вверхъ отъ ея устья. Эта окраска юдомской воды въ свою очередь происходитъ отъ притока *Нюлюкутъ*, выше котораго рѣка становится совершенно прозрачной. Начиная отъ *Юдомы-Крестовской*—станокъ по якутско-охотскому тракту—она течетъ въ одномъ руслѣ въ высокихъ скалистыхъ берегахъ. Глубины ея весьма значительны, такъ что лямовщикамъ брести въ водѣ, какъ это имъ сплошь и рядомъ приходится по Маѣ, не возможно. Ни мелей, ни перекатовъ не встрѣчается, за то есть два не безопасныхъ порога, изъ коихъ первый, большой, верстъ на 100 выше *Креста*, въ полую воду можетъ быть обойденъ протокой; второй, менѣе значительный,—верстахъ въ 400 отъ устья и верстъ на 10 выше притока *Дэленгэ*. Здѣсь бѣглые каторжники бросали свои плоты и, обойдя порогъ берегомъ, для дальнѣйшаго

[1]) По-якутски *тасъ кутуяхъ*.

[2]) Каторжная тюрьма въ Охотскѣ упразднена въ 1845 г.

путешествія строили новые.—Скорость ея теченія, ослабѣвающая лишь верстъ за 100 до впаденія въ Маю, такъ велика, что, по показаніямъ тунгусовъ, на вѣткѣ переѣхать ее поперекъ нѣтъ возможности, а шумъ отъ быстрыхъ ея волнъ заставляетъ людей, сидящихъ въ одной лодкѣ, кричать другъ другу надъ самымъ ухомъ. Для тунгусовъ Юдома—„худая, скупая“ (кусаганъ, кырчыгей) рѣка: ни птицы, ни рыбы въ ней нѣтъ; таковы же и ея притоки, за исключеніемъ вливающагося съ лѣвой стороны *Терби*, единственнаго посѣщаемаго тунгусами для рыбной ловли[1]).

Близъ устья Юдомы на мѣстѣ бывшаго станка были поселены пять скопцовъ; но изъ трехъ обветшалыхъ домиковъ теперь оби-

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія получены мною отъ знакомыхъ съ рѣкой тунгусовъ Павла Атласова, Луки Бубякина и Тихона Михайлова. По ихъ словамъ *Терби* на разстояніи 12 в. отъ устья зимой не замерзаетъ, такъ что тунгусы ловятъ здѣсь рыбу въ это время года сѣтями.

Амурская К° сдѣлала попытку въ настоящемъ (1894 году) сплавить чаи изъ Охотска по р. Юдомѣ. Доставленныя предъидущимъ лѣтомъ въ этотъ портъ 1000 мѣстъ были перевезены зимой до Юдомы. Длина этого пути около 250 в. Изъ нихъ 160 в. обозы шли по охотскому тракту, затѣмъ, свернувъ въ долину р. *Кытанды*, впадающей въ Охоту, поднялись вверхъ по ея теченію на Становой хребетъ, на которомъ расположена цѣлая группа озеръ: изъ одного изъ нихъ беретъ начало Кытанда, изъ другого—одна изъ вершинъ Юдомы, направляющая по противуположному склону отрога. Обозы спустились по этой рѣкѣ, прошедши на югъ отъ охотскаго тракта верстъ 85—90. Подъемы и спуски ничтожны, мѣстность вездѣ тундристая, съ слабой древесной растительностью; но кормовъ для оленей достаточно. Снѣга очень глубоки. Приходилось прокладывать путь такимъ образомъ: впереди пускали на длинной веревкѣ одного оленя, за нимъ пару, затѣмъ еще 4 въ рядъ, потомъ нѣсколько партъ порожнякомъ, и наконецъ двигались парты съ грузомъ. 1000 мѣстъ были привезены подрядчикомъ въ три пріема. Въ первый разъ бездорожное разстояніе (85—90 в.) было пройдено въ 5 дней, во второй—въ 8, и въ третій—въ 12 дней. Было заготовлено 10 небольшихъ паузковъ на 100 мѣстъ каждый. Но изъ нихъ достигли устья Алдана только три, остальнымъ не удалось пройти порога, представляющаго собою продолженіе береговой скалы, тянущейся во всю ширину рѣки. Пока паузки возились на меляхъ и перекатахъ верстъ на 100 выше, вода спала и покрывала эту часть скалы всего на четверть. Пришлось чаи выгрузить на берегъ съ тѣмъ, чтобы доставить ихъ въ Якутскъ зимнимъ путемъ. По словамъ подрядчика, перевозившаго чаи, г. Михалевича, этотъ путь можетъ быть выгоднѣе сухопутнаго охотскаго тракта лишь въ томъ случаѣ, если доставлять чай на оленяхъ ниже пороговъ: по рѣчной сплавъ его возможенъ не болѣе какъ на 2, на 3 года, ибо годный для постройки паузковъ лѣсъ имѣется въ весьма ограниченномъ количествѣ. Дальнѣйшая утилизація юдомскаго пути потребуетъ пароходнаго движенія, для котораго, по утвержденію того же г. Михалевича, нижнее теченіе рѣки отъ порога представляется вполнѣ удобнымъ.

таемъ только одинъ, въ которомъ живетъ скопецъ Иванъ Тюни, чухонецъ петербургской губ. Остальные его собратья, достаточно обезпечивъ свою старость торговлей среди инородцевъ хлѣбомъ и другими товарами, перевелись доживать свой вѣкъ—кто на Марху[1]), кто на Черонъ[2]). Сектанты занимались здѣсь хлѣбопашествомъ съ большимъ успѣхомъ. Правда, они расчистили всего 5 десятинъ земли, изъ коихъ половина отходила подъ сѣнокосъ, но при богатыхъ урожаяхъ, хлѣбъ никогда не продавался ниже 3 р. за пудъ въ зернѣ. Въ настоящемъ году Ив. Тюни не сѣялъ въ ожиданіи своего перевода, о которомъ онъ уже много лѣтъ хлопочетъ безуспѣшно. Онъ производитъ весьма жалкое впечатлѣніе. Съ желтымъ какъ воскъ лицемъ, съ повязаной платкомъ головой, въ плохой одеженкѣ, вышелъ онъ къ намъ, едва передвигая ноги, опираясь на палку. Слабымъ плаксивымъ голоскомъ онъ жалуется на свои старческія хворости, на бѣдность, на немоготу больше работать и умоляетъ исходатайствовать ему разрѣшеніе переселиться къ своимъ единовѣрцамъ. Но наши рабочіе утверждаютъ, что все это не болѣе какъ притворство съ цѣлью добиться перевода: скопецъ хотя и старъ, но здоровъ, и одежа у него есть хорошая, и деньги есть, и давно бы онъ могъ перевестись, если бы не былъ такъ скупъ и не жалѣлъ денегъ на хлопоты. Скопцы вообще большіе мастера „пѣть лазаря“ и надѣвать на себя личину убожества, тѣмъ не менѣе жизнь одинокаго старика въ этой пустынѣ не можетъ быть отрадной. Не смотря на то, что здѣсь въ тайгѣ, въ смыслѣ безопасности, гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ любомъ культурномъ городѣ,—тунгусъ чужого не тронетъ, а тѣмъ болѣе не пойдетъ на грабежъ или убійство,—скопецъ въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь и за свое имущество. У него всегда наготовѣ заряженное ружье, а вокругъ дома разставлены луки со стрѣлами. Одинъ

[1]) Большое скопческое селеніе въ 8 в. на С. отъ Якутска.

[2]) Мѣстность близъ устья Маи, гдѣ расположено селеніе Петропавловское. Черономъ вообще называютъ возвышенное мѣсто, поросшее березнякомъ.

тунгусъ, желая зайти къ скопцу, зацѣпилъ за волосъ, вслѣдствіе чего тетива соскочила—и стрѣла попала ему въ ногу, пронзивъ голенище этербеса. Послѣ этого никто не рѣшается приблизиться къ дому Тюни, и если кто хочетъ его видѣть, тотъ долженъ „ревѣть“ [1]) издали или подать знать о себѣ выстрѣломъ изъ ружья.

Въ полуверстѣ отъ скопческихъ домиковъ стоитъ юрта тунгуса Луки Бубякина. Общество 2-го Эжанскаго наслега, избравъ его своимъ старостой, заставило его переселиться сюда съ Алдана, такъ какъ тамъ мѣста рѣже посѣщаются тунгусами, нежели здѣсь. Лука весьма благообразенъ и даже красивъ. Черты лица его не имѣютъ ничего общаго съ монгольскимъ типомъ. Мать его амгинская крестьянка, а жена русская изъ Усть-Майскаго селенія. У нихъ въ семьѣ говорятъ по-якутски, и мы изъясняемся съ нимъ черезъ переводчика на этомъ языкѣ. Въ его наслегѣ считается 200 съ лишнимъ окладныхъ душъ, а въ дѣйствительности, какъ онъ утверждаетъ, не болѣе 130. Значительное большинство покинуло бродячій образъ жизни, перекочевывая лишь съ лѣтниковъ въ зимники. Оленеводство вытѣснено скотоводствомъ, но размѣры послѣдняго не велики: самый богатый тунгусъ имѣетъ 80 головъ, у самаго Луки—15 рогатаго и 11 коннаго. По платежной способности его родовичи раздѣляются на четыре класса, которымъ соотвѣтствуетъ величина сѣнокосныхъ надѣловъ. 1-й классъ платитъ государственныхъ податей 6 р., 2-й—4 р., 3-й—2 р. 50 к. и 4-й—1 р. Съ общественными же платежами на 1-й классъ приходится до 12 р. Вносятъ деньгами и бѣлкой по казенной оцѣнкѣ; на послѣднее, уже истекшее, 3-хъ-лѣтіе въ 28 к. шкурка [2]) Мѣсто здѣсь изобилуютъ звѣремъ: сохатый (лось), медвѣдь, лисица, дикій олень, кабарга, бѣлка, горностай, ушканъ [3]). Промышляютъ ловушками и луками, но почти у каждаго тунгуса есть ружье и

[1]) *Ревѣть*—по-сибирски значитъ *звать*.

[2]) Рыночныя цѣны отъ 12 до 17 к. шкурка.

[3]) Соболя нѣтъ; въ районѣ Алданскаго бассейна этотъ цѣнный звѣрекъ водится лишь по верховьямъ Учура и Алдана.

отъ одной до шести охотничьихъ собакъ. Хорошая собака цѣнится не дешевле доброй лошади. Пушнина идетъ главнымъ образомъ скопцамъ и нельканскимъ торговцамъ въ уплату за продукты, забираемые обыкновенно впередъ въ счетъ будущаго промысла. Чай берутъ по 1 р. кирпичъ, листовой махорки—50—60 к. фунтъ, бутылка спирта (по словамъ Луки, слабѣе нашей водки) 2 р. Выборъ времени и продолжительность „ярманочнаго" *суглана*[1]) Лука считаетъ крайне неудобнымъ для тунгусовъ. Собраніе съ Петрова дня длится до 1-го августа, какъ разъ въ сѣнокосную пору. Многіе не успѣваютъ убрать свои покосы и, проживая по долгу на Усть-Маѣ, тратятся, пропиваются и задалживаются у скопцовъ. По его мнѣнію, слѣдовало-бы перенести собраніе дней на 20 ранѣе Петрова дня. Онъ проситъ насъ ходатайствовать объ этомъ, а также о сохраненіи пушниннаго оклада, такъ какъ къ нимъ проникли слухи о полной замѣнѣ таковаго обязательнымъ денежнымъ платежемъ[2]), что поставило-бы тунгусовъ въ большое затрудненіе: денегъ у нихъ нѣтъ, и достать въ обмѣнъ на рухлядь — дѣло не легкое. Но если такая замѣна дѣйствительно предполагается, она въ результатѣ едва-ли окажется выгодной для казны. Правда, казенная оцѣнка пушнины, производимая по справочнымъ цѣнамъ, собираемымъ отъ инородческихъ управъ, всегда оказывается выше рыночной, и областное казначейство никогда не выручаетъ за рухлядь ея законной стоимости; но, съ другой стороны,—несомнѣнно—обязательный взносъ деньгами увеличитъ задолженность тунгус. населенія у торговцевъ и ростовщиковъ и повлечетъ за собою хроническія недоимки. Въ виду этого сохраненіе существующаго положенія въ ясачномъ сборѣ представляется болѣе желательнымъ; убытки-

[1]) Назначеніе пунктовъ и времени съѣзда бродячихъ инородцевъ для обмѣна мѣховъ на товары и сдачи ясака состоялось еще при ясачной комиссіи (1835 г.). Этими съѣздами пользуются для выбора должностныхъ лицъ и рѣшенія общественныхъ вопросовъ, и такимъ образомъ „ярманка" вмѣстѣ съ тѣмъ является сугланомъ (по-якутски *мунгакъ*—улусное собраніе).

[2]) Въ настоящее время допускается и то и другое.

же казны легко могутъ быть устранены при меньшемъ формализмѣ въ собираніи справочныхъ цѣнъ.—Эженскіе тунгусы почти забыли свой родной языкъ и говорятъ между собой по-якутски; но между ними гораздо чаще можно встрѣтить хотя кое-какъ понимающихъ и изъясняющихся по-русски, чѣмъ между якутами. По отзыву Луки, его родовичи весьма склонны къ земледѣлію, но у большинства, по бѣдности, не хватаетъ средствъ взяться за хлѣбопашество. Самъ онъ арендуетъ половину скопческихъ земель и сверхъ того сдѣлалъ на 2 пуда расчистки. Въ прошломъ году было посѣяно имъ разнаго хлѣба 12 пудовъ; снялъ самъ 10, а на чисткѣ по первому году съ 2 пудовъ ячменя получилъ 40. Съ 10 пудовъ картошки взялъ 65 пудовъ. Тунгусы полюбили эту овощь и покупаютъ у него по 50 к. за пудъ. Вообще мѣста близъ Юдомы по правой береговой полосѣ Маи Лука считаетъ для земледѣлія вполнѣ удобными. Солончаковъ нѣтъ, почва глинисто-песчаная, берега, благодаря своей возвышенности, затопляются лишь въ очень рѣдкіе годы. Инея не бываетъ, продолжительныхъ засухъ также, что уже явствуетъ изъ того, что здѣсь неизвѣстна кобылка[1]).

Глава III.

По Маѣ до устья Маймакана.—У перевоза близъ устья Хандыка.—Известковая гора.—Устье Аима.—Семья бродячаго тунгуса Уйбана Иранаса.—Надпись или рисунокъ на скалѣ Кыллахъ.—Пещеры „Чортово жилище".—Усадьба Соловьева.—Какъ живетъ тунгусъ Андрей.—Прибытіе въ Нельканъ.—Заключительная характеристика пройденнаго пути по Маѣ.

За Юдомой теченіе замѣтно ослабѣваетъ. Вода прозрачна, какъ хрусталь. На $1^1/_2$ саж. глубины легко распознать цвѣта мелкихъ камней, устилающихъ дно рѣки. Встрѣчаются огромныя насыпи гальки, расползающейся какъ орѣхи подъ ногами тянущихъ бичеву. Въ галькѣ мы находимъ известняки, кремень, кварцъ, яшму, мраморъ, агатъ.—Жара 28° С. въ тѣни. Рабочіе большей частью бредутъ въ рѣкѣ, время отъ времени окунаясь съ головой въ воду.

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія провѣрены показаніями другихъ тунгусовъ.

У нихъ начали пухнуть ноги—обычное явленіе, противъ котораго, какъ лучшее испытанное уже средство, они употребляютъ натираніе спиртомъ; опухоль за ночь опадаетъ, но за день ходьбы къ вечеру появляется снова. Рабочіе идутъ въ *ичигахъ*—спеціальной обуви лямовщиковъ, приготовляемой изъ сыромятной коровьей кожи. Дѣлается она очень просто: изъ вымоченной въ водѣ кожи вырѣзаютъ четырехъугольный кусокъ, обтягиваютъ имъ обернутую портянкой ступню и зашнуровываютъ черезъ прокалываемыя ножемъ дыры тонкими, нарѣзанными изъ той же кожи ремешками.—При приближеніи къ рѣчкѣ *Большой Хандыкъ*, гдѣ тихое и ровное теченіе снова смѣняется быстринами, зоркій глазъ В. Е. замѣтилъ вдали что то красное, оказавшееся въ бинокль рубашкой Осипова, взобравшагося на возвышенный выступъ съ намѣреніемъ обратить на себя наше вниманіе. У устья этой рѣчки скотогонная тропа переходитъ на правый берегъ, по которому идетъ уже до самаго Нелькана. Въ сущности, какъ разсказываетъ Осиповъ, никакой болѣе или менѣе протоpенной тропы не существуетъ. Идутъ просто тайгой, держась въ общемъ берегового направленія, съ котораго безъ знающаго проводника легко, однако, сбиться, благодаря значительнымъ обходамъ часто встрѣчающихся топкихъ мѣстъ. Кони наши похудали. Травы вездѣ хороши, но скоту въ эту пору не до ѣды: на стоянкахъ онъ сбивается въ кучу у дымокуровъ[1]), предпочитая оставаться голоднымъ, чѣмъ подвергаться нападенію кровожадныхъ полчищъ комаровъ. До сихъ поръ пройдена треть пути, но остальныя двѣ трети, по увѣренію проводника, они сдѣлаютъ дней въ семь, такъ какъ далѣе мѣста вездѣ сухія. и густыхъ, съ трудомъ проходимыхъ зарослей нѣтъ.

У переправы проживаетъ съ многочисленной семьей старикъ Тихонъ Михайловъ. Изъ девяти взрослыхъ сыновей его два младшихъ встрѣтили насъ вмѣстѣ съ отцемъ. Они хорошо говорятъ

[1]) Предположенія оказались справедливыми: виновникомъ пала дѣйствительно былъ Осиповъ съ проводникомъ.

по-русски, лѣтомъ занимаются рыбной ловлей, пастьбой скота, а зимой ѣздятъ ямщиками при чайныхъ обозахъ изъ Аяна въ Нельканъ. Старикъ считается самимъ старшимъ изъ стариковъ въ шести наслегахъ: ему 104 года, но онъ еще бодръ и здоровъ. Сѣдая длинная, хотя и жидкая, борода нѣсколько не гармонируетъ съ чисто монгольскимъ его типомъ. У тунгусовъ, въ особенности у пожилыхъ, незначительная растительность на лицѣ вcрѣчается гораздо чаще, нежели у якутовъ. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что у нихъ нѣтъ якутскаго обычая выщипывать волосы на усахъ и бородѣ[1]). На устьѣ Хандыка живетъ уже восьмое поколѣніе рода Михайловыхъ. Тихонъ родился, когда отецъ его еще не былъ крещенъ. Самъ онъ не помнитъ, но слыхалъ отъ отца разсказы, какъ русская команда „ловила" разбѣгавшихся тунгусовъ и сгоняло ихъ съ женами и дѣтьми на Устье-Маи для крещенія. Старикъ не забылъ своего роднаго языка и по-якутски говоритъ плохо. Онъ держится съ нами безъ малѣйшаго подобострастія и даже съ нѣкоторой, не скрываемой, враждебностью. На предложеніе табаку онъ довольно грубо отвѣтилъ: „кури самъ, я этого чертова зелья отродясь не курилъ и дѣтямъ своимъ запрещаю курить". *(Тард беенъ, минъ тарбаготым хаганъ даганы бу абагы отунъ, беемъ оголорборъ тардарбапынъ).* Земледѣліемъ не занимается, потому что „была бы только пушнина—и землю не зачѣмъ рыть: хлѣба всегда достанешь". Да и почва здѣсь, по его словамъ, неудобная, никакого хлѣба не выростишь[2]).

— Съ приходомъ русскихъ лучше-ли стало жить или хуже? спрашиваю я старика.

— До прихода русскихъ куда лучше было. Любого стараго человѣка спроси,—всякій тебѣ это скажетъ. Пришли русскіе,

[1]) У якутовъ для этого употребляются спеціальные металлическіе щипчики, которые можно найти въ продажѣ въ базарныхъ лавченкахъ г. Якутска.

[2]) Это не вѣрно. Тутъ-же близъ урасы Тихона при станочной гоньбѣ жилъ русскій крестьянинъ Степанъ Балаганскій, (нынѣ переселившійся въ с. Новопокровское). Онъ въ теченіе 6 лѣтъ сѣялъ по 9 пуд. и не нахвалится урожаями. Меньше самъ 10 не снималъ (его собственныя показанія).

станки позаводили, пошла ѣзда, коней загоняли, рыбу выловили, птицу и звѣря разогнали, водкой тунгусовъ стали опаивать; воровство, обманъ пошелъ. Зайдетъ русскій въ урасу: „дай, говоритъ, масла, молока, рыбы,—я тебѣ отплачу". Даешь, а отъ него ничего не получаешь. И тунгусы у русскихъ научились обманывать. Богатые люди перевелись, всѣ стали бѣдными. Послѣ того какъ пошла станочная гоньба, у насъ такой голодъ насталъ, что мы, какъ скотина, траву жевали, кожаные пологи отъ урасъ поѣли... Уничтожили станки, ушли русскіе—и рыба снова объявилась, и звѣрь вернулся. А все ужъ не то, что прежде было.

— Значитъ, русскіе, по твоему, ничего хорошаго тунгусамъ не принесли?

— Тохъ да гохъ, тохъ да гохъ (ничего, ничего).

— А чай, а хлѣбъ, а ружье?

— И безъ этого жили—и сыты были[1]) *(онто да сохъ олорбопутъ тотъ да этибитъ)*.

Не смотря на то, что начальникъ экспедиціи являлся въ его глазахъ большимъ тайономъ, старикъ не обнаружилъ по отношенію къ намъ никакой услужливости. За переправу лошадей онъ запросилъ по 50 к. со штуки, и П. А. рѣшилъ обойтись безъ его содѣйствія. И дѣйствительно, переправа не представляла никакихъ трудностей. Тимофей сѣлъ въ вѣтку, привязавъ сзади одну лошадь, а другія, понукаемыя съ берега, вошли въ воду и поплыли вслѣдъ за привязанной. Рѣка въ этомъ мѣстѣ до 120 саж. ширины, но плыть пришлось не болѣе 50 саж. Лошади хорошо справлялись съ быстриной; для рогатаго же скота это было не такъ легко. Обыкновенно переправляютъ по 3—4 штуки за разъ привязанными къ лодкѣ; процедура длится такимъ образомъ цѣлый день. Скотогоны для ускоренія дѣла рѣшили послѣдовать нашему примѣру и погнали все стадо вслѣдъ за тремя быками,

[1]) Разговоръ записанъ почти дословно. Переводилъ урядникъ Росторгуевъ, служившій переводчикомъ у Черскаго и у барона Толля.

тянувшимися на веревкѣ за вѣткой. Съ двухъ другихъ вѣтокъ сзади подгоняли животныхъ криками и палками. На самой быстринѣ стадо отстало отъ передовой лодки, и, не смотря на всѣ усилія погонщиковъ, его стало уносить внизъ, такъ что мы вскорѣ потеряли его изъ виду. Собака осиповскаго проводника четыре раза пыталась переплыть, но всякій разъ возвращалась обратно, не будучи въ силахъ преодолѣть теченіе. Она металась по берегу съ жалобнымъ воемъ, взывая къ хозяину о помощи, но тотъ ничего не предпринималъ, увѣренный, какъ потомъ объяснилъ онъ, что она найдетъ способъ перебраться на ту сторону. Увидѣвъ, что хозяинъ вскочилъ на осѣдланную лошадь и готовъ уже скрыться въ лѣсу, собака снова кинулась въ воду, доплыла до быстрины и повернула внизъ, очевидно, въ ожиданіи встрѣтить болѣе слабое мѣсто теченія, которое она въ силахъ была бы перерѣзать. Ей это удалось; черезъ четверть часа мы увидѣли ее мчавшуюся, какъ стрѣла, по берегу въ догонку за лошадьми.—За Хандыкомъ противъ устья рѣчонки *Сого*, въ сдавленномъ мелью фарватерѣ теченіе бьетъ съ такой силой, что понадобилось удвоить бичеву. Это мѣсто требуетъ отъ лямовщиковъ огромнаго напряженія, тѣмъ болѣе, что бичевникъ заваленъ валунами, затрудняющими движеніе. Правобережныя горы принимаютъ формы отдѣльно возвышающихся правильныхъ конусообразныхъ могилъ, покрытыхъ рѣдкимъ молоднякомъ по выжженному паломъ лиственничному лѣсу. Глядишь въ воду, точно въ акварій: между камнями играетъ таймень, щука, окунь. Въ галькѣ особенное обиліе полевого шпата зеленаго цвѣта и глинистаго сланца, легко чертящаго на бумагѣ бурой, бѣлой и черной краской. Это породы, наносимыя теперь обсохшей, но весной многоводной и стремительной, рѣчкой *Эмеликанъ*. Выше рѣчки *Лоханды* нѣсколько разъ натыкаемся на подводные камни, къ счастью, безъ поврежденій нашего шитика. Пользующаяся худой славой, благодаря такимъ же камнямъ, протока *Тарбачеръ*[1]) также

[1]) Т. е. бурливая, (якут.).

пройдена была благополучно: посаженный на носу казакъ успѣвалъ во время предупреждать лоцмана объ опасности. По преданію, проѣзжая здѣсь, генералъ Муравьевъ [1]), разсерженный быстриной, оборвавшей бичеву его лодки, велѣлъ высѣчь протоку палками. Съ тѣхъ поръ „теченіе смирилось", и мы не имѣли никакого повода повторить эту экзекуцію.—Тянущаяся на правой сторонѣ версты за три въ глубь отъ берега цѣпь холмовъ съ выдающейся *Исааковой* горой постепенно приближается къ рѣкѣ и, превращаясь въ оголенныя скалы, получаетъ названіе „*Бравыхъ горъ*". Скалы состоятъ изъ отдѣльныхъ не высокихъ выступовъ горизонтальныхъ пластовъ глинистаго и песчанникова сланцевъ. Въ дуплообразныхъ вмѣстилищахъ между плитами мы нашли въ изобиліи горный хрусталь. Снаружи, при свободномъ доступѣ вѣтра и солнца, кристаллы мутнаго цвѣта, легко разсыпающіеся при слабомъ ударѣ молотка. Но если отбить кайлой плиту, то въ глубинѣ залегаютъ совершенно прозрачныя шестигранныя призмы, не крупнѣе, впрочемъ, голубинаго яйца, гнѣздящіяся обыкновенно среди кучъ мелкихъ бурыхъ косой ромбической призмы кристалликовъ. Сами по себѣ скалы ничего интереснаго не представляютъ, но на одномъ изъ выступовъ, называемомъ *Опохалахъ-хоята* (известковая гора), находится небольшое углубленіе, наполненное полужидкой жирной на ощупь массой, просачивающейся наружу изъ глубины. Это бѣлая, весьма чистая глина съ значительной, повидимому, примѣсью талька [2]). Тунгусы черпаютъ ее тутъ же лежащими лопаточками въ берестяныя посудины, высушиваютъ на солнцѣ и сбываютъ черанскимъ скопцамъ и усть-майскимъ крестьянамъ на побѣлку стѣнъ (по 30 и 50 к. за пудъ). Временами масса переполняетъ естественную впадину и истекаетъ внизъ, какъ видно по застывшимъ ея потёкамъ въ продольныхъ бороздахъ скалы.—7-го іюля мы были у устья *Кумахи*, которая заноситъ

[1]) Въ 1849 г.

[2]) Образцы глины и породъ этой скалы доставлены въ Якутскій музей.

ближайшій районъ лѣваго берега Маи огромными кучами песку[1]). Здѣсь былъ скопческій поселокъ изъ четырехъ, пяти теперь опустѣлыхъ домовъ. Въ одномъ изъ нихъ живетъ братъ Луки Николай Бубякинъ съ женой, амгинской крестьянкой, двумя ребятами и старухой. Онъ такъ же не похожъ на тунгуса, какъ и братъ его, и не смотря на болѣзненность и чехоточный видъ,—весьма дѣятеленъ и ведетъ довольно обширное хозяйство. Онъ арендуетъ оставшіяся послѣ скопцовъ[2]) пахотныя земли до 20 пудовъ, на которыхъ въ этомъ году посѣялъ въ первый разъ 8 п. ржи, 7 п. ярицы и 5 п. картошки. Пшеницы и ячменя не сѣялъ, потому что, какъ показалъ опытъ скопцовъ, этотъ хлѣбъ сильно истребляется бурундукомъ и птичкой чегохой. Большая часть пашни на правой сторонѣ; на лѣвой—грунтъ каменистый, не представляющій подъ расчистки удобныхъ мѣстъ. У Николая 8 коровъ и столько же лошадей. Пашетъ колесухой на парѣ коней, коситъ литовкой, молотитъ цѣпомъ, а мелетъ ручными жерновами. У скопцовъ была мельница—топчакъ; онъ давалъ за нее хорошія деньги, но тѣ, въ интересахъ своихъ черанскихъ собратьевъ мукомоловъ, ни за что не хотѣли продать; уходя, они ее разрушили, колеса поломали, а жернова увезли съ собой. По словамъ Николая, удобныхъ для хлѣбопашества мѣстъ на правомъ берегу противъ Кумахи хватило бы на многихъ, но на счетъ сѣнокосовъ очень стѣснительно. Его островной покосъ въ этомъ году затопило и занесло толстымъ слоемъ песку. Есть подходящіе острова, но ихъ требуется расчистить отъ заросли. Онъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ своимъ тунгусомъ Тимофеемъ хотѣлъ бы воспользоваться для этой цѣли однимъ изъ такихъ острововъ, но самовольно приняться за очистку не рѣшается, а написать просьбу начальству некому[3]). Сосѣдъ его (3 коровы и 2 лошади) земли не пашетъ, занимается звѣролов-

[1]) *Кумахъ* (по-якутски)—песокъ.

[2]) Сектанты частью вымерли, частью переселились.

[3]) Просьба была записана и доставлена губернатору.

ствомъ и рыбнымъ промысломъ. Нынѣшней весной онъ убилъ медвѣдя и двухъ сохатыхъ: одного закопалъ въ мерзлую землю, чтобы мясо до зимы не протухло, а другимъ кормитъ семью. Медвѣжатины майскіе тунгусы не ѣдятъ;. они сбываютъ ее аянскимъ бродячимъ тунгусамъ, большимъ охотникамъ до медвѣжьяго мяса.

На другой день вечеромъ мы подъѣзжали къ *Аиму*, третьему по величинѣ притоку Маи. Частыя мели и шивера, на которыхъ послѣдніе дни приходилось много возиться, изнурили рабочихъ. Необходимо было дать имъ отдыхъ, и мы рѣшили остановиться здѣсь на дневку. Мѣстность при сліяніи Аима съ Маей чрезвычайно красива. Высокія скалы саж. до 70 и болѣе, съ оригинальными выпуклостями, усѣянныя фантастическими фигурами, тянутся лѣвымъ берегомъ и, прерываясь небольшимъ распадкомъ, чтобы дать ходъ рѣчонкѣ *Эгелахъ*[1]), продолжаются далѣе, окаймляя уже русло Аима. Для насъ, подвигавшихся вверхъ, Мая поворачиваетъ отсюда на Ю. В. Правый ея берегъ представляетъ волнистую гряду покрытыхъ лиственичной щетиной холмовъ, съ обнаженными спускающимися къ водѣ боками. Изъ-за высокихъ стройныхъ талинъ узкой косы, образуемой отлагающимися осадками обѣихъ рѣкъ, виднѣются совершенно голыя мрачныя аимскія скалы, производящія впечатлѣніе дикой, суровой безпріютности. Эти громады возвышаются надъ рѣкой почти отвѣсно, мѣстами лишь оставляя узенькую береговую полосу, образовавшуюся отъ обваловъ каменной массы. Онѣ состоятъ изъ очень плотнаго кристаллическаго известняка горизонтальнаго слоенія и имѣютъ форму выступающихъ по стѣнѣ крѣпостныхъ бастіоновъ, раздѣляемыхъ глубокими щелями. Попытка В. Е. взобраться по такой щели на вершину осталась тщетной: подвижная мелкая отсыпь обрушивалась подъ нагами, увлекая его съ собой внизъ. Нигдѣ до сихъ поръ мы не слыхали такого громкаго отзывчиваго эха, какъ здѣсь. При измѣреніи кипрегелемъ устья рѣки, оказавшагося шириной въ 96

[1]) Медвѣжья, отъ *эге*—медвѣдь.

саженъ, П. А. крикнулъ стоявшему на противуположномъ берегу казаку: „Жирковъ, опусти рейку!" Фраза отъ перваго до послѣдняго слога съ необычайной силой и отчетливостью была повторена эхомъ. „Веселые *абагы*" то и дѣло передразнивали насъ, когда мы разговаривали или перекликались, потерявъ другъ друга въ поискахъ за интересными породами. Но кромѣ хрусталя дымчатаго цвѣта, нѣсколько болѣе крупнаго, чѣмъ на „Бравыхъ горахъ", ничего не нашли. Наша экскурсія къ устью Аима продлилась дольше, чѣмъ мы хотѣли. В. Е. умудрился таки гдѣ-то вскарабкаться на верхушку скалы и, желая подать знать о мѣстѣ своего нахожденія, бросилъ въ рѣку камень величиною въ дѣтскій кулакъ. Камень попалъ въ берестяную вѣтку и распоролъ ея дно. Чтобы перебраться на ту сторону, необходимо было починить лодку. Пока разыскали смолистую листвень, развели огонь, натопили нужной для этого смолки,—прошло не мало времени. Голодные, отчаянно искусанные комарами, возвратились къ мѣсту стоянки уже въ темнотѣ.—У костра шла оживленная стряпня: въ сѣти поймалось нѣсколько сижковъ и одна утка, варившіеся теперь въ котлѣ, а старикъ тунгусъ, прозванный рабочими шаманомъ, заготовлялъ дня на два впередъ цѣлую кучу лепешекъ. Съ тѣхъ поръ какъ вышли сухари, его, какъ слабосильнаго, приспособили къ этому дѣлу. Онъ круто вымѣшиваетъ тѣсто, отрываетъ кусокъ фунта въ три и, насадивъ на рожонъ *(ютюгэ)*, придаетъ ему ладонями плоскую овальную форму. Въ такомъ видѣ рядъ лепешекъ втыкаютъ въ землю вокругъ костра, поворачивая то одной, то другой стороной къ огню, пока не испекутся. Это обычный способъ обычнаго печенья изъ муки у всѣхъ инородцевъ Якутской обл. [1]). Наши рабочіе предпочитаютъ лепешку хлѣбу и ѣдятъ ее съ чаемъ, обмакивая куски въ растопленное масло. Выспавшись за день, они долго еще болтали послѣ ужина, лежа на своихъ подстилкахъ

[1]) Даже въ долинѣ Намскаго улуса, одной изъ хлѣбороднѣйшихъ мѣстностей области, якуты предпочитаютъ прѣсныя лепешки кислому хлѣбу.

изъ телячьихъ или оленьихъ шкуръ. Тимошка разсказывалъ о дикихъ бородатыхъ людяхъ, называемыхъ тунгусами *Бюленъ*. Живутъ они, какъ звѣри, ходятъ голые, прикрываясь иногда сырой, не выдѣланной шкурой. Тѣло ихъ, вымазанное смолой и выкатанное въ пескѣ, покрыто какъ бы панцыремъ, не проницаемымъ для стрѣлъ и даже пуль. Они злы и кровожадны; любимая ихъ пища—человѣческое мясо. *Бюленъ* подстерегаетъ тунгуса и убиваетъ его мѣтко пущенной стрѣлой изъ-за кустовъ. Бывали примѣры, что въ стадѣ вдругъ падаетъ сразу много оленей, и оказывалось, что каждое павшее животное было пронзено стрѣлой. Тимошка и другіе приводятъ нѣсколько случаевъ исчезновенія безъ вѣсти ихъ соплеменниковъ, которые, по общему убѣжденію, были убиты и съѣдены *бюленами*. Эти дикіе люди появляются только лѣтомъ, а зимой куда то исчезаютъ. Легенда эта распространена вездѣ по Маѣ и, надо полагать, обязана своимъ происхожденіемъ подвигамъ бѣглыхъ каторжниковъ во времена существованія каторжнаго пункта въ Охотскѣ.

Отъ Аима двинулись на шестахъ по мели и, обогнувъ обширную отмель, побрели водой къ лѣвому берегу къ полого спускающейся зеленой поросшей сосной горѣ. Здѣсь рабочіе указываютъ лѣсину, у которой лодка генерала Свѣтлицкаго простояла пять сутокъ, вслѣдствіе высокой воды, уничтожавшей всякую возможность бичевника. Впереди открывается рядъ отдѣльно возвышающихся правильной пирамидальной формы сопокъ, изъ коихъ ближайшая называется *Селея-хаята*[1]). Обращенная къ рѣкѣ сторона ея еще издали привлекаетъ къ себѣ вниманіе причудливостью нагроможденій. По мѣрѣ приближенія къ скалѣ формы ихъ все болѣе вырисовываются, и передъ нами, точно въ панорамѣ, проходятъ группы средневѣковыхъ готическихъ соборовъ съ полуобвалившимися хитрыми узорами фресокъ и цѣлымъ лѣсомъ стремящихся въ высь стройныхъ башенъ,—картина на столько не гармонирующая съ общимъ характеромъ сибирскаго пейзажа, что кажется какъ-бы выхваченной

[1]) Значеніе рабочимъ неизвѣстно.

изъ Швейцаріи или съ береговъ Рейна и водворенной здѣсь насильственнымъ порядкомъ. Отсюда мы вступаемъ въ новое русло, пробитое рѣкой, начиная отъ скалы *Онёё* на сѣверо-западъ; старое, по которому еще лѣтъ 10 тому назадъ ходили лодки, нынѣ высохло и завалено грудами гальки. Тутъ мы были очевидцами уже не въ первый разъ случающагося на нашихъ глазахъ явленія. Часть подмытаго праваго островного берега въ нѣсколько саж. длины обрушилась вмѣстѣ съ растущими деревьями. Рѣка вспѣнилась, зашипѣла и долго не могла успокоиться, посылая во всѣ стороны высоко вздымавшіяся гнѣвныя волны. Выигрышъ отъ сокращенія пути при новомъ руслѣ версты на три парализуется большими препятствіями для тяги бичевой. Теченіе отличается особенной стремительностью, а густая береговая заросль не пропускаетъ людей безъ топора. Тамъ, гдѣ прорубка оказывается черезчуръ затруднительной, люди бредутъ водой, шатаясь, какъ пьяные, и кажется—вотъ-вотъ свалятся съ ногъ подъ напоромъ бурливыхъ заворотовъ. За скалой *Алдыканъ*[1]) жестокая быстрина порвала бичеву, которую мы не удвоили, понадѣявшись на ея крѣпость. Рабочіе кинулись догонять уносимую быстро внизъ лодку. Одни руками, другіе веслами и шестами старались посадить ее на ближайшую мель, что послѣ продолжительныхъ напряженныхъ усилій удалось, наконецъ, сдѣлать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ то-же самое, но съ болѣе печальными послѣдствіями произошло здѣсь съ г. Баллотъ, неутомимымъ, но неудачнымъ искателемъ золота въ этой окраинѣ: бичева лопнула, освободившаяся лодка понеслась внизъ, зацѣпилась мачтой за нависшее съ берега дерево и опрокинулась.—Чѣмъ далѣе, тѣмъ все чаще натыкаемся на кучи плавника. Цѣлый лѣсъ деревьевъ, завязшихъ въ галькѣ дна, торчитъ изъ-подъ воды, производя впечатлѣніе разрушенной наводненіемъ деревни. Какъ нѣкоторые шивера, такъ и подобныя мѣста являются иногда неожиданностью для рабочихъ, свободно проходившихъ здѣсь прошлымъ лѣтомъ. Такъ-же точно,—

[1]) Тунгус.

гдѣ годъ тому назадъ былъ чистый берегъ, теперь непроходимые навалы лѣсинъ, постоянно заставляющіе перебираться съ правой стороны на лѣвую, съ одной протоки на другую въ поискахъ за сноснымъ бичевникомъ. Мая измѣнчива, говоритъ лоцманъ: знайся съ ней хоть всю свою жизнь, а не угадаешь, такой-ли встрѣтишь ее и теперь, какой она проводила тебя прошлое лѣто. По его же словамъ, начиная съ бывшаго Березинскаго станка вверхъ, какъ фарватеръ, такъ и протоки не рѣдко мѣняютъ направленіе.—Близъ устья рѣчонки *Верхній Нюльбюкутъ*[1]) (12-го іюля) замѣтили на самомъ берегу шаланъ изъ лиственничнаго корья и суетившихся около него голыхъ людей. Завидѣвъ насъ, женщина и трое ребятишекъ попрятались въ кусты, какъ оказалось потомъ, не потому, что испугались, а затѣмъ, чтобы принарядиться. Мы пристали, какъ выражаются русскіе въ Якут. обл., „покапсѣкать“[2]). Глава семейства, лѣтъ 40, возился за сооруженіемъ вѣтки; онъ натягивалъ на остовъ куски бересты, сшивая ихъ волосяными нитками (изъ конскаго хвоста). Его широкая физіономія съ рѣзко выдавшимися скулами, съ выступающей впередъ нижней челюстью напоминала орангъ-утанга. На немъ старая изорванная куртка изъ оленьей кожи, надѣтая на голое тѣло; обнаженная грудь покрыта густыми волосами. Штаны, сшитые изъ ровдуги, доходили лишь до колѣнъ; къ нимъ посредствомъ ремешковъ привязаны наколѣнники, спускавшіеся на четверть ниже икръ. Женщина съ болѣе правильными на европейскій вкусъ чертами лица одѣта такъ-же; заплетенные въ двѣ тонція косички волосы прикрыты кожаннымъ колпакомъ. Одинъ изъ трехъ ребятъ безъ всякаго ущерба для приличія могъ-бы остаться безъ всякаго одѣянія, такъ какъ рваныя куртка и „селлія“ (нѣчто въ родѣ штановъ) нисколько не удовлетворяли своему назначенію. На шеѣ у него висѣлъ металлическій крестикъ. Меньшой ребенокъ былъ въ коротенькой, страшно грязной, не то ситцевой, не то дабовой

---

[1]) Тунгус.

[2]) Отъ якут. глагола „капсіехха“—говорить, бесѣдовать.

рубашкѣ. П. А. пожелалъ узнать, мальчикъ-ли это или дѣвочка. Казакъ обратился къ матери по-якутски, но та не поняла его; онъ подошелъ къ ребенку, безъ церемоніи поднялъ рубашку и рапортовалъ: „мальчикъ, ваше благородіе“! На крышѣ шалаша лежатъ луки и связка стрѣлъ. На землѣ раскиданы сумы и истрепанныя, вылинявшія оленьи шкуры—очевидно, подстилки для спанья. Такихъ жалкихъ кочевниковъ намъ еще не приходилось встрѣчать. Внѣшній видъ, ихъ одѣяніе, вся обстановка больше соотвѣтствовали представленію о дикаряхъ, чѣмъ тѣ, если не ошибаюсь, патагонцы, которыхъ въ 81 или въ 82 г. показывали въ Jardin des plantes за желѣзной рѣшеткой. Это семья бродячаго тунгуса Ивана Бѣднаго (*Уйбанъ ыраносъ*). По-якутски онъ изъясняется плохо, а жена и дѣти говорятъ только на родномъ языкѣ. Оленей у него нѣтъ, передвигается по рѣкѣ на вѣткѣ. Лѣтомъ питается рыбой и птицей, а зимою занимается звѣринымъ промысломъ и обмѣниваетъ шкурки на чай, на хлѣбъ у нельканскихъ купцовъ. Стрѣляетъ бѣлку кремневой винтовкой, у которой сломавшуюся пружину онъ удачно замѣняетъ лучкомъ изъ упругаго дерева. Недавно онъ нашелъ въ своей *кулемѣ*[1]) уже полуизгнившаго медвѣдя. Своевременно онъ не могъ проникнуть къ мѣсту засады, благодаря большому половодью. Кости и куски шкуры, сложенные въ двухъ берестяныхъ посудинахъ (*тордуя*—по-якутски), висятъ тутъ-же на лѣсинѣ около шалаша—даръ тунгусскому богу охоты *Сибики*. Кажется, трудно представить себѣ болѣе первобытное существованіе, чѣмъ образъ жизни этой семьи. В. Е. сдѣлалъ съ нея фотографическій снимокъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы нашли ее, причаливъ къ берегу.

---

[1]) Кулемой (по якутскому произношенію „*кулуменъ*“) называется засада для медвѣдя; устраивается так. образомъ: дѣлается срубъ, представляющій двѣ стороны треугольника: третья его сторона остается открытой. На извѣстной высотѣ ея приспособляется тяжелое бревно, которое легко падаетъ, какъ только сдвинуть поддерживающую его подпорку. Медвѣдь хватаетъ приманку (куропатку или кусокъ мяса), привязываемую веревочкой къ подпоркѣ, послѣдняя выскользаетъ изъ-подъ бревна, которое, обрушиваясь, придавливаетъ звѣря.

Ниже *Цыпандинскаго* станка[1]) проѣзжаемъ скалу *Сергалахъ*, на которой люди видѣли желѣзныя полозья съ восемью желѣзными же копыльями. Какъ они туда попали, никому не извѣстно. Съ давнихъ временъ лежатъ они тамъ, и никто ихъ не трогаетъ. Отсюда и названіе горы, такъ какъ *Серга* по якутски значитъ *сани*. Далѣе, тамъ же правымъ берегомъ начинаются скалы *Кыллахъ*, т. е. *Звѣриныя*[2]). На одномъ изъ выступовъ этихъ скалъ виднѣется древній рисунокъ,—такъ называемое фигурное письмо. Рисунокъ, сдѣланный красной краской, изображаетъ сцены охоты на разныхъ звѣрей. Камень вывѣтрился, краска потускнѣла, и въ настоящее время ясность изображенія сохранилась лишь на краю лѣвой части рисунка. Здѣсь можно явственно различить три человѣческихъ фигуры, изъ коихъ одна, расположенная во второй строкѣ,—просто черта съ утолщеніемъ въ верхнемъ концѣ, пересѣченная большей и меньшей дугами; остальныя, въ третьей и четвертой строкахъ, похожи на букву **Т** съ вилообразнымъ раздвоеніемъ нижняго конца вертикальной черты; затѣмъ видны лисица, съ недурно схваченнымъ типомъ этого звѣря, а передъ ней изогнутая линія,—вѣроятно, натянутая тетива лука. Другія изображенія на столько поблѣднѣли, что съ высоты 5—6 саж. кажутся лишь едва замѣтными безформенными пятнами. Нашъ рабочій *Багылей*, видѣвшій рисунокъ на близкомъ разстояніи при проѣздѣ Ген. Свѣтлицкаго (1886 г.), когда вслѣдствіе необычайно большой воды двигались здѣсь при помощи багровъ, указывалъ мнѣ медвѣдя и оленя, за которыми гонится человѣкъ съ сабакой. Но я не могъ распознать ничего, сколько нибудь напоминающаго эту сцену (см. рисунокъ I). Кыллахскій рисунокъ имѣетъ много сходства съ извѣстными минусинскими писанцами[3]). Прежде всего бросается въ глаза тождественность въ изображеніи людей; звѣри какъ здѣсь, такъ и тамъ обращены въ правую сторону и нарисо-

[1]) Т. е. мѣстоположенія бывшаго станка.

[2]) *Кылъ* по-якутски значитъ звѣрь.

[3]) См. Извѣстія Сибир. Отд. И. Р. Г. О. 1872 г. т. III. №№ 4—5. Н. И. Поповъ.

ваны красною краской. Это обстоятельство само по себѣ не служитъ, однако, основаніемъ заключать о принадлежности майскихъ и енисейскихъ писанцевъ одному и тому же народу. Такая элементарная форма письменъ, начертанныхъ или высѣченныхъ дикарями на скалахъ, встрѣчается и въ Сѣв., и въ Юж. Америкѣ, и въ Австраліи. Принципъ ихъ, говоритъ Тейлоръ, вездѣ одинъ и тотъ же, гдѣ бы мы ихъ ни находили. Что касается краски, то вещество ея, по всей вѣроятности, то же, которымъ исчерчены утесы р. Оки. Химическій анализъ его, произведенный въ 1867 г. въ Иркутскѣ А. Ломоносовымъ, показалъ, что оно состоитъ изъ окиси желѣза и извести. Такое вещество есть ничто иное, какъ красный мѣлъ, легко исчезающій отъ дѣйствія воды; по заключенію А. Ломоносова, оно должно быть смѣшано съ какимъ нибудь жирнымъ веществомъ, чтобы глубоко пропитать известковую массу и не подвергаться ни размыву, ни вывѣтриванію.

Мѣсто за Кыллахскими скалами считается особенно труднымъ для прохода на бичевѣ. Здѣсь сходятся русла пяти протокъ, которыя наносятъ массу корчагъ и до сажени возвышающіеся надъ водой навалы гальки съ совершенно ровными краями, какъ бы отсѣченными по направленію быстринъ и неожиданныхъ поворотовъ теченія. Рабочіе разбрелись по водѣ на предварительную рекогносцировку; собравшись, они долго совѣщались на счетъ выбора направленія и въ концѣ концовъ рѣшили вернуться назадъ съ тѣмъ, чтобы попытаться обойти это мѣсто новой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовавшейся протокой. Но и тутъ, протащивъ лодку на рукахъ черезъ нѣсколько шиверовъ, попали въ быстрину, противъ которой не могли совладать: насъ понесло внизъ и прибило къ длинной галечной насыпи. Обогнувъ ее на двойной бичевѣ и шестахъ, выбрались, наконецъ, въ болѣе спокойное мѣсто, за нѣсколько часовъ почти не подвинувшись впередъ отъ пункта нашей ночевки. Рабочіе довольны, что такъ скоро и легко отдѣлались, ибо товарныя лодки не рѣдко маются здѣсь по цѣлымъ днямъ.

Въ семи верстахъ вверхъ отъ *Цыпандинскаго* станка сдѣлали остановку (14-го іюля), чтобы посѣтить знаменитыя пещеры *Абыгы-Джіэ,* что значитъ жилище черта. Онѣ находятся въ горахъ лѣваго берега, возвышающихся саженей на 50 надъ рѣкой. Чертово жилище состоитъ изъ семи обширныхъ камеръ, изъ коихъ три, наиболѣе дальнія, соединены между собою длинными узкими ходами. О. В. Мальцевъ, посѣтившій пещеры по порученію епархіальнаго начальства, первый представилъ ихъ описаніе, нигдѣ, впрочемъ, на сколько мнѣ извѣстно, не опубликованное. Широкое аркообразное отверстіе расположено саж. въ 5 отъ берега на 1 саж. выше уровня воды; проѣзжающій мимо можетъ не замѣтить его, такъ какъ оно скрыто отчасти деревьями, отчасти торчащимъ у самаго входа огромнымъ обломкомъ скалы. Передняя пещера представляетъ удлиненную, расширяющуюся вглубь и нѣсколько спускающуюся внизъ камеру саж. 8 длины. Высота ея въ началѣ отъ $1^1/_2$ саж. достигаетъ въ концѣ болѣе 4 саж. а задняя обледенѣлая стѣна длиною саж. 6. Заиндѣвѣвшій потолокъ усѣянъ ледяными сосульками на подобіе сталактитовъ; дно завалено валунами, между которыми залегаютъ затвердѣвшій снѣгъ и тонкія, въ вершокъ или въ два, льдяныя плиты, нанесенныя сюда рѣкой. Свѣта достаточно, но ходить приходится съ большой осторожностью, шагая по скользкимъ камнямъ и предварительно испытывая палкой прочность льдинъ, предательски маскирующихъ глубокія трещины и ямы. Почти въ концѣ, подъ правой стѣной зіяетъ провалъ, заполненный льдомъ; при вторичномъ нашемъ посѣщеніи 25-го сентября ледъ растаялъ, образовавъ на днѣ ямы озерко. Въ лѣвомъ углу подъ нагроможденіемъ каменныхъ глыбъ—узкая щель, въ которую можно пролѣзть только на четверенькахъ. Это и есть корридоръ, ведущій къ заднимъ камерамъ. Въ день нашего осмотра щель была завалена льдинами, помѣшавшими намъ открыть ея существованіе. Это обстоятельство привело насъ къ ошибочному заключенію о невѣрности чертежа о. Василія. Въ сентябрѣ льдины

оттаяли, но остановившись на этой мысли и торопясь въ обратный путь, мы уже не искали здѣсь прохода, въ увѣренности, что таковаго не существуетъ. Такимъ образомъ, въ трехъ самыхъ отдаленныхъ пещерахъ намъ такъ и не довелось побывать. Саженяхъ въ 3-хъ отъ входа правая стѣна обрывается, образуя широкій проходъ, направляющійся подъемомъ вверхъ въ слѣдующую камеру овальной формы, гораздо болѣе обширную, высотою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саж. до 7. Первая половина ея занята цѣлой скалой, на которую мы взбираемся по мокрой вязкой глинѣ. Скала, надо полагать, свалилась сверху, такъ какъ рельефъ ея и направленіе ея оси б. или м. соотвѣтствуетъ очертанію углубленія въ сводѣ. Снопъ слабаго свѣта падаетъ съ потолка, проникая въ воронкообразную, выходящую наружу отдушину. Свыкнувшись нѣсколько съ полумракомъ, вверху, почти подъ самымъ сводомъ, можно различить постепенно спускающуюся вдоль правой стѣны галлерею, вродѣ церковныхъ хоръ. Подняться на нее никто изъ насъ, однако, не рѣшился: нависшія съ потолка каменныя глыбы, казалось, готовы ежеминутно обрушиться и вызывали жуткое чувство при мысли о подобной возможности. Пробираясь подъ правой стѣной, наталкиваемся на глубокую яму съ круто спускающимся внизъ тѣснымъ корридоромъ, выходящимъ въ переднюю камеру почти тотчасъ же у ея входа. На противуположной лѣвой сторонѣ, у подошвы скалы открывается пропасть, на днѣ которой можно разглядѣть воду. Слѣдуя отсюда вдоль лѣвой стѣны, проходимъ мимо вертикальной трещины, соотвѣтствующей корридору Z на чертежѣ о. Василія, теперь совершенно непроходимому, благодаря завалившимъ его камнямъ. Въ этой части пещеры уже на столько темно, что потребовалось зажечь свѣчи. Направляясь далѣе подъ задней стѣной, встрѣчаемъ щелевидное отверстіе, которое отвѣснымъ спускомъ около сажени длины ведетъ въ третью камеру. Кругомъ густой мракъ, не позволяющій при пяти свѣчахъ охватить глазомъ всего пространства. Спускаясь ниже по склону, со-

ставляющему продолженіе скалы предыдущей пещеры, замѣчаемъ отблескъ свѣчного пламени какъ бы на гладкой, полированной поверхности. Я швырнулъ камень: полоска отраженнаго свѣта задрожала, и послышался плескъ воды. Освѣщая передъ собой путь и ощупывая палкой глубину мокрой глины, подходимъ къ озеру. Растянувшись цѣпью по его набережью, опредѣляемъ длину его въ 7—8 саж., а ширину около 5—6 саженъ. Оно занимаетъ чуть не половину дна пещеры. Уровень его, судя по отмытымъ отъ глины камнямъ, бываетъ выше настоящаго четвертей на 5. Со стороны скалы оно мелко, но далѣе все глубже и, вѣроятно, достигаетъ наибольшей глубины на противуположномъ берегу, гдѣ задняя стѣна отвѣсно спускается въ воду. Тамъ, ближе къ лѣвому углу, виднѣется черная пелена мрака. Это есть, по объясненію о. Василія, проходъ въ четвертую камеру, куда онъ могъ проникнуть въ декабрѣ мѣсяцѣ, перейдя озеро по льду. Дно пещеры, находящееся, по его мнѣнію, ниже уровня самой малой майской воды, все заполнено озеромъ. Направляясь обратно по обломкамъ скалы къ правой стѣнѣ, попадаемъ въ корридоръ, который неожиданно вывелъ насъ подъ хоры предыдущей пещеры. Обходя ее, мы не замѣтили этого хода, и весьма можетъ быть, что это не единственный, оставшійся незамѣченнымъ нами.

Мы проходили два часа, но кромѣ камня, глины, воды и нѣсколькихъ палокъ, очевидно, брошенныхъ сверху въ отдушину, ничего не видали. Возможно, что подъ каменными грудами нашлись бы остатки какихъ нибудь животныхъ и даже человѣка, но раскопки отняли бы у насъ не мало времени, а намъ необходимо было дорожить каждымъ днемъ. Образованіе этого лабиринта пещеръ, несомнѣнно, есть результатъ дѣйствія водъ, просачивающихся чрезъ горныя породы, характеръ которыхъ—известняки и гипсъ [1])—принадлежитъ къ легко растворимымъ въ водѣ. Расширеніе нѣкоторыхъ полостей достигло уже того предѣла, когда

[1]) Образцы въ Якутскомъ музеѣ.

имъ угрожаетъ провалъ. При восхожденіи на „Чертовы горы“ я нашелъ воронкообразную дыру въ $2^1/_2$ саж. въ діаметрѣ, образующую отдушину 2-й камеры, а П. А. видѣлъ другую, являющуюся такой же отдушиной въ одной изъ отдаленныхъ камеръ, посѣщенныхъ о. Василіемъ. Внутренній видъ *Абыгы Джгэ* производитъ впечатлѣніе величественной мрачности, и не удивительно, если тунгусы не рѣшаются заходить далѣе передней свѣтлой пещеры. Но послѣ того какъ мы вернулись здравыми и невредимыми, при вторичномъ посѣщеніи на обратномъ пути изъ нашихъ рабочихъ нашлось три смѣльчака, отважившихся проникнуть вмѣстѣ съ нами въ обиталище черта[1]). (См. рисунки 2-й и 3-й)[2]).

Пошли холодные сѣверные вѣтра. Рабочимъ теплѣе идти въ водѣ, чѣмъ по сушѣ. Парусомъ мы почти не пользуемся вслѣдствіе постоянныхъ изгибовъ и поворотовъ, какіе приходится дѣлать изъ-за мелей и шиверовъ. Извѣстную худой славой скалу *Эрги-хаята*[3]) (правый берегъ) обошли безъ всякихъ приключеній. Въ полую воду здѣсь почти неопредолимый бой. Бурилинъ, довѣренный якутскаго купца Силина, вынужденъ былъ покинуть тутъ

[1]) Изъ прилагаемыхъ рисунковъ о. В. Мальцева и моего обращаетъ на себя вниманіе значительное ихъ несходство. Это обстоятельство, въ нѣкоторой по крайней мѣрѣ степени, объясняется тѣмъ, что о. Василій былъ въ пещерахъ четыре года тому назадъ, а, какъ выяснилось изъ нашихъ бесѣдъ, размывъ и обвалы придали съ тѣхъ поръ деталямъ нѣсколько иной видъ.

[2]) *Показанія барометра 25-го сентября.*

Мѣсто наблюденія.	Время.	Барометъ.	Термометъ.
У берега Маи при входѣ въ пещеру .	2 ч. 10 м. п. п.	743,8	3° С.
У озерка первой камеры . . .	2 ч. 23 м.	743,5	3,4° С.
У большого озера 3-й камеры . . .	2 ч. 40 м.	743,6	4° С.
У берега Маи	3 ч. 18 м. п. п.	744,2	5° С.
На горахъ *Абагы-хаята*	3 ч. п. п.	740	6° С.
У воронкообразнаго провала (отдушина 2-й камеры)	3 ч. 10 м. п. п.	741,5	6° С.

[3]) *Эрги* по-якут. скрученный, винтообразный.

свою лодку до спада воды, а самъ ушелъ до Нелькана пѣшкомъ. Г-жа Надѣина провозилась съ утра до поздней ночи, чтобы обойти одинъ выступъ скалы на протяженіи какихъ нибудь саженій 10. Теперь, при уровнѣ малой воды, теченіе значительно ослабѣло, такъ что намъ, при помощи паруса, не пришлось даже удваивать бичеву. Скалы состоятъ изъ известковыхъ сланцевъ то горизонтальнаго, то вертикальнаго и вообще безпорядочнаго слоенія; точно ихъ встряхнуло землетрясеніемъ. Мѣстами обнаженія представляютъ компактную массу мелкозернистаго гранита, выпятившуюся къ водѣ и изрѣзанную въ три—четыре яруса глубокими перехватами,— слѣды размывающаго дѣйствія береговой волны при разныхъ уровняхъ воды. Отсюда на днѣ рѣки преобладаетъ бѣлая галька, наносимая впадающей нѣсколько выше съ правой стороны рѣчонкой *Дихтене*[1]). Изъ такой же бѣлой, какъ мѣлъ, дресвы образовался цѣлый островъ съ наваленными кучами обуглившагося горѣлаго лѣса. Минуя правобережную скалу *Огодёхъ*[1]), на противуположной сторонѣ рабочіе указываютъ мѣсто, гдѣ были поселены старовѣры[2]) и въ числѣ ихъ нынѣшній первой гильдіи извѣстный якутскій купецъ Кушнаревъ. Теперь никакихъ слѣдовъ поселенія не осталось. Брошенные дома посносило водой, расчищенныя мѣста заросли ельникомъ и тальникомъ, а берегъ загроможденъ огромными наносами плавника изъ толстыхъ тополей вер. въ 12—14 въ діаметрѣ. Не любитъ „Старуха Мая“ русскихъ людей, говорятъ наши рабочіе. Изъ прежнихъ станичныхъ обитателей никого не осталось, не сохранилось даже никакихъ признаковъ строеній. Старовѣры ушли на Лену, скопческія поселенія опустѣли, поселившійся недавно здѣсь Бурилинъ погибъ, случайно выстрѣливъ въ себя изъ ружья. (Старовѣрка Рѣшетникова этой весной нечаянно застрѣлена своей дочерью, и домъ ея теперь никѣмъ ни обитаемъ[3]).

[1]) Тунгус. слово. Значенія рабочіе не знаютъ.

[2]) Крестьяне теперешняго с. Павловскаго въ 20 в. выше Якутска.

[3]) На правомъ берегу въ урочищѣ Догуэръ, на 13-й вер. вверхъ отъ бывшаго Цыпандинскаго станка.

Но если благорасположеніемъ Маи пользуются одни лишь тунгусы, то этого нельзя сказать относительно тѣхъ изъ нихъ, которые посвящаютъ себя ремеслу лямовщика. У Тимофея и старика появились на ногахъ гноящіяся раны, на пяткахъ кожа разъѣдена; Петръ вотъ уже второй разъ падаетъ въ обморокъ, другіе испытываютъ внезапныя головокруженія и спѣшатъ въ такихъ случаяхъ погрузиться съ головой въ воду. Всѣ эти болѣзненныя явленія составляютъ на тягѣ обычную вещь и вызываются, надо полагать, постояннымъ пребываніемъ нижней части туловища въ водѣ.

Съ приближеніемъ къ р. *Маймакану* въ галькѣ начинаютъ преобладать разныхъ оттѣнковъ зеленыя цвѣта—мраморъ, порфиръ, яшма—породы, наносимыя этимъ вторымъ по величинѣ притокомъ Маи. Быстрины становятся все болѣе частыми и стремительными; о силѣ ихъ можно судить по тому, какъ вода катитъ по дну камни въ изрядный кулакъ величиною. Берега покрыты все той же лиственницей, изрѣдка по скату холмовъ растетъ сосна. На островахъ преимущественно краснолѣсье: высокоствольная прямая талина верш. до 8 толщиной, ольха, осина, береза, тополь, рябина, черемуха. Нѣкоторые изъ этихъ видовъ имѣютъ не маловажное утилитарное значеніе для населенія. Не говоря уже о березѣ, столь цѣнной для всевозможныхъ въ домашнемъ обиходѣ издѣлій, кора ольхи употребляется при дубленіи кожъ, а ягоды черемухи занимаютъ не послѣднее мѣсто въ числѣ пищевыхъ продуктовъ инородцевъ[1]).

У устья рѣченки *Хахыръ* расположена усадьба переселившагося сюда изъ Нелькана усть-майскаго крестьянина Соловьева. На правомъ высокомъ берегу—новый домъ съ амбаромъ, на лѣвомъ—юрта и хотоны для скота. Хозяинъ уплылъ въ Якутскъ съ чай-

[1]) Ягоду вмѣстѣ съ косточкой толкутъ въ ступкѣ,—получается кашицеобразная масса, изъ которой выдѣлываютъ лепешки, подсушиваютъ ихъ на солнцѣ или у костра и ѣдятъ съ чаемъ вмѣсто хлѣбныхъ лепешекъ. Изъ черемухи приготовляютъ даже настоящую муку, размалывая хорошо высушенную ягоду на ручныхъ жерновахъ. Такую муку можно найти въ продажѣ въ базарныхъ лавочкахъ г. Якутска.

ными паузками. Дома однѣ бабы: хозяйка съ дочерью и сестрой. Еще издалека въ бинокль можно было видѣть, какъ онѣ суетятся, шмыгаютъ на аккуратной крашеной лодкѣ съ одного берега на другой, вытаскиваютъ изъ дому какія то вещи, раздуваютъ на дворѣ огромный самоваръ. Наше появленіе не было для нихъ неожиданностью: дней десять тому назадъ онѣ уже слыхали отъ тунгусовъ, что ѣдетъ много начальства—исправникъ, засѣдатель и докторъ. И вотъ съ тѣхъ поръ бабы ежедневно наряжаются, держатъ наготовѣ самоваръ и выглядываютъ, не покажется ли, наконецъ, лодка. Принимая насъ у себя, онѣ были крайне взволнованы, тораторили всѣ разомъ, задавали тысячу вопросовъ, неоднократно извиняясь за „очумѣлость" и оправдываясь тѣмъ, что рѣдко видятъ русскихъ людей. Живутъ Соловьевы въ полномъ довольствѣ. Отзываются о своемъ мѣстѣ даже съ восхищеніемъ: „всего много: молока, рыбы, дичи, ягодъ—не знаютъ, куда дѣвать". Только въ хлѣбѣ съ весны испытываютъ недостатокъ, потому что, вслѣдствіе плахого сбора сѣна въ прошломъ году, хлѣбъ вышелъ на подкармливаніе зимой скота. Главное занятіе—доставка чаевъ изъ Аяна въ Нельканъ, постройка паузковъ, сплавъ ихъ до устья Алдана, торговля среди тунгусовъ и въ небольшихъ размѣрахъ хлѣбопашество. Подъ земледѣліе на правомъ берегу мѣста очень удобныя, на лѣвомъ же почва каменистая съ весьма слабымъ землянымъ покровомъ; хотя и тутъ на небольшомъ унавоженномъ клочкѣ изъ окна можно видѣть зеленѣющую полосу недурной ржи. На той сторонѣ дозрѣваетъ уже пшеница. Тамъ же, на лѣвомъ берегу, затопляемомъ только въ исключительно большую воду, какая была въ настоящемъ году,—пастбища, сѣнокосъ и огороды съ картошкой, свеклой, капустой, морковью, рѣпой, огурцами, горохомъ. Все растетъ хорошо, а, по словамъ хозяйки, на Юдомѣ, гдѣ она выросла и гдѣ жилъ на станкѣ ея отецъ, земли еще плодороднѣе: и хлѣба, и овощи выростали на славу. Самъ хозяинъ въ постоянныхъ разъѣздахъ по чайнымъ дѣламъ. Скотъ

(олени, лошади, коровы), домашнее и полевое хозяйство на попеченіи женщинъ. Есть два работника тунгуса, но и сами онѣ работаютъ, не покладая рукъ. Семья Соловьевыхъ—образецъ энергичныхъ сибирскихъ людей. Три года какъ они поселились здѣсь, и ежегодно на нихъ обрушиваются несчастья, но бодрость и дѣятельность ихъ отъ этого не ослабѣли. Въ первый годъ старшая (теперь замужняя) дочь пропала безъ вѣсти, заблудившись въ тайгѣ. Для розыска ея родители подняли на ноги всѣхъ ближайшихъ тунгусовъ, платили каждому по 1 р. въ день на своихъ харчахъ, истратились, измаялись отъ безпокойства, запустили работы по хозяйству. Только на 25-й день она нашлась. Страшно исхудалая, почти безумная, она вышла, сама того не сознавая, къ дому убитой Рѣшетниковой (въ 50 вер. внизъ по теченію). Пріидя въ себя черезъ нѣкоторое время, она могла разсказать впечатлѣнія своихъ блужданій только за первые три дня, что было потомъ,—въ ея памяти ничего не осталось, и ей кажется, что ея скитаніе въ тайгѣ длилось не дольше этихъ трехъ дней. Удивительно, какъ ее не загрызли медвѣди, которые своими частыми посѣщеніями усадьбы Соловьева заставили всю семью въ теченіе лѣта переѣзжать на ночь на ту сторону рѣки въ юрту. На второй годъ въ отсутствіи хозяина, уѣхавшаго на наузкахъ съ чаями, пожаръ уничтожилъ только-что отстроенный домъ. На третій годъ наводненіе потопило весь мелкій скотъ. Однако, энергія и предпріимчивость Соловьевыхъ не всегда выгодно отражается на интересахъ тунгусовъ. По всему пути слышатся жалобы на захватъ ими, а также ихъ зятемъ К—мъ, покосныхъ мѣстъ при бывшихъ станкахъ. Эти мѣста принадлежатъ казнѣ, и пользованіе ими никѣмъ не регулируется: коситъ всякій, кто поспѣетъ раньше другихъ, но К—нъ предъявляетъ на нѣкоторыя изъ нихъ право исключительнаго пользованія, ссылаясь на имѣющееся будто бы у него разрѣшеніе областного начальства.

Въ трехъ верстахъ выше Хахыра съ лѣвой стороны владаетъ

Маймаканъ. Мы идемъ протокой, а потому не видимъ его устья, ширина котораго, по словамъ лоцмана, саж. 100. Рѣка мелководная, съ постоянными мелями и шиверами и измѣнчивымъ русломъ. Берега ея безлюдны. Бродячіе тунгусы рѣдко посѣщаютъ ее; изъ полуосѣдлыхъ жителей извѣстенъ по теченію этой рѣки только одинъ Никита Захаровъ, проживающій верстахъ въ 120 отъ устья[1]). Пройдя съ большими задержками и трудностями цѣлый рядъ шиверовъ и вступивъ затѣмъ въ сдавленное высокими наносами гальки русло саж. 50 ширины, подходимъ къ возвышающейся на правомъ берегу скалѣ *Холтанъ-Тасъ*[2]). Вершина ея усѣяна множествомъ тонкихъ шпилей, ниже въ видѣ пояса тянется узкая

[1]) Членъ—сотрудникъ Сиб. Отд. Им. Рус. Геогр. Общ. А. Павловскій, командированный на Учурскую ярмарку за сборомъ ясака съ тунгусовъ въ 1857 г., такъ описываетъ эту рѣку: „15-го числа (іюня) отправились мы внизъ по Маймакану въ трехъ берестяныхъ вѣткахъ, привязавши къ бокамъ ихъ небольшія бревна для того, чтобы онѣ не могли опрокинуться. Эта предосторожность была необходима, пот. что теченіе Маймакана очень быстро. Огромныя груды сухого лѣса, наваленныя на низменныхъ его берегахъ и по островамъ, и множество деревьевъ, вымытыхъ съ корнемъ и снесенныхъ теченіемъ, свидѣтельствуютъ объ опустошительныхъ его дѣйствіяхъ во время разливовъ. Мѣстами образуетъ онъ такъ называемые пороги, особенно на крутыхъ поворотахъ, которыхъ здѣсь много, пот. что теченіе его очень извилисто. Въ этихъ мѣстахъ бываетъ особенно быстрое теченіе и при томъ по разнымъ направленіямъ, такъ что вѣтку бьетъ и вертитъ очень сильно. -Долина Маймакана очень широкая и ровная; рѣка разливается въ весеннее время почти по всей этой долинѣ, такъ что ширина ея доходитъ до 1 версты и болѣе. На ней находится множество острововъ, землистые берега которыхъ сильно подмыты, такъ что дернъ, покрывающій ихъ, частію свѣшивается. Эти острова покрыты превосходнымъ и очень густымъ тополевымъ лѣсомъ, къ которому примѣшиваются тальники, береза и иногда черемуха“.... Горы состоятъ по прежнему изъ амфиболита, который ближе къ устью Маймакана исчезаетъ, вмѣсто него является известнякъ сѣраго цвѣта и изрѣдка глина.—Жителей по Маймакану мало. Всѣ они тунгусы Аянскаго Вѣдомства. Нѣсколько урасъ, встрѣченныхъ мною на пути, не представляли ничего привлекательнаго. Небольшой огонь посрединѣ этихъ жилищъ составляетъ лучшее ихъ украшеніе; около него грѣлись люди и собаки. Между здѣшними жителями оч. много заикъ; почти въ каждомъ семействѣ, которыхъ посѣтилъ я при своемъ проѣздѣ, находилось ихъ по нѣсколько. —Чѣмъ ближе подплываемъ мы къ устью Маймакана, тѣмъ тише становится его теченіе. Причиною этого служило, кажется, сильное повышеніе воды въ р. Маѣ, которая нынѣшнею весною нѣсколько разъ разливалась такъ, что затопляла всю свою долину и заставляла крестьянъ, живущихъ на устьѣ Маймакана, спасаться отъ наводненія на крышахъ своихъ домовъ“. (Поѣздка изъ Якутска на Учур. ярмарку. А. Павловскаго. Записки Сиб. Отд. Им. Р. Г. О. книжка VI, 1863 г.).

[2]) *Холтанъ*—голый, *тасъ* камень.

лента лиственничной поросли, и далѣе гора спускается въ формѣ растопыренной оборчатой юбки. Гладкая блестящая ея поверхность, выше—краснаго, ниже—зеленовато-сѣраго цвѣта, представляетъ вывѣтрившійся и измельченный глинистый сланецъ, масса его нѣсколько жирная на ощупь, свободно набирается на лопату; просѣянная сквозь сито и сваренная съ конопляным маслом, она даетъ хорошую краску, которую скопцы употребляютъ въ дѣло.

Одинъ изъ рабочихъ, майскій тунгусъ Андрей, смѣнившій нѣсколько дней тому назадъ расчитавшагося Багылея, бредя въ водѣ, наткнулся на острую корчагу и сильно поранилъ себѣ ногу. Онъ не можетъ идти въ лямкѣ, его взяли въ лодку и поручили стряпать лепешки. Это парень 24 лѣтъ съ скуластымъ лицемъ, съ большими черными и вовсе не характерными для монгольскаго типа глазами. Пользуясь его сравнительнымъ бездѣйствіемъ, я разспрашиваю его, какъ онъ живетъ. Ихъ три брата. Онъ старшій, женатъ третій годъ. Отецъ послѣ женитьбы выдѣлилъ его, но онъ еще не кончилъ постройки своего „балагана“ [1]) и живетъ пока въ отцовской юртѣ, какъ „*дюкакъ*“ [2]), т. е. ведетъ свое хозяйство совершенно отдѣльно отъ отца и даже ѣстъ и пьетъ чай вмѣстѣ съ женой отдѣльно отъ прочей семьи. За жену онъ заплатилъ калымъ, состоящій изъ 10 оленей, 2 коней и $1^1/_2$ ведра водки, а жена принесла съ собой въ приданое 7 оленей, посуду (мѣдный чайникъ, котелъ, берестяные турсуки и чибишахи), одежу для

[1]) *Балаганъ* т. е. юрта, позаимствованъ у якутовъ. Устройство его извѣстно. Этотъ видъ жилища среди майскихъ и аянскихъ тунгусовъ вытѣснилъ, какъ зимнее помѣщеніе, національную урасу, которая осталась только, какъ лѣтникъ.

[2]) У якутовъ въ одной юртѣ вмѣстѣ съ ея владѣльцами часто помѣщается чужая семья, а то даже и двѣ. У богатыхъ такое сожительство обыкновенно соединено съ служебными отношеніями къ хозяевамъ. Но у среднихъ и у бѣдныхъ ничего подобнаго не бываетъ. Живутъ вмѣстѣ, чтобы зимой меньше дровъ уходило, живутъ потому, что чѣмъ больше скота въ хотонѣ, тѣмъ ему теплѣе; наконецъ просто затѣмъ, чтобы быть всегда въ компаніи, ибо якуты народъ чрезвычайно общественный. Въ такихъ случаяхъ поселившійся въ чужой юртѣ ведетъ свое хозяйство непремѣнно отдѣльно, отдѣльно пьетъ и ѣстъ и называется *дюкакъ*.

себя и для него и равдужную урасу [1]). Жилъ съ женой около года не вѣнчанный, но часто случается, что живутъ и по нѣсколько лѣтъ безъ вѣнца. Родившемуся ребенку даютъ свое имя, которое не рѣдко остается за нимъ на всю жизнь, не смотря на то, что священникъ при крещеніи даетъ другое. Андрей жену бьетъ, „если она въ чемъ провинится“. Жена присматриваетъ за скотомъ, доитъ коровъ и оленицъ, гоняетъ на пастбище, сдираетъ съ убитаго звѣря и выдѣлываетъ шкуру, шьетъ одежу и обувь. Мужъ въ ея хозяйственную область не вмѣшивается. Послѣ смерти отца Андрей обязанъ кормить мать, сестеръ и братьевъ, пока они малолѣтки. Но какъ выдѣленный при жизни отца, онъ уже не можетъ участвовать въ наслѣдованіи остающагося отъ послѣдняго имущества. Ни онъ, ни отецъ хлѣба не сѣютъ, такъ какъ въ ихъ мѣстѣ, близъ бывшаго *Карпилъскаго* станка, земли худыя—либо мокрыя, либо слишкомъ каменистыя. Главное его занятіе—звѣроловство, и наши рабочіе утверждаютъ, что Андрей по справедливости считается однимъ изъ лучшихъ промышленниковъ по Маѣ. Онъ бѣлкуетъ, разставляетъ много самострѣловъ на зайца, лисицу, сохатаго, ходитъ на медвѣдя съ пальмой. У него четыре охотничьихъ сабаки, изъ которыхъ каждую онъ цѣнитъ въ добраго коня. По его словамъ, всякій тунгусъ, промысливщій звѣря или рыбу, считаетъ своимъ долгомъ подѣлиться половиной добычи съ первымъ встрѣчнымъ, будь то свой братъ или „омукъ“, иноплеменникъ. На вопросъ: въ случаѣ ссоръ или какихъ либо споровъ къ кому обращаются съ жалобами? Андрей отвѣчалъ: если это братья,—къ отцу, если родственники,—къ почетному члену въ ихъ родѣ. Но и тѣ и другіе не рѣдко также обращаются къ священнику, потому что „агабытъ“ [2]) у нихъ „смирный“ (*сымнагасъ*) [3]), справедливый, что даютъ, то и возьметъ, а бѣдныхъ и

[1]) Сшитый изъ многихъ выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ пологъ, которымъ окутывается остовъ урасы, т. е. конусомъ уставленныя жерди.

[2]) Священникъ, буквально—*нашъ отецъ*.

[3]) „Сымнагасъ“—лучшая похвала, какою якутъ награждаетъ русскаго человѣка.

самъ еще надѣляетъ. Въ случаѣ болѣзни кого либо въ семьѣ или болѣзни скота, зовутъ шамана. Всякая болѣзнь отъ злого духа (обагы), поселяющагося въ человѣкѣ или скотинѣ, а злой духъ можетъ быть изгнанъ только шаманомъ. Послѣднiй получаетъ оленя, нѣсколько равдугъ, обувь—все лучшее на выборъ. Тунгусы не любятъ, чтобы покойникъ лежалъ въ жильѣ, его тотчасъ же выносятъ вонъ; послѣ похоронъ балаганъ или урасу покидаютъ и перекочевываютъ на другое мѣсто.

(19-го iюля). За горой *Сели-Хаята*[1]) (лѣвый берегъ), покрытой рѣдкой сосной, рѣка развѣтвляется на семь протокъ, по числу ихъ и мѣсто называется по якутски *Сiеття-ёсь*[2]). Пошли, чуть не сплошь загромаждяя оба берега, огромные наносы толстыхъ лѣсинъ, дѣлающiе бичевникъ невозможнымъ. Но глубины часто не позволяютъ итти въ водѣ; лямовщикамъ приходится перебираться на четвереинькахъ съ лѣсины на лѣсину, рискуя ежеминутно свалиться и изранить себя о торчащiя во всѣ стороны сучья. Сѣверная протока, по которой мы направлялись, извивается, какъ змѣя, и В. Е. едва успѣваетъ орiентироваться, нанося рѣку на планшетку. При соединенiи протоки съ главнымъ русломъ образовался бурный шиверъ съ значительнымъ уклономъ паденiя воды, и мы употребили не мало времени и усилiй, чтобы подняться по водопаду, цѣпляясь баграми за лѣсины, въ то время какъ другiе тащили бичеву, карабкаясь по грудамъ плавника[3]). Остальную часть быстрины преодолѣли, навалившись на весла по четыре руки на каждое. 20-го iюля проѣзжаемъ *Ватомъ*[4]), предпослѣднiй, считая

[1]) *Сели* по-якутски костяной мозгъ.

[2]) *Сiеття*—семь, *есь*—протока.

[3]) Упомянутый выше Бурилинъ вездѣ поджигалъ этотъ хламъ, чтобы очистить берега подъ бичевникъ. Это необходимо и въ виду того, что скопленiе наносныхъ деревьевъ, сверхъ того, вызываетъ завороты и вообще неправильности въ теченiи, а также служитъ препятствiемъ для движенiя гальки, вслѣдствiе чего образуются внезапные уклоны въ паденiи воды, мели и перекаты.

[4]) Болѣе распространенное его названiе, нежели *Ватома* географическихъ картъ. Послѣднiй изъ большихъ притокъ Маи -*Уй*, впадаетъ верстъ на 100 выше Ватома.

вверхъ, изъ наиболѣе значительныхъ притоковъ Маи, вливающійся въ нее съ лѣвой стороны тремя рукавами. Рабочіе говорятъ, со словъ бывавшихъ на ней тунгусовъ, что это крайне неспокойная, бурная рѣчка съ частыми водоворотами, шиверами и измѣнчивымъ русломъ. По ней даже на вѣткѣ далеко не вездѣ можно проѣхать. Верстъ за 250 вверхъ отъ ея устья проживаетъ зимой одно только полуосѣдлое семейство Ивана Антонова, богатаго, бывшаго много лѣтъ старостой, тунгуса [1]). Отъ Ватома мели и отмели занимаютъ все болѣе обширныя пространства, часто съуживая фарватеръ до 5—6 саженъ. За горой *Громкинъ* (тунгус.) рѣка дѣлаетъ крутой изгибъ на С. В., растягивая полуверстное прямое разстояніе (по чертежу В. Е.) на три версты. Низкія береговыя обнаженія уже не представляютъ красивыхъ причудливыхъ картинъ, и наслоенія песчанниковыхъ и известковыхъ породъ не имѣютъ прежней, какъ бы искусственной, кладки правильныхъ плитъ. Въ обломкахъ скалъ, усѣивающихъ берегъ, попадаются кувшиновидные, съ концентрическимъ слоеніемъ камни красноватаго или зеленоватаго цвѣта съ бурыми прослойками [2]).

Чѣмъ ближе къ Нелькану, тѣмъ чаще встрѣчаемъ тунгусовъ, занятыхъ кошеніемъ сѣна по подряду для нельканскихъ купцовъ. У раскинутыхъ на берегу шалаша или урасы лодки съ сѣтями, а на жердяхъ развѣшена юкола—главная пища этихъ людей. То тотъ, то другой изъ нашихъ рабочихъ не упускаютъ случая забѣжать въ шалашъ „покапсѣкать“ и угоститься вяленой рыбой.

21-го іюля передъ нами открылся, наконецъ, видъ Нелькана, этой столицы Майскаго края. Десятка два строеній въ безпорядкѣ раскинулись на правомъ берегу по отлогому склону холма у устья рѣчонки *Чуи*. Между ними выдѣляется высокій желтый домъ съ красной крышей—помѣщеніе почтовой конторы при Р. А. К°. и нѣсколько пакгаузовъ для склада чайнаго груза. Послѣ 25-ти

[1]) лѣтникъ его близъ устья Ватанги.

[2]) Образцы въ Якут. музеѣ.

дневнаго плаванія почти по безлюдной рѣкѣ видъ этого невзрачнаго поселенія производитъ на насъ впечатлѣніе большого города. Наша команда засуетилась: казаки нарядились въ праздничныя блузы, нашъ поваръ, колымскій якутъ Онисимъ, надѣлъ бѣлый гуттаперчевый воротничекъ и новые этербесы съ красными отворотами голеницъ. Подняли флагъ и по принятому въ Сибири обычаю сдѣлали нѣсколько ружейныхъ залповъ. Намъ отвѣчали съ берега тѣмъ-же привѣтствіемъ. Въ числѣ пяти, шести человѣкъ, вышедшихъ на берегъ встрѣчать насъ, мѣстное населеніе представлялъ собою казачій пятидесятникъ вахтеръ, остальные состояли изъ Осипова и скотогоновъ якутовъ. Пристать къ Нелькану—дѣло нелегкое: нужно преодолѣть сильный шиверъ, который товарныя лодки обыкновенно обходятъ, подымаясь подъ лѣвымъ берегомъ саженей на 200 выше, затѣмъ пересѣкаютъ рѣку и спускаются къ мѣстечку правымъ берегомъ.

И такъ мы заканчиваемъ водную часть своего путешествія. Изъ всего видѣннаго и слышаннаго, а также замѣтокъ занесенныхъ въ дневникъ на обратномъ пути, здѣсь умѣстно сдѣлать общую характеристику рѣки и обитающаго въ ея долинѣ рѣдкаго населенія.

Мая—самый могучій притокъ Алдана, какъ по длинѣ (около 1200 верстъ), такъ и по объему воды. Множество мелкихъ горныхъ рѣчекъ, въ пору нашего плаванія въ большинствѣ представлявшихъ жалкіе ручейки или просто обсохшія каменистыя русла, весной переполняютъ ее своими водами, повышая ея уровень до 4 и 5 саженъ. Но репутація Маи, какъ чрезвычайно быстрой рѣки, преувеличена. Измѣренія посредствомъ поплавковъ нѣкоторыхъ проходимыхъ нами быстринъ, не считая, разумѣется шиверовъ, при среднемъ уровнѣ воды сравнительно съ высотой весенняго половодья, упавшимъ саж. на 3, дали maximum скорости 9, 5 верстъ въ часъ, а въ мѣстахъ тихаго теченія—1, 9 в. Рѣка вскрывается

въ первыхъ числахъ мая[1]). Замерзаніе происходитъ въ первой половинѣ октября; наиболѣе раннее, какъ то случилось въ настоящемъ (1894 г.), —2-го октября, наиболѣе позднее—26 того-же мѣсяца. Не рѣдко послѣ прохода первой шуги рѣка очищается на недѣлю и болѣе, но во вторую шугу окончательное замерзаніе наступаетъ черезъ 2—3 дня. Шуга двигается прежде всего съ Юдомы, затѣмъ съ Аима. Случается, что въ нижнемъ теченіи уже сплошной ледъ, тогда какъ вверхъ отъ Аима рѣка еще на много дней остается совершенно чистой. Алданъ близъ впаденія Маи стаетъ дня на 3, на 4 позже послѣдней. Обыкновенно проснувшаяся Мая заливаетъ его своей водой и напоромъ теченія будитъ еще спящій Алданъ, разрывая его ледяное покрывало. Полное неустройство бичевника, неустройство, вслѣдствіе почти ежегодныхъ разрушительныхъ разливовъ, едва-ли устранимое, превращаетъ ремесло лямовщиковъ по Маѣ въ невѣроятно тяжелый, истинно скотскій трудъ. Отвѣсныя стѣны прибрежныхъ скалъ, у которыхъ можно пройти только съ помощью желѣзныхъ багровъ, цѣпляясь за выступы и расщелины камня; подмытые низкіе материковые или островные берега съ повалившимися въ воду деревьями, преграждающими путь бичевѣ, нагроможденія плавника, съ небольшими перерывами на цѣлыя версты заваливающія берегъ; засореніе русла завязшими въ галькѣ дна скрытыми въ водѣ или торчащими наружу корчагами; заросли, требующія подъ часъ не легкой, на долго задерживающей движеніе прочистки бичевника топоромъ. При такомъ состояніи береговъ лямовщики не менѣе трети всего пути вынуждены тянуть бичеву въ водѣ, что вызываетъ у нихъ головокруженія, обмороки, опухоли и язвы на ногахъ. Но условія ихъ труда становятся еще болѣе жестокими въ концѣ августа и въ сентябрѣ, когда имъ приходится нести свою службу на тягѣ товарныхъ лодокъ отъ устья Алдана при температурѣ воды этого времени. Тѣмъ не менѣе рабочіе, въ сравненіи съ которыми воспѣтыхъ Некрасо-

[1]) Въ рѣдкіе годы, какъ 1895, даже въ концѣ апрѣля.

вымъ волжскихъ бурлаковъ можно назвать аристократами, съ поразительнымъ терпѣніемъ дѣлаютъ свое дѣло, относясь ко всѣмъ трудностямъ и физическимъ страданіямъ, какъ къ неизбѣжнымъ и вполнѣ нормальнымъ условіямъ своего ремесла. Не удивительно, если гужевой способъ движенія по Маѣ обнаруживаетъ только дурныя стороны этой рѣки, оставляя о ней преобладающимъ неблагопріятное впечатлѣніе. Тунгусы называютъ ее *уохтахъ эмяхсинъ Мая*—сердитая старуха Мая. Въ дѣйствительности она вовсе не такъ ужъ зла, какъ кажется несчастнымъ лямовщикамъ, и едва-ли хуже многихъ рѣкъ, по которымъ существуетъ даже пароходное сообщеніе. Мы возвращались въ послѣднихъ числахъ сентября въ самую малую воду, какая, по общему отзыву, бываетъ далеко не ежегодно. На этотъ разъ мы, разумѣется, не имѣли надобности держаться береговъ и большей частью плыли фарватеромъ. Наша лодка, сидящая въ водѣ на 3 четверти и 2 вершка, была задержана на нѣсколько часовъ всего двумя мелями. Одна изъ нихъ могла быть обойдена при большей внимательности лоцмана; черезъ другую саж. 5 мы перебрались, расчистивъ гальку лопатами и углубивъ такимъ образомъ русло. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы не глубоко сидящій пароходъ, какъ напр. Громовскій въ 4 чет., могъ встрѣтить болѣе серьезныя препятствія въ среднюю воду, чѣмъ наша лодка въ малую. До малаго уровня вода въ Маѣ падаетъ въ концѣ лѣта,[1] въ началѣ осени она обыкновенно прибываетъ, достигая горизонта средней, а случается—и болѣе высокой воды. Лейтенантъ Завойко въ своихъ запискахъ (въ началѣ 50 годовъ) говоритъ: „сдѣланный по рр. *Маѣ, Алдану* и *Ленѣ* промѣръ показываетъ, что можно завести здѣсь пароходное сообщеніе при глубинѣ судовъ въ 3 ф.“ [2]). Мы не имѣли времени заняться промѣромъ глубинъ, но приведенный отзывъ не теряетъ своего значенія и для настоящаго времени, ибо нѣтъ никакихъ причинъ

---

[1]) Большая вода начинаетъ быстро спадать при бездождіи съ Петрова дня.

[2]) Записки Гидрограф. Департ. Мор. Мин. 1846 г.

допускать обмелѣніе съ тѣхъ поръ Маи. Дѣвственные лѣса на всемъ пространствѣ ея бассейна остались такими-же нетронутыми, какъ и полъ-столѣтія тому назадъ, а широкія ложа съ высоко изрытыми и подмытыми берегами хотя и высыхающихъ къ половинѣ лѣта ея притоковъ свидѣтельствуютъ объ огромной массѣ вливающейся въ нее весной воды. Препятствія, могущія представиться для пароходнаго движенія по Маѣ, заключаются въ измѣнчивости ея фарватера вслѣдствіе подвижности мелей и наносовъ гальки перемѣщающихся съ мѣста на мѣсто. Но эти неудобства могутъ быть устранены: стоитъ лишь имѣть на извѣстныхъ пунктахъ проводниковъ изъ мѣстныхъ тунгусовъ, обыкновенно хорошо знакомыхъ съ состояніемъ рѣки во всякое данное время. На перекатахъ-же не представляетъ трудности углубить дно посредствомъ выемки мелкой, легко подвижной гальки. При всемъ томъ, если на счетъ пароходства по Маѣ въ среднюю воду возможны все таки нѣкоторыя сомнѣнія, то большая вода не представляетъ для этого рѣшительно никакихъ основаній. Время-же стоянія большой воды — съ половины мая до двадцатыхъ чиселъ іюня — болѣе чѣмъ достаточно, чтобы доставить чайный грузъ изъ Нелькана въ Якутскъ. Наиболѣе сомнительными мѣстами фарватера можно считать слѣдующіе четыре пункта:

1) верстахъ въ 4-хъ выше ст. Кумахинской,

2) ниже Цыпандинскаго ст. на 3 вер.,

3) ниже устья р. Ханчика на 1¹/₄ в. и

4) у бывшаго лѣтняго ст. *„Семь Протокъ“*, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутой изгибъ, и русло съуживается до 30—35 саж.

Долину Маи можно назвать пустынной, такъ какъ на протяженіи не менѣе 600 верстъ мы встрѣтили всего 11 пунктовъ осѣдлости, изъ коихъ только на Кумахѣ живутъ два тунгускихъ семейства и одинокій русскій крестьянинъ, въ остальныхъ — по одной семьѣ. Съ упраздненіемъ аянскаго почтоваго тракта и переселеніемъ станочныхъ крестьянъ вся береговая полоса на пять

верстъ по объ стороны рѣки осталась за казной,—обстоятельство, являющееся одной изъ немаловажныхъ причинъ ея пустынности. Майская долина не отличается особенными богатствами природы, но она совмѣщаетъ всѣ условія, обезпечивающія существованіе тунгуса: звѣрь, птица, рыба[1]), есть и пастбища для скота, есть и годныя для хлѣбопашества мѣста. Всѣхъ этихъ даровъ въ отдѣльности не Богъ вѣсть какое изобиліе, за то все это подъ руками. Вотъ почему, какъ мы слышали, а отчасти и сами убѣдились, стремящіеся уже къ осѣданію тунгусы тяготѣютъ къ этой рѣкѣ, и мы нашли бы ее болѣе населенной, еслибъ не формальности, установленныя для занятія казенной земли. Прочное обоснованіе задерживается опасеніемъ потерь, сопряженныхъ съ возможнымъ выдвореніемъ, а получить законное разрѣшеніе, при отсутствіи почти всякихъ сношеній даже съ засѣдателемъ, а также при полной юридической безпомощности населенія, фактически является дѣломъ непреодолимой трудности.

Объ удобствахъ долины Маи для культуры хлѣбныхъ растеній можно говорить лишь съ большими ограниченіями. Преобладающій грунтъ омываемыхъ Маей береговъ—камень, или обнаженный, или едва прикрытый незначительнымъ слоемъ почвы. Мѣста, пригодныя для расчистокъ подъ пашни, встрѣчаются оазисами, эксплоатація коихъ далеко, конечно, не исчерпана наличнымъ количествомъ населенія. Острова и низкія береговыя мѣста съ достаточнымъ слоемъ растительнаго перегноя большей частью затопляемы водой, отъ которой освобождаются не ранѣе іюня и сверхъ того сплошь заносятся древеснымъ хламомъ. Но долина Маи во всякомъ случаѣ можетъ вмѣстить на своемъ протяженіи населеніе, во много разъ превышающее размѣры, необходимые для поддержанія правильнаго трактоваго сообщенія. Почвенное и топографическое разнообразіе исключаетъ возможность обработки большихъ площадей, вслѣдствіе чего не существуетъ и условій для возникновенія

[1]) Майская стерлядь считается лучшей въ Якутскѣ.

значительныхъ сплоченныхъ пунктовъ населенія. Послѣднее по необходимости должно будетъ сосредоточиваться здѣсь мелкими поселками, чтобы избѣжать неудобства чрезмѣрной удаленности пашенъ отъ мѣста жилища. Надо полагать, однако, что этотъ край еще на долго останется при томъ же разобщеніи съ остальнымъ міромъ, въ какомъ онъ пребываетъ теперь. Здѣсь, поэтому, наиболѣе цѣлесообразнымъ и нормальнымъ является типъ хозяйства, расчитанный, по возможности, на всестороннее удовлетвореніе потребностей производителя съ его семьей; а для такого хозяйства тунгусская семья представляется элементомъ болѣе подходящимъ, чѣмъ русская. Производство для обмѣна получаетъ у тунгуса второстепенное значеніе, лишь на столько, на сколько онъ нуждается въ чаѣ, въ дабѣ и въ деньгахъ для уплаты казенныхъ повинностей; для этой же цѣли ему нуженъ не хлѣбъ, котораго продать некому, а нужна пушнина, спросъ на которую предъявляетъ къ нему купецъ. Дѣятельнаго, съ наживательской предпріимчивостью русскаго человѣка натуральное земледѣльческое хозяйство не можетъ удовлетворить. Русскій человѣкъ, заброшенный среди полудикаго инородческаго населенія, всегда стремится занять болѣе благодарную, въ интересахъ быстрой наживы, роль торговца. Это мы и видимъ во всѣхъ русскихъ пунктахъ осѣдлости по Маѣ, въ которыхъ хлѣбопашествомъ или совсѣмъ не занимаются, (какъ въ Нельканѣ) или, живя главнымъ образомъ мелкой торговлей и подрядами, сѣютъ всего по нѣсколько пудовъ и то въ виду дороговизны хлѣба, обусловленной ничтожнымъ пока производствомъ его самими тунгусами. Вотъ почему стремленіе тунгусовъ къ осѣданію по этой рѣкѣ требовало бы предпочтительнаго поощренія и прежде всего путемъ ослабленія сопряженныхъ съ этимъ формальностей.

Климатическія условія для земледѣлія по Маѣ болѣе благопріятны, чѣмъ въ прилегающихъ къ Якутску районахъ. Заморозки, губящіе хлѣба, а также засухи случаются здѣсь, какъ весьма

рѣдкое явленіе. Такихъ враговъ земледѣлія, какъ кобылка и овражки, майскіе хозяева совсѣмъ не знаютъ. Отсюда и колебанія урожаевъ не такъ рѣзки, какъ, напримѣръ, въ Намской долинѣ[1]). Тамъ на новой чисткѣ или на заливной пашнѣ можетъ родить и самъ 40; но Маѣ нигдѣ не приходилось слышать объ урожаѣ на такихъ же участкахъ свыше самъ 25. За то среднiй урожай здѣсь стоитъ весьма высоко и даже на давно утилизируемыхъ скопческихъ земляхъ опредѣляется въ самъ 10.

Сравнительно съ якутскимъ скотоводство развито весьма слабо, благодаря недостатку въ покосахъ, на что по Маѣ жалуются повсюду. Лѣтнія кормовища не дурны: хорошая трава растетъ даже по полуоголенному камню на самомъ ничтожномъ земляномъ покровѣ. Но луговыя мѣста, годныя для сѣнокошенія, встрѣчаются незначительными пространствами. Расширеніе сѣнокосныхъ угодій можетъ быть создано искусственно посредствомъ расчистки нѣкоторыхъ островомъ и осушенія прибрежныхъ озеръ,—дѣло, нуждающееся не столько въ поощреніи, сколько въ устраненіи необходимости всякій разъ обращаться при этомъ къ областному начальству.

Глава IV.

Нельканъ.—Дѣятельность его жителей.—Состояніе „казенной“ дороги.—Маильская тундра.—Путь къ истокамъ р. Быранджы.—Быранджа.—Нингмагичанг'скій перевалъ черезъ Джугджурскій хребетъ.- Перевалъ Кынгачангъ-Альдома, или „Казенный“.—Дорога но Альдомской долинѣ.—Перевалъ черезъ Уйскій хребетъ.—Прибытіе въ Аянъ.—Характеристика Джугджура.—Движеніе чайныхъ обозовъ.—Приаянскіе бродячіе тунгусы.

Географическое положеніе Нелькана опредѣляется 57° 39′ ш. и 153° 54′ в. д.[2])... Населеніе его состоитъ изъ шести русскихъ семействъ, проживающихъ здѣсь въ качествѣ постоянныхъ довѣренныхъ отъ крупныхъ купеческихъ фирмъ—Громова, Кушнарева,

[1]) По лѣвому берегу Лены на сѣверъ отъ Якутска.

[2]) При опредѣленіи (за точность не ручаюсь) полуденной линіи въ Нельканѣ склоненіе магнитной стрѣлки оказалось 8° 30′ къ З.

Приамурской Ком. и Силина. Вся жизнь этого мѣстечка, всѣ его интересы сосредоточены около чайнаго дѣла. Выгруженный въ Аянѣ въ августѣ и въ сентябрѣ чай въ теченіе зимы перевозится заподряжаемыми для этого тунгусами въ Нельканъ. Здѣсь онъ складывается въ амбары и ждетъ вскрытія рѣки. Въ концѣ зимы начинается заготовка паузковъ, постройка которыхъ еще съ осени сдается по подряду извѣстнымъ тунгусамъ (они же обыкновенно и лоцмана). Въ это время въ Нельканѣ скопляется до 200 рабочихъ изъ якутовъ, тунгусовъ и амгинскихъ крестьянъ. Обычная плата за постройку паузка и сплавъ на немъ чая до устья Алдана 700—750 р., при чемъ подрядчикъ всѣ продукты для прокормленія своихъ рабочихъ и вообще всякій нужный ему товаръ забираетъ у довѣреннаго въ счетъ этой суммы по установленной цѣнѣ[1]). Паузокъ строится изъ еловаго лѣса (сосны нѣтъ, а лиственъ, какъ тяжелое дерево, не годится); онъ вмѣщаетъ 400—420 мѣстъ чая. Сплавляютъ въ 3—4 дня до устья Маи и далѣе до устья Алдана—въ 4—5 дней. Доставивъ въ Якутскъ чай, довѣренный покупаетъ здѣсь лодку, нагружаетъ ее товаромъ и, заподрядивъ на Алданъ обыкновенно тѣхъ же лоцмана и рабочихъ на тягу, возвращается въ Нельканъ во второй половинѣ сентября[2]), употребляя на этотъ путь отъ 50 дней до 2 мѣсяцевъ съ лишкомъ. Лоцманъ получаетъ отъ 45 до 65 р., лямовщикъ 20—25 р. за весь путь на хозяйскихъ харчахъ. Пайковъ не пола-

[1]) А именно: *мясо конское*—5 р. пудъ; *масло* (тымтайное, т. е. худшаго качества)—15—16 р. пудъ (въ Якутскѣ подряжается по 6—8 р.); *мука* яричная—3 р. 50 к.—3 р. 80 к. пудъ (у Усть-Майскихъ скопцовъ покупается по 1 р. 80 к.—2 р. пудъ); *чай кирпич.*—по 1 р. кирпичъ (покупается въ Аянѣ по 32—34 р. мѣсто въ 72 кирпича); *спиртъ* бутылка (плохой) отъ 2 до 3 р. (въ Якутскѣ по 14—16 к. градусъ, т. е. 70—80 к. бутылка въ 88°); *табакъ черкасскій* отъ 60 к. до 1 р. фунтъ (въ Якутскѣ 25 к. фунтами); *дабы* штука 3-го сорта 3 р. 50 к.—4 р. (въ Якутскѣ 2 р.—2 р. 50 к.); *ситецъ* худшаго сорта по 25 к. аршинъ (въ Якутскѣ 10—12 к.)

[2]) При чемъ довѣренные, отправивъ лодки съ вѣрными людьми, сами ѣдутъ не рѣдко по сухопутью до Нелькана: на почтовыхъ до Амгинской Слободы и верхомъ далѣе до Усть-Маи, а отсюда верхомъ скотогонной тропой, по которой Осиповъ гналъ нашихъ коней.

гается, ѣдятъ столько, сколько хотятъ (чай, хлѣбъ, масло, мясо). Якутъ или тунгусъ безъ обильной пищи рѣшительно не способенъ къ сколько нибудь напряженной работѣ даже на короткое время; якутскій купецъ хорошо это знаетъ и просто считаетъ нерасчетливымъ скудно кормить своихъ рабочихъ. Порція водки выдается обыкновенно черезъ день и сверхъ того—въ особенно трудныхъ мѣстахъ, когда рабочимъ приходится по долгу возиться въ холодной водѣ. Привезенный товаръ расходится въ обмѣнъ на пушнину, на подряды по перевозкѣ чаевъ изъ Аяна и на постройку и сплавъ паузковъ слѣдующей весной. Доставка пуда изъ Якутска обходится отъ 2 р. до 2 р. 50 к. Чтобы судить о размѣрахъ получаемыхъ барышей, достаточно взглянуть на приведенныя въ выноскѣ цѣны.

Все мужское населеніе и часть женскаго почти круглый годъ находится въ разъѣздахъ то между Нельканомъ и Аяномъ, то между Якутскомъ и Нельканомъ, совершая тысячеверстное путешествіе верхомъ на конѣ при отсутствіи всякихъ дорогъ, а зимой на оленяхъ въ нартахъ черезъ трудно проходимые перевалы Джугджура. Женская половина по энергіи и предпріимчивости не уступаетъ мужчинамъ; г-жи Н—а и Ф—ва, довѣренныя крупнѣйшихъ фирмъ Громовской и Приамур. К°, ведутъ самостоятельно свои дѣла; но, къ чести ихъ сказать, формы ихъ наживательства отличаются большей порядочностью и мягкостью, чѣмъ пріемы ихъ собратьевъ по профессіи—мужчинъ. Къ сожалѣнію, крайняя узость интересовъ этихъ людей и спеціализація ихъ дѣятельности исключительно на торговлѣ лишаетъ ихъ въ культурномъ отношеніи всякаго положительнаго значенія для края. Нельканъ ничего не производитъ. Онъ только посредничаетъ и барышничаетъ. Хлѣба здѣсь не сѣютъ, огородныхъ овощей также. При существованіи станковъ на лѣвомъ берегу были пашни, но теперь заросли лѣсомъ. Заниматься земледѣліемъ нѣтъ никакого расчета, разъ есть дѣло болѣе легкое и въ тоже время гораздо болѣе прибыльное. Рогатаго

скота во всемъ Нельк. 3 коровы. Вслѣдствіе недостатка сѣна предпочитаютъ держать лошадей[1]), которые остаются здѣсь на подножномъ корму и продолжаютъ жирѣть на травѣ *сибикте*[2]) до половины ноября. Лошади идутъ на мясо и на перевозку вьючнымъ способомъ запоздалыхъ чаевъ отъ тѣхъ пунктовъ, откуда ставшій уже снѣгъ дѣлаетъ дальнѣйшую ѣзду на нартахъ не возможной.

На основаніи правилъ о продажѣ населенію сѣверныхъ округовъ Приморской и Якутской областей предметовъ продовольствія, пороха и свинца, въ Нельканѣ имѣется казенный хлѣбный магазинъ, соляная стайка и пороховой погребъ. Эти продукты доставляются сюда изъ Владивостока черезъ Аянъ. Выдача мѣстному населенію ссудъ изъ казеннаго магазина допускается лишь цѣлому инородческому обществу подъ ихъ круговою порукою въ исправной уплатѣ долга при первомъ сборѣ ясака. Отдѣльнымъ лицамъ продукты отпускаются не иначе, какъ на наличныя деньги или за бѣлку по казенной оцѣнкѣ (въ настоящее время 24 к. шкурка). Мука (ржаная) продается 3 р. 50 к. за пудъ, соль—2 р. пудъ. 1 ф. пороху и 1 ф. свинцу („пара“) 1 р. 20 к. Муки ежегодно доставляется въ складъ 50 п. Изъ нихъ 24 п. идетъ на пайковое довольствіе вахтеру, для инородцевъ остается всего 26 п.,—количество, далеко неудовлетворяющее всѣхъ нуждающихся при недостаткѣ въ пищѣ, испытываемомъ обыкновенно тунгусами къ концу зимы. Запасный магазинъ истощается въ это время очень скоро, и голодающій тунгусъ вынужденъ обращаться къ торговцу, который, пользуясь отсутствіемъ конкуренціи казеннаго хлѣба, подымаетъ цѣну на свой.—Въ іюлѣ (1894 г.) въ наличности имѣлось соли около 50 п., пороху 6 п. и свинцу—5 п.; муки совсѣмъ не было, и самъ вахтеръ оставался безъ пайка пятый мѣсяцъ. Хлѣбъ вышелъ еще въ февралѣ, а новый запасъ можетъ

[1]) До 40 рабочихъ, у одной довѣренной есть штукъ 50 оленей.

[2]) Видъ хвоща.

быть полученъ не ранѣе октября или ноября. Во время нашего пребыванія въ Нельканѣ была полная безхлѣбица. и намъ пришлось оставить мѣстнымъ жителямъ 12 пудовъ взаймы до прихода товарныхъ лодокъ. —Всего пороха полагается 18 п. и свинцу 36 п. По заявленію вахтера и бывшаго старосты наслега этого количества оказывается недостаточно для зимняго промысла тунгусовъ, и это обстоятельство неблагопріятно отражается на добычѣ бѣлки, а слѣдовательно —и на ясачной платежности населенія. У купца, конечно, можно достать, но только тѣмъ, которые обязуются доставлять всю добытую пушнину ему.

Храненіемъ и отпускомъ продуктовъ завѣдуетъ вахтеръ, пятидесятникъ Якут. казачьяго полка. Въ этомъ собственно и заключаются его обязанности. но за отсутствіемъ въ краѣ другихъ властей[1]) окружное полицейское управленіе поручаетъ ему исполненіе и полицейскихъ функцій. Мало того, ему приходится фигурировать и въ еще болѣе несвойственной его званію роли. Такъ, онъ креститъ младенцевъ въ томъ случаѣ, если ребенокъ заболѣетъ, и родители не хотятъ, чтобы онъ умеръ не крещеннымъ[2]). Однажды вахтеръ былъ позванъ для освященія брака, и онъ счелъ возможнымъ не отказаться отъ этого, потому что, какъ объясняетъ онъ. „случай былъ не вполнѣ христіанскій". У тунгуса хворала жена; ему надоѣло ждать ея смерти, да и хозяйство безъ хозяйки приходило въ разстройство. Онъ высваталъ себѣ другую жену, за-

[1]) Засѣдатель (2-го участка) живетъ за 800 верстъ въ Амгинской Слободѣ.

[2]) Священникъ, почти круглый годъ разъѣзжающій по своему необъятному приходу, бываетъ въ Нельканѣ къ Пасхѣ. Совершать во время крещеніе, браки и хоронить умершихъ онъ, конечно, не имѣетъ никакой возможности. Случается, что заболѣвшій, не желая умирать, не исповѣдавшись, посылаетъ родственника къ батюшкѣ „за поясомъ". Больной долженъ произнести покаяніе въ грѣхахъ, опоясавшись батюшкинымъ поясомъ и черезъ это получаетъ отпущеніе. Если надъ умершимъ хотятъ совершить отпѣваніе, везутъ комокъ земли съ могилы къ священнику: послѣдній совершаетъ молитвословіе, и комокъ возвращается обратно на могилу. Разсказанные мнѣ случаи этого рода относятся, впрочемъ, ко времени предыдущаго священника. Бывали-ли подобные примѣры въ служеніи о. Василія М—ва, мнѣ, къ сожалѣнію, освѣдомиться у него не удалось.

платилъ калымъ и привезъ ее въ свою урасу. Старая жена жила еще нѣсколько мѣсяцевъ при молодой и, по словамъ разсказчика, относилась весьма одобрительно къ поступку мужа.

Весной къ Пасхѣ въ Нельканъ съѣзжается до 100 и болѣе тунгусовъ на „ярманку", которая вмѣстѣ съ тѣмъ является „суглаіномъ", т. е. собраніемъ родовичей для рѣшенія общественныхъ вопросовъ и выбора должностныхъ лицъ. Тутъ же происходятъ сдѣлки по подрядамъ на перевозку чаевъ будущей зимой, взносъ ясака и расплата съ долгами пушниной, (бѣлка, лисица, медвѣжья шкура, ровдуга и въ небольшомъ количествѣ горностай) значительная часть которой пропивается и проигрывается въ карты.

Для дальнѣйшаго путешествія намъ нуженъ былъ подходящій человѣкъ въ качествѣ проводника. Въ Нельканѣ проживаетъ 90 лѣтній старикъ тунгусъ Данило. Онъ работалъ при проведеніи пути Рос. Ам. К° и извѣстенъ своего рода подвигомъ: строитель подрядчикъ вызвалъ охотниковъ встащить на высокую крутую скалу (Бамъ-Тасъ) тяжеловѣсный крестъ и водрузить на ея вершинѣ. Данило взялся сдѣлать это одинъ и, не смотря на то, что подъ конецъ восхожденія у него носомъ и ртомъ хлынула кровь, успѣшно выполнилъ задачу. Генералъ Свѣтлицкій распрашивалъ его, какъ хорошо знающаго мѣстность, о разныхъ путяхъ между Нельканомъ и Аяномъ. Но теперь старикъ на столько одряхлѣлъ умственно и физически, что бесѣда съ нимъ не дала намъ никакихъ полезныхъ указаній. Слѣпой, бездомный, прокармливающійся изъ милости у мѣстныхъ жителей, онъ не имѣетъ семьи и никогда не былъ женатъ. На вопросъ: почему? отвѣчалъ: „я худой человѣкъ и не въ состояніи былъ-бы прокормить жену и дѣтей"[1]). Другой рекомендованный намъ тунгусъ Иванъ Антоновъ, нарочно вытребованный нами съ Ватанги, также не могъ сообщить намъ ничего интереснаго, такъ какъ бывалъ только по двумъ давно извѣстнымъ переваламъ. Онъ указалъ на Василія Карамзина, кото-

[1]) *„Минъ кугаганъ кигибгинъ кыяканъ штемъ суга эте оіохпунъ огобунъ"*.

рый, кочуя съ своимъ оленьимъ стадомъ по Джугджуру, лучше чѣмъ кто либо знаетъ мѣста по этому хребту. Въ такомъ-же смыслѣ отзывались о немъ и русскіе нельканскіе обыватели. Въ настоящее время Карамзинъ кочуетъ по ту сторону Джугджура, но гдѣ его разыскивать, объ этомъ можно было узнать только въ Аянѣ, куда мы и рѣшили отправиться, чтобы ознакомиться прежде всего съ состояніемъ старой дороги.—Мѣстомъ склада нашей провизіи и прочей клади мы избрали указанный намъ опустѣлый балаганъ по р. Челасинъ, почти на половинѣ пути между Нельканомъ и Аяномъ. Со стороны людей въ этой пустынѣ не могло быть ни малѣйшей опасности, но мы предпочли закрытое помѣщеніе въ видахъ большей сахранности продуктовъ отъ медвѣдей, отъ которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сильно пострадалъ г. Баллотъ, странствовавшій здѣсь въ поискахъ за золотомъ. Онъ устроилъ складъ своей провизіи на помостѣ, укрѣпленномъ на высокихъ столбахъ. Медвѣди ухитрились расшатать столбы, помостъ обрушился и всѣ продукты или были уничтожены, или приведены въ совершенно негодное къ употребленію состояніе. Мука, сухари, сахаръ, чай, жестянки съ консервами и т. д.—ничто не осталось нетронутымъ: все было съѣдено, разсыпано, разломано и разбросано.

По дальнѣйшему плану экспедиціи В. Е. Гориновичъ, имѣя при себѣ казака и трехъ рабочихъ при двухъ лошадяхъ, долженъ былъ пройти старый путь полуинструментальной съемкой (съ цѣпью и гоніометромъ). Осипову съ однимъ рабочимъ была поручена перевозка клади на Челасинъ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи этого дѣла оба они присоединились къ партіи В. Е. Г. И. А. Сикорскій и я съ казакомъ и двумя рабочими при шести лошадяхъ отправлялись на изслѣдованія уже извѣстныхъ и розыски новыхъ перевaловъ. 26 Іюля мы переправились на лѣвый берегъ, гдѣ уже двое сутокъ наши кони стояли привязанными на выстойкѣ. Кромѣ шести нашихъ собственныхъ, купленныхъ по пути до Усть-

Маи[1]) и пригнанныхъ въ Нельканъ на 9 дней раньше нашего прибытія, мы наняли здѣсь 8 лошадей по 25 р. за все время предстоящаго путешествія. Нельканскія лошади, крупныя и жирныя, все лѣто прогулявшія въ тайгѣ на подножномъ корму, прежде чѣмъ пойти подъ вьюками, должны были подвергнуться трехъ-дневной голодовкѣ. Во всей якут. обл. выстойка коней считается обязательной; зимой передъ далекимъ путешествіемъ ихъ держатъ на привязи по пяти, шести дней, подбрасывая лишь на ночь по небольшому клочку сѣна. Къ выстойкѣ въ нѣсколько часовъ прибѣгаютъ также на ночлежной стоянкѣ, прежде чѣмъ подпустить коня къ корму. Такая система обращенія съ лошадьми объясняется отчасти характеромъ якутскаго скотоводства. Кобылицы никогда не употребляются для ѣзды. Онѣ весь вѣкъ свой проводятъ съ жеребцомъ на свободѣ. Въ прирученіи вылавливаемаго изъ табуна молодого коня къ домашнимъ работамъ наслѣдственность не имѣетъ, такимъ образомъ, почти никакого значенія. Все дѣло сводится къ одной лишь дрессировкѣ. Внѣ работы якутская лошадь поэтому чрезвычайно быстро дичаетъ. Чтобы смирить ее, сдѣлать опять возможной къ ѣздѣ, ничего не остается, какъ проморить ее нѣсколько дней голодомъ. Но этотъ пріемъ получаетъ смыслъ не только, какъ средство обузданія; онъ необходимъ и въ предупрежденіе порчи животнаго: лошадь — и въ особенности сытая, взятая въ работу безъ выстойки или безъ надлежащей выстойки подпущенная къ корму послѣ ѣзды, болѣетъ, становится слабосильной, сильно потѣетъ и быстро устаетъ. — Вьюки наши состояли изъ обычныхъ, употребляемыхъ въ якутской области для перевозки клади принадлежностей: деревянные узкіе высокіе ящики, обтянутые кожей, кожанныя сумы и переметы и большія деревянныя фляги на $2^1/_2$ пуда топленаго масла каждая. Сверхъ того, „на прикладъ“ для уравновѣшенія груза шли постели, палатки, инструменты. Все это, упакованное въ расчетъ отъ 6 до 8 п. на лошадь и увязанное ремнями, прицѣпляется на петляхъ

[1]) У якутовъ на станкахъ отъ 35 до 45 р.

къ вьючнымъ сѣдламъ, называемымъ по-якутски *хонхо́*. Потники *(бото́)*, въ родѣ русскихъ соломенныхъ матицъ, приготовляются изъ особой весьма крѣпкой, тонкой и мягкой травы *няльбяхта*[1]), растущей на кочкахъ и считающейся самымъ плохимъ кормомъ для скота.—Послѣ многочасовой и нелегкой возни съ навьючиваніемъ одичалыхъ коней мы, наконецъ, распростились съ В. Е., который уже принялся за работу, обучая своихъ сподручныхъ, какъ тянуть цѣпь, втыкать шпилки, провѣшивать и т. д.

Мы двинулись мѣшанымъ лѣсомъ по усѣянной каменьями и заросшей травой тропѣ: я и П. А., сидя на высокихъ, съ непривычки крайне неудобныхъ широкихъ якутскихъ сѣдлахъ, а наши спутники—по способу пѣшаго хожденія, ведя вьючныхъ коней на поводу. У Нелькана лѣвобережныя горы уходятъ далеко въ сторону; подъемъ на хребетъ начинается верстъ черезъ пять и тянется изломанной линіей версты четыре. Болѣе крутой спускъ по юго-восточному его склону устланъ недавно ремонтированной жердевой настилкой, которая подходитъ къ достаточно сохранившемуся мосту, проложенному черезъ узкую болотистую долину съ изливающейся по ней рѣчонкой *Малый Доннахъ*[2]). Тронувшись въ 6 час. по полудни, въ этотъ день мы сдѣлали какихъ нибудь 7—8 верстъ. Два коня никакъ не хотѣли примириться съ непріятнымъ ощущеніемъ тяжелой ноши на спинѣ; то и дѣло они принимались урусить, сбрасывали съ себя вьюки, вырывались изъ рукъ рабочихъ и смирились только тогда, когда ихъ стали тянуть, захвативъ узломъ повода за верхнюю губу. Ночь (на 28 іюля), проведенная на открытомъ воздухѣ, оставила по себѣ не добрыя воспоминанія: кажется, еще не приходилось выдерживать нападенія такой массы свирѣпыхъ комаровъ; ни тюлевая сѣтка, ни тщательная закупорка въ одѣяла не помогали. Только подъ утро разогналъ ихъ внезапно ударившій морозъ, заставившій насъ сильно продрогнуть. Вставши

---

[1]) Hordeum jubatum (?).

[2]) Лѣвый притокъ Маи.

въ 5-мъ часу, мы нашли воду въ котлѣ покрытой льдомъ въ сантиметръ толщиною.

Мѣстность къ востоку отъ рѣки Маи представляетъ постепенно подымающуюся къ Джугджуру гористую поверхность, изрѣзанную множествомъ рѣчекъ, бурно текущихъ по каменистымъ русламъ въ узкихъ болотистыхъ долинахъ. Вслѣдствіе этого дорога, или, вѣрнѣе, жалкіе остатки вьючнаго пути, проведеннаго въ началѣ 50-хъ годовъ Россійско-Американской Компаніей, пролегаетъ по непрерывно чередующимся спускамъ и подъемамъ. Нѣкоторые изъ нихъ по своей крутизнѣ крайне утомительны и нерѣдко превращены въ глубокія рытвины, тянущіяся на протяженіи цѣлыхъ верстъ. Дорога идетъ по каменистому грунту, большей частью совершенно обнаженному размывами и лишь кое гдѣ прикрытому ничтожнымъ пластомъ глинистой, изрѣдка песчаной почвы. Мосты и жердевая настилка или разрушены водой, или сгнили. Черезъ рѣчки переправляются вбродъ, а по болотамъ пришедшія въ невозможное состояніе гати обходятъ стороной. Просѣка, болѣе или менѣе уцѣлѣвшая среди крупнаго лѣса по мелколѣсью заросла на столько, что дорога сохраняется лишь въ видѣ едва замѣтной тропы. Почти въ каждой рѣчной долинѣ дѣло не обходится безъ приключеній: проваливающіяся лошади мѣстами не въ силахъ выкарабкаться изъ трясины безъ помощи людей, которымъ приходится самимъ перетаскивать на себѣ вьюки. Причины такого состоянія дороги заключаются въ полномъ пренебреженіи самыхъ элементарныхъ требованій дорожнаго искусства, а также въ матерьялѣ, каковымъ вездѣ при ея построеніи служило дерево, вмѣсто по всюду имѣющагося въ изобиліи камня. Вотъ почему и ремонтировочныя работы (брошенныя на 11-й верстѣ отъ Нелькана[1]), произведенныя всего четыре года тому назадъ на средства якутскаго купечества, оказались безполезными: два вновь построенные моста подняты водой и цѣликомъ снесены въ сторону, а бревна настилокъ, не очищенныя

[1]) И на 6-й отъ Аяна.

отъ корья, уже начинаютъ гнить и проваливаются подъ ногами коней. Единственнымъ, обѣщающимъ долговѣчную прочность, памятникомъ этихъ работъ остается прибитая къ лиственницѣ [1]) доска въ выжженной на ней краснорѣчивой надписью, которую не лишнее будетъ здѣсь привести: „Прійдите странствующіе и блуждающіе къ сей пути и найдете себѣ спасеніе. Сія путь не мало приняла нашего человѣческаго труда, и печально мѣсто отягощало насъ своею тяжелой, сырой и пасмурной погодой. Не знали и не радовались къ приходящимъ великимъ праздникамъ, только и радовалъ насъ вечерній звонокъ колокола, который придавалъ намъ радость и отдыхъ въ ночной тиши. Сей вечеръ дожидали съ отрадой, какъ приходу великому празднику, 1890 года. Сентября 1 дня“ [2]).

Обрывки веревокъ, китайскіе плетеные камышевые ящики, оленьи рога, обломки нартъ—все это свидѣтельствуетъ, что мы идемъ по чайной дорогѣ. Время отъ времени попадаются остовы урасъ, состоящіе изъ конусообразно установленныхъ жердей; около нихъ на сучьяхъ деревьевъ навѣшены цѣльныя и полуизломанныя нарты. Подобное мѣсто означаетъ, что съ этого пункта санный путь прекращался, чайный грузъ поэтому подвергался переупаковкѣ для дальнѣйшаго слѣдованія вьючнымъ способомъ частью на оленяхъ (по $2—2^1/_2$ пуда), частью на лошадяхъ (по 6 пудовъ).

Въ тайгѣ господствуютъ хвойные виды: преимущественно лиственница, затѣмъ ель—въ низкихъ мокрыхъ мѣстахъ, сосна на вершинахъ холмовъ и изрѣдка стелющійся кедровникъ [3]) съ мелкими созрѣвающими уже шишками. Попадается также крупный, толстоствольный можжевельникъ [4]), хвою котораго инородцы подмѣшиваютъ для аромата къ курительному табаку. Изъ листвен-

[1]) У дороги, почти на серединѣ длины накатника черезъ долину р. Доннахъ.

[2]) Работы производились подъ наблюденіемъ мѣщанина г. Якутска Охлопкова два года, съ мая по октябрь включительно. Первый годъ работало 60 чел., второй—140. Большинство состояло изъ амгинскихъ крестьянъ и якутовъ. Изъ 29 ссыльныхъ 1 умеръ, и остальные разбѣжались. (Разспросныя свѣдѣнія).

[3]) Балбыкта по-якутски (pinus pumila).

[4]) Кытынъ-отъ по-якутски (Iuniperus communis).

ныхъ деревьевъ часто встрѣчается ольха, осина, тополь, рябина и тонкая низкорослая береза. Благодаря каменистому грунту съ глинистымъ или суглинистымъ надслоемъ всего въ четверть и не болѣе двухъ толщиной, корни обыкновенно распространяются горизонтально, охватывая своимъ полуобнаженнымъ переплетомъ огромное пространство вокругъ основанія ствола. Не обладая, вслѣдствіе этого крѣпкой устойчивостью, дерево легко валится бурей, и мы постоянно натыкаемся на вырванныя съ корнемъ массивныя лѣсины, загораживающія намъ путь. Иногда господствующая надъ окрестностью вершина холма вся усѣяна павшими деревьями, и вывороченныя саженей до двухъ въ діаметрѣ сѣтки корней не оставляютъ никакого сомнѣнія о причинѣ такого опустошенія. Изъ ягодныхъ растеній, кромѣ всюду зеленѣющей, съ еще несозрѣвшими ягодами, обыкновенной брусники, бросается въ глаза красная ягода вороньей брусники (*турахъ-улахъ-отону*[1]), голубица (*сугунъ*) и изрѣдка княженика (*кись-тингилеге*—что значитъ *соболья пятка*). Но характернымъ растеніемъ является мохъ многоволосникъ; онъ устилаетъ на четверть и болѣе толстымъ ковромъ не только низины, но и склоны холмовъ, препятствуя испаренію почвенной влаги и способствуя тѣмъ образованію топей и мокрыхъ мѣстъ. Животный міръ почти не подаетъ никакихъ признаковъ жизни. Пернатыя удалились въ чащу для вывода птенцовъ и линянія, четвероногія распугиваются звономъ колокольцовъ и шаркунцовъ нашихъ коней. И если случится за цѣлый день услышать звукъ птицы или быстро взбѣгающаго по лѣсинѣ бурундука, мы всѣ обращаемъ на это вниманіе, какъ на нѣчто необычное. Однако, край этотъ не даромъ слыветъ медвѣжьимъ царствомъ; свѣжіе слѣды звѣря попадаются постоянно: то калъ, состоящій исключительно изъ кедровыхъ орѣховъ и голубицы, то отпечатки ногъ, чрезвычайно похожіе на человѣческую ступню, то разрытая муравьиная куча.

29-го іюля мы болѣе или менѣе счастливо перебрались черезъ

[1]) Arcotostaphylos alpina.

Маильскую тундру. Говорю „счастливо“ потому, что проѣзжавшій здѣсь недѣли за двѣ ранѣе насъ одинъ нельканскій житель потерялъ на ней свою лошадь. Стараясь выкарабкаться изъ трясины съ вьюкомъ на спинѣ, она сломала себѣ позвоночникъ, и теперь валяются лишь ея кости, обглоданныя и разбросанныя медвѣдями. Это самое „гиблое“ мѣсто по своей топкости и значительному разстоянію (1 вер. и 50 саж.). Обойти его негдѣ: широкая долина, которую необходимо пересѣчь, представляетъ сплошной бадаронъ, поросшій мелколѣсьемъ и замаскированный мхомъ. Нѣкогда здѣсь былъ проложенъ накатникъ, нынѣ сгнившій и разметанный разливами. Мы разбрелись въ разныя стороны, разыскивая, каждый въ отдѣльности, сколько нибудь возможные проходы. Гуськомъ итти по бадарону хуже. Тамъ, гдѣ передовой конь кое какъ проскочитъ по цѣлинѣ, задній по тому же слѣду обязательно провалится. Мы съ Н. А. ушли впередъ, конечно, пѣшкомъ, послѣдній — ведя своего верхового коня на поводу, а я — отпустивъ своего на свободу. Этотъ конь, скоро привыкшій ко мнѣ и слѣдовавшій за мной, какъ собака[1]), отличался замѣчательной способностью выбирать удобопроходимыя мѣста по болотамъ, но и онъ то и дѣло тонулъ по брюхо въ трясинѣ, изъ которой выбирался лишь послѣ отчаянныхъ порывистыхъ усилій. Вымокшіе и выбившіеся изъ силъ, мы дотащились до *Маган*. Мелкая, немного выше колѣнъ, рѣчка, всего саж. 5—6 ширины, шумно бурлитъ по валунамъ, устилающимъ ея дно. Перешедши ее вбродъ — что я сдѣлалъ, держась за хвостъ своего коня, чтобы не быть сбитымъ съ ногъ быстриной, снова попали въ бадаронъ, по которому, послѣ многократныхъ проваловъ и прыжковъ съ кочки на кочку, достигли, наконецъ, суши. Снявъ переметы и разсѣдлавъ измученныхъ коней, спѣшимъ развести костеръ и обсушиться. Но

[1]) Тѣмъ не менѣе онъ неизмѣнно старается укусить меня, когда я стягиваю его брюхо подпругой или закладываю ногу въ стремя, чтобы вскочить на сѣдло. Эта скверная манера у якутской верховой лошади встрѣчается очень часто.

отставшіе рабочіе что то долго не показываются. Отправляемся узнать, что съ ними; встрѣчаемъ обливающагося потомъ, раскраснѣвшагося казака Жиркова съ ящикомъ на спинѣ. Оказалось, что вьючныя лошади правалились такъ глубоко, что не въ состояніи вытащить на себѣ вьюковъ; нужно было поснимать съ нихъ кладь и по частямъ переносить ее черезъ бадаронъ на рукахъ. Три часа длилась эта исторія, и только подъ вечеръ мы могли приняться за пищу и успокоить такимъ образомъ, какъ выражаются якуты, давно *говорившее брюхо*[1]). Починивъ лопнувшія подпруги и порвавшіеся повода, рабочіе легко забыли всѣ злоключенія и со смѣхомъ вспоминали за чаемъ критическія положенія, въ которыя каждому изъ нихъ не разъ довелось попадать. Этотъ отвратительный („кусагонъ“) Маиль нѣсколько сѣвернѣе сливаетcя съ *Хатынахъ-Маилемъ*[2]) и подъ общимъ именемъ впадаетъ съ лѣвой стороны въ Челасинъ. Переваливъ черезъ ихъ водораздѣлъ, подходимъ къ высокой лысой горѣ, за которой сближаются вершины Маиля и *Игникана*. Первый пошелъ на С. В., второй — на С. С. З., чтобы соединиться съ Маей.

Мы проходимъ не болѣе 25—27 верстъ въ день. Останавливаемся на ночлегъ то еще до заката солнца, то уже въ темнотѣ, смотря потому, гдѣ встрѣтимъ подходящее кормовище и воду. При плохой травѣ отпускаемыя на волю лошади уходятъ далеко въ поискахъ за хорошимъ кормомъ, и на утро приходится терять много времени на ихъ розыски.

30-го іюля послѣ морозной ночи мы подошли къ *Аимчану*[3]) (77 вер.), одной изъ наиболѣе значительныхъ рѣчекъ по пути, шириной саж. 25. Найдя мелкое мѣсто, мы перешли ее въ бродъ по перекату, не замочивши вьюковъ, и вступили въ аимчанскую тундру, по которой на разстояніи 250 саж. тянутся остатки разрушеннаго накатника. Благодаря сухому лѣту мы здѣсь не испы-

[1]) *Брюхо капсь* — употребляется въ смыслѣ: я голоденъ

[2]) Хатынахъ значитъ *березовый*, т. е. съ берегами, поросшими березнякомъ.

[3]) Также лѣвый притокъ Челасина.

тали никакихъ особенныхъ затрудненій и во всякомъ случаѣ гораздо меньшія, чѣмъ по инымъ ничтожнымъ рѣченкамъ, каковы, напримѣръ, пять или шесть такъ наз. *Варнаковъ* между 40-й и 50-й вв. отъ Нелькана. Перебравшись черезъ бадаронъ по толстому слою краснаго и желтаго мха, а мѣстами по густой мелкорослой заросли ерника, подымаемся на холмъ, съ вершины котораго изъ-за зеленыхъ челасинскихъ горъ передъ нами показались сѣрыя мрачныя громады Джугджура. Это уже настоящія горы съ общимъ видомъ, напоминающимъ дикія мѣста Швейцаріи. Отсюда спускъ ведетъ въ широкую (около 2-хъ в.) долину Челасина, гдѣ на 104 в., не доходя версты $1^1/_2$ самой рѣки, мы покидаемъ такъ наз. казенную дорогу, направляющуюся на перерѣзъ рѣки и сворачиваемъ вверхъ ея теченія на югъ. Это путь къ *Быранджійскому* перевалу, по которому уже лѣтъ 15 какъ совершается передвиженіе всѣхъ чайныхъ грузовъ. Здѣсь болѣе явственные слѣды ѣзды, чѣмъ по казенному совершенно заросшему пути. Чтобы задняя партія не сбилась съ своего направленія, мы ставимъ на поворотѣ крестъ съ пояснительной запиской для В. Е., вложивъ ее въ конвертъ изъ бересты. Пройдя около одной версты вглубь тайги, мы нашли два балагана, построенные срубомъ; одинъ изъ нихъ съ уцѣлѣвшими дверями и потолкомъ былъ избранъ нами для склада провизіи, о чемъ Осиповъ долженъ былъ узнать по надписи на свѣжемъ затесѣ лѣсины. По барометрическимъ даннымъ приблизительная абсолютная высота настоящаго пункта 525 метр. Далѣе за этими балаганами всякіе признаки дороги исчезаютъ, такъ какъ зимой ѣздятъ по льду Челасина. По его берегамъ и по островамъ между протоками появляется высокій массивный душистый тополь, какой до сихъ поръ по пройденнымъ рѣчкамъ не встрѣчался. Лиственница и ель становятся замѣтно крупнѣе, но послѣдняя часто обезображена увѣшивающимъ ее сверху до низу блѣдно-зеленымъ паклевиднымъ лишайникомъ, отъ котораго дерево погибаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ засы-

хаетъ, чернѣя, и самъ паразитъ. Встрѣчавшіяся и раньше на лиственницѣ выпяченія ствола въ формѣ бородавки[1]) достигаютъ здѣсь болѣе аршина въ діаметрѣ. Вывороченные корни павшихъ лѣсинъ обнаруживаютъ грунтъ изъ довольно обточенной и, слѣдовательно, наносной гальки, покрытой четверти на двѣ сначала глиной, а сверху растительнымъ перегноемъ. По склонамъ холмовъ желтѣютъ пятна до сихъ поръ рѣдко попадавшагося ягеля. Мы переходимъ на правый берегъ рѣки и приближаемся къ новому, хорошо отстроенному, крытому тесомъ русскому дому, видъ котораго, замелькавшій изъ-за деревьевъ въ этой глухой тайгѣ, производитъ впечатлѣніе чего то волшебнаго, вызывая въ памяти обрывки какихъ то слышанныхъ въ дѣтствѣ сказокъ. Онъ принадлежитъ якуту багаянтайскаго улуса *Токую*, простому рабочему въ Аянѣ при Р. А. К., разбогатѣвшему потомъ на перевозкѣ чаевъ. Домъ запертъ, окна заколочены досками; хозяинъ живетъ въ немъ только зимой, а лѣтомъ кочуетъ съ своими оленями по приморскимъ склонамъ Джугджура. Рѣка бурлитъ здѣсь съ шумомъ, далеко еще привлекавшимъ наше вниманіе. На половину обсохшее русло, саж. въ 50 ширины, усѣяно массой огромныхъ лѣсинъ — вещественныя доказательства ея разрушительной дѣятельности въ пору разлива. Отъ дома Токуя проторенная оленья тропа идетъ вглубь тайги, подымаясь по склону горы по мокрой, засоренной валежникомъ почвѣ. На ночлежномъ привалѣ (31-го іюля) вер. въ 7 отъ д. Токуя, посреди небольшой лужайки, окруженной непроглядной стѣной высокихъ темныхъ елей, я взобрался на сосѣднюю сопку. Гора покрыта отсыпью, кое-гдѣ заросшей жиденькимъ брусничникомъ. По нижнему поясу склона валяются обгорѣлые змѣевидные стволы кедровника толщиной до четверти въ діаметрѣ. Дальше къ вершинѣ начинается молодая поросль этого сланника, дающая уже вполнѣ развившіяся шишки. За-

[1]) Изъ этихъ наростовъ вытачиваютъ посредствомъ изогнутаго ножа чашки („*кытыя*“ по-якутски).

остренная гребнемъ голая вершина состоитъ изъ каменныхъ глыбъ почернѣвшаго песчанника, между которыми словно нарочито вдвинута уцѣлѣвшая отъ пожарища одинокая лиственница. Передъ мною разстилалась верстъ на 25 долина Челасина. Солнце не совсѣмъ еще скрылось за противуположнымъ хребтомъ. Красивая лента долины съ темными пятнами елей по свѣтло-зеленому лиственичному фону, съ просвѣчивающими порою серебристыми полосками рѣки, вьется въ узкой ложбинѣ, окаймленной высокими, на половину почти обнаженными хребтами. Видимая для меня западная ихъ цѣпь прерывается четырьмя распадками; по одному изъ нихъ нѣсколько южнѣе моего наблюдательскаго поста врывается въ Челасинъ значительный притокъ его *Архай*. Къ С. В. перспективу замыкаютъ мрачные великаны Джугджура. Ни гдѣ никакихъ признаковъ живого существа: камень, лѣсъ, да глухой рокотъ сердитой рѣки. 7 час. 51 мин., барометръ показываетъ, при Т. 17° С., —680. Послѣдніе лучи померкли; какъ то быстро стало темнѣть. Рабочіе пугали возможностью встрѣчи съ медвѣдемъ, любителемъ кедровыхъ орѣховъ, и я поторопился спуститься внизъ. Вылетавшія изъ глубины чащи искры отъ нашего костра указывали мнѣ б. или м. прямое направленіе. Черезъ 16 минутъ скорѣе бѣга, чѣмъ быстрой ходьбы, я былъ у подошвы. Б. 691. Т. 18° С. Слѣдовательно, относительная высота этой сопки около 137 метровъ.

Проведя ночь на мягкомъ сыромъ мху, на который нужно было настлать толстый слой еловыхъ вѣтокъ, чтобы не промочить постелей, мы двинулись подъ правобережной горной цѣпью въ разсчетѣ попасть въ распадокъ Быранджы. Путаясь съ права на лѣво въ густой заросли, мѣстами прочищая себѣ путь топоромъ, спускаясь съ обрывистаго берега къ рѣкѣ и идя по скользкой галькѣ ея русла, переходя съ протоки на протоку часто по колѣни и выше въ водѣ, мы проколесили такимъ образомъ до полудня и остановились, наконецъ, въ недоумѣніи: находимся ли мы

уже на Быранджѣ или все еще на Челасинѣ. Между Петромъ и Тимофеемъ возникъ на этотъ счетъ споръ; они рѣшили взобраться на возвышенность, чтобы съ высоты обозрѣть мѣстность. Мы обратили вниманіе, что до сихъ поръ зеленая галька дна рѣки (порфиритъ, мраморъ) смѣнилась свѣтлыми цвѣтами съ преобладаніемъ розоваго; и дѣйствительно въ результатѣ рекогносцировки Петръ оказался правымъ: мы вышли въ долину Быранджы. Оба рабочіе ѣздили здѣсь только зимой съ чайными обозами русломъ рѣки, и немудрено, если лѣтомъ въ гущинѣ лѣса, черезъ который, какъ поется въ пѣснѣ, „не пройти, не проглянуть“, они не могли оріентироваться сразу. Продолжаемъ плестись черепашьимъ шагомъ то по островамъ между протоками, то, если растительность не давала прохода, прямо водой. Лошади съ чрезвычайной осторожностью ступаютъ по мокрымъ отполированнымъ камнямъ дна, а въ заросли постоянныя остановки, то для того чтобы очистить отъ вѣтвей лежащую поперегъ дороги лѣсину, то наладить зацѣпившійся о дерево и съѣхавшій на брюхо коня вьюкъ, то связать лопнувшую подпругу. Въ водѣ мелко, но—водовороты, быстрины и то и дѣло измѣняющіеся уклоны русла. Такого пути мы сдѣлали за цѣлый день не болѣе 10—12 верстъ. Рѣка, разбившаяся на нѣсколько узкихъ протокъ, течетъ въ тѣсной глубокой лощинѣ саж. 200, много—$^1/_2$ версты шириной. Древесная и травянистая растительность пріобрѣтаетъ болѣе роскошный видъ: ели въ аршинъ въ діаметрѣ, тополь и того толще; ерникъ на столько густъ, толстъ и высокъ, что пробраться сквозь него невозможно безъ топора; кусты жимолостки въ ростъ человѣка съ крупными, но горьковатыми ягодами. Изрѣдка попадающіяся лужайки поросли пышнымъ пыреемъ (*ыэгонъ* по-якут.), перемѣшаннымъ съ лиловыми цвѣтами *курумъ*—травы[1]), охотно поѣдаемой лошадьми. По склонамъ горъ, въ особенности въ падяхъ, разбросанный островками оленій мохъ становится обычной растительностью. Чѣмъ

[1]) Epilobium angustifolium.

далѣе, тѣмъ долина все болѣе съуживается. Съ стѣснившихъ рѣку голыхъ сопокъ сбѣгаетъ множество явныхъ и скрытыхъ ручьевъ, заглушающихъ своимъ шумомъ звонъ колокольцовъ и бубенчиковъ.

Мы у урасы Карамзина (2-го августа), покрытой лиственничнымъ корьемъ, гдѣ обыкновенно обозы, переваливши съ той стороны Джугджура, останавливаются для кормежки оленей. Она стоитъ на уровнѣ вчерашней сопки, слѣдовательно на разстояніи 15—17 верстъ мы поднялись приблизительно всего лишь на 65 саженъ. Высота пней деревьевъ, срубленныхъ для свободнаго проѣзда нартъ, указываетъ на глубину выпадающихъ здѣсь снѣговъ, достигающую до 2-хъ арш. У урасы раздавшаяся долина развѣтвляется на два рукава; лѣвый, кажущійся издали узкимъ ущельемъ, ведетъ на С. В. къ перевалу *Крестяхъ*; мы направляемся по юго-восточному распадку, который черезъ $1^{1}/_{2}$—2 версты съуживается до 50 и до 40 саженъ. Подымаемся русломъ рѣки то по водѣ, то по прибрежнымъ камнямъ, покрытымъ иногда багрово-краснымъ налетомъ,—видъ лишайника, который легко стирается и размѣшанный въ водѣ оставляетъ на бумагѣ красную краску. Черезъ часъ пути отъ урасы (версты $3^{1}/_{2}$) распадокъ превращается въ ложбину отъ 15-ти до 20-ти саж. Древесная растительность исчезаетъ, остается лишь кедровый сланецъ, рѣже ерникъ и еще рѣже мелкій ольховникъ, да кое-гдѣ уродливая карликовая лиственница. Рѣка становится ничтожнымъ ручьемъ, журчащимъ въ узкомъ корытообразномъ вмѣстилищѣ, образуемомъ схожденіемъ двухъ параллельныхъ горныхъ подошвъ. По крутымъ откосамъ еще ютится оазисами жалкій кедровникъ и бѣлѣютъ пятна сѣдого мха. Мѣстами въ морщинахъ залегаютъ полосы снѣга. Я прохожу по сползшей внизъ снѣжной глыбѣ длиною въ 12 саженъ. Снѣгъ слегшійся, плотный и скользкій, точно ледъ. Тутъ же, на разстояніи какого нибудь аршина въ сторону по голому камню растутъ на тонкихъ стебелькахъ бѣлые цвѣточки съ красными пестиками и тычинками. Попадается миніатюрнаго

вида обыкновенный щавель. Черезъ $3^1/2$ часа ходьбы (14—15 в.) отъ карамзинской урасы мы выходимъ изъ узкой ложбины на площадку саж. 50—80 ширины, устланную довольно толстымъ моховымъ ковромъ. Площадка замкнута гольцами и прорѣзана множествомъ переплетающихся ручейковъ, которые и служатъ истокомъ рѣчки Быранджы. Влѣво, на сѣверо-востокъ, между гольцами открывается глубокая сѣдловина; мы направляемся къ ней по топкому, мокрому мху и, поднявшись на незначительное возвышеніе, останавливаемся на верхней точкѣ перевала, приблизительная абсолютная высота которой около 956 м. Здѣсь въ груду нарочито сложенныхъ камней воткнутъ колъ, увѣшанный приношеніями путниковъ духамъ въ благодарность за благополучное восхожденіе: пучки волосъ конскаго хвоста, разноцвѣтныя тряпички, нѣсколько мѣдныхъ монетъ и одно серебряное кольцо. Было прохладно и сыро. Вокругъ насъ клубились облака, застилая видъ окружающаго ландшафта. Въ нѣсколькихъ саженяхъ ниже, у подошвы сѣдловины разстилается озеро саж. до 200 длины и отъ 50 до 80 ширины. Мрачно, дико и голо: нигдѣ никакой растительности, кромѣ жалкихъ кустиковъ кедровника, то тамъ, то сямъ пріютившихся по склонамъ скалъ. Съ обѣихъ сторонъ озеро ограждено высокими крутыми гольцами (100—150 с. высоты), подъ отсыпью которыхъ шумятъ многочисленные стекающіе въ него ручьи. Изъ противуположнаго конца озера вытекаетъ рѣчка *Нингмагичанъ*, черезъ нѣсколько саженъ спускающаяся внизъ ущельемъ, теряясь подъ огромными валунами, загромождающими его дно и образующими уступы до 2 ар. высоты. Эти то валуны, навороченные весеннимъ низверженіемъ воды съ высоты озера, дѣлаютъ лѣтній проходъ здѣсь до крайности затруднительнымъ. Попытка пройти по террассообразному выступу праваго гольца оказалась тщетной: мы наткнулись на почти отвѣсный обрывъ и должны были спуститься въ ущелье, т. е. въ русло рѣки саж. 3—5 ширины. Проходъ здѣсь на разстояніи около версты сопряженъ съ

такими мученіями для лошадей, которыя отобьютъ всякую охоту подвергать ихъ вторично такому-же испытанію. Лошадь вынуждена взбираться съ глыбы на глыбу, скользитъ, падаетъ и, наконецъ, останавливается и упорно не хочетъ двигаться дальше. Приходится пускать въ ходъ палку, при чемъ одинъ тащитъ коня на поводу, а другой напираетъ на него руками сзади. Провозившись такимъ образомъ съ каждой лошадью въ отдѣльности, при первой возможности спѣшимъ выбраться изъ этого адскаго мѣста на откосъ праваго берега, но здѣсь скоро встрѣчаемъ непроходимую заросль крупнаго кедровника; прорубить сквозь нее путь оказалось безнадежнымъ дѣломъ, и намъ ничего не остается, какъ снова вернуться въ ущелье. Стараясь обходить валуны по усѣянному болѣе мелкимъ камнемъ откосу лѣваго берега, достигаемъ наконецъ давно манившей насъ внизу зеленой площадки, поросшей березнякомъ и ольховникомъ. Здѣсь, верстахъ въ 2$^1/_2$ отъ озера и метровъ на 300 ниже его уровня мы раскинули свою палатку и провели болѣе сутокъ въ ознакомленіи съ характеромъ этого перевала и его окрестностей. Крутизна спуска съ уклонами въ разныхъ мѣстахъ въ 30° и 35° далѣе отъ нашей стоянки становится менѣе чувствительной и болѣе удобной для ходьбы. По пологимъ скатамъ замыкающихъ долину горъ среди чащи кедровника, смѣняющагося вскорѣ лиственничнымъ лѣсомъ, сдѣлана просѣка. Лошади ступаютъ по плотной мелкой дресвѣ. На 6-й верстѣ стоитъ пустой балаганъ (срубъ), извѣстный подъ названіемъ *Аркадіевой юрты*,—пунктъ, откуда можно считать начало подъема на перевалъ. Слѣды, оставленные на лѣсинахъ треніемъ полозьевъ нартъ, указываютъ на глубину выпадающаго здѣсь снѣга, доходящаго до 2$^1/_2$ аршинъ. Чѣмъ ниже спускаемся, тѣмъ роскошнѣе кормовища, но еще на 2-й верстѣ отъ вершины появляется сносная травяная растительность, а на мѣстѣ нашей стоянки лошади уже нисколько не испытывали недостатка въ травѣ. За юртой Аркадія долина съуживается; круто спускающіяся горы ограничиваютъ узкую береговую полосу саж. 25 съ одной и до

15 съ другой стороны. Но ближе къ устью долина расширяется до 1 в. Къ хвойнымъ деревьямъ въ изобиліи примѣшивается береза, тополь, осина; лѣсъ до непроходимости засоренъ валежникомъ, и мы идемъ русломъ мелководной рѣки, быстро несущейся по крупнымъ зеленымъ и краснымъ камнямъ (повидимому порфиритъ). Мѣсто сліянія Нингмагичанга съ *Альдомой* (около 240 метровъ надъ уровнемъ моря) представляетъ обширную ровную, точно искусственно вымощенную камнемъ площадь, перерѣзанную нѣсколькими бурлящими рукавами, на которые разбилось въ эту пору устье рѣки; но весной и въ началѣ лѣта эта площадь превращается въ широкое водное пространство, а зимой здѣсь большія, трудно проходимыя наледи.

Мы провели на Нангмагичангѣ еще однѣ сутки (4—5-е августа), чтобы осмотрѣть два другихъ перевала, пади которыхъ выходятъ въ его долину. Одинъ изъ нихъ на право (къ Югу) привлекъ вниманіе П. А. С—го казавшейся издали пологостью подъема. Но экскурсія, предпринятая имъ въ сопровожденіи Тимофея, показала полную негодность этого ущелья для проѣзда. Оно занято рѣчкой, падающей въ одномъ мѣстѣ совершенно вертикально съ высоты 4—5 саженъ. Благодаря возвышающимся съ обѣихъ сторонъ водопада каменнымъ стѣнамъ, обойти его нѣтъ возможности.

Другой перевалъ на лѣво, къ С. С. В. отъ Нингмагичангскаго, называемый „*Крестяхъ*“ [1]), возвышается надъ уровнемъ устья рѣки на 755 м. [2]). Хотя онъ значительно круче и выше перваго саженъ на 20, но имѣетъ нѣкоторыя свои удобства: тунгусы въ лѣтнихъ перекочевкахъ съ оленями предпочитаютъ этотъ путь, такъ какъ подъемъ здѣсь не представляетъ особенныхъ неровностей, а почва вездѣ плотная, усыпанная мелкой дресвой. Перевалъ этотъ, какъ уже упомянуто выше, ведетъ къ урасѣ Карамзина и сокра-

---

[1]) на вершинѣ его водруженъ крестъ.

[2]) Приблизительная абсол. высота 996 м.

щаетъ разстоянiе отсюда до Альдомы, сравнительно съ Быранджiйскимъ направленiемъ, почти вдвое. Сѣдловина его ограничена съ обѣихъ сторонъ гольцами; мы взобрались на западный изъ нихъ, возвышающiйся метровъ на 300 надъ уровнемъ перевала. Благодаря крупной острореберистой отсыпи, постоянно сползавшей подъ ногами, предпрiятiе оказалось чрезвычайно утомительнымъ. Камень—гранитъ съ примѣсью полевого шпата, обломки каторага въ кулакъ величиною бѣлѣютъ повсюду разбросанные по щебню. Отсыпь на поверхности покрыта какимъ-то темно сѣрымъ, почти чернымъ, налетомъ, который съ трудомъ соскабливается даже заостреннымъ ребромъ камешка[1]). Ближе къ вершинѣ явственно замѣтны убитыя тропы каменнаго барана (по якут. *чубуку*), въ чемъ не оставляютъ никакого сомнѣнiя слѣды помёта этого животнаго. Съ верхней точки вертикально обрывающагося къ долинѣ Нингмагичанга гольца открывается великолѣпный по своей мрачной дикости видъ: широкiй горизонтъ заполненъ разнообразныхъ формъ сопками съ конусовидными, куполообразными, пирамидальными и кратерообразными макушками. Вся эта сѣрая, голая гористая поверхность испещрена черными пятнами глубокихъ ложбинъ и пропастей, желтѣющими морщинами размытыхъ водой рытвинъ и кое гдѣ отливающими серебромъ снѣжными полосами. Безжизненный, угрюмый характеръ картины напоминаетъ поверхность луны, какой она представляется наблюдателю въ телескопъ. Небо прояснилось. 12 часовъ и 30 м. Барометръ—648,5. Т. 20° С. (4 августа). Подъ нами разстилается лощина Нингмагичанга, сливающаяся на востокъ съ зеленѣющей долиной Альдомы. Остатки разбитой солнцемъ армiи тучъ, спустившись внизъ, медленно ползутъ, въ видѣ клочьевъ тумана, путаясь и извиваясь въ густой поросли кедровника. Вершины противуположныхъ гольцовъ усѣяны по краямъ зубцами, которые кажутся намъ издали толпой тунгусиковъ, сбѣжавшихся поглядѣть на не-

[1]) Этотъ налетъ встрѣчался, впрочемъ, и ранѣе, какъ по нѣкоторымъ горамъ по Маѣ, лишеннымъ растительности, такъ и по пути отъ Нелькана.

виданныхъ еще пришельцевъ. Тунгусики съ изумленіемъ и тревогой глядятъ на странныхъ людей, которые карабкаются по крутизнамъ, осматриваютъ въ бинокль окрестности, измѣряютъ разстоянія, что-то рисуютъ и записываютъ. Но первая ласточка не дѣлаетъ весны, и прежде чѣмъ въ этотъ мертвецки спящій край ворвется чуждая имъ безпокойная новая жизнь, тунгусики успѣютъ дожить свой вѣкъ и подъ разрушительнымъ дѣйствіемъ вѣтра, мороза и воды разсыплются въ мелкую отсыпь.

Обратный путь, какъ и всегда въ такихъ случахъ, былъ для меня несравненно труднѣе восхожденія. Чтобы сократить разстояніе къ мѣсту нашей стоянки, мы пошли по возможности на прямикъ, выбравъ съ высоты наиболѣе удобопроходимое направленіе. Но обвалы, нагроможденія камней, крутизны спусковъ и подъемовъ оказались въ дѣйствительности далеко не столь незначительными, какъ представлялись издалека. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я иначе не могъ спуститься, какъ лежа на спинѣ, предоставивъ увлекать себя сдвигавшемуся подо мной щебню. П. А., для котораго, въ противуположность мнѣ, истинное мученіе составляетъ взбираться вверхъ, далеко опередилъ меня, а Тимофея, прыгавшаго какъ серна съ камня на камень, я давно потерялъ изъ виду. Добравшись до русла какой то рѣченки, падавшей каскадами съ уступа на уступъ, то терявшейся подъ корой затвердѣвшаго снѣга, я спустился по ней къ Нингмагичангу. Сопка, вершину которой я теперь съ сожалѣніемъ покидалъ назади себя, — высшая точка, на какой намъ довелось побывать по Джугджуру. Приблизительная высота ея надъ уровнемъ моря 1283 м.

Далѣе отъ устья Нингмагичанга мы повернули на сѣверо-западъ вверхъ по теченію Альдомы, чтобы осмотрѣть „казенный" перевалъ, но описаніе этого пути я начну съ того пункта у р. Челасина (на 104 в. отъ Нелькана), гдѣ мы свернули на Быранджу[1]).

[1]) Этимъ путемъ мы направились вторично на „казенный" перевалъ для нивеллировочныхъ работъ.

31-го іюля мы перешли вбродъ мелководное русло и нѣсколько протокъ Челасина и поднялись по сохранившемуся искусственному подъему на правый возвышенный берегъ къ развалившемуся срубу. Это бывшій станокъ. Отсюда горѣлымъ лѣсомъ просѣка идетъ слабымъ спускомъ, уклоняясь нѣсколько отъ рѣки на Ю. В. Грунтъ- обнаженный камень, мѣстами прикрытый ничтожнымъ слоемъ глины. Спускъ (на 111 вер.) ведетъ въ долину рѣчки *Кытачанъ* (правый притокъ Челасина), шириной около 1 в., топкую и заросшую густымъ мелкимъ ерникомъ, мѣсто, представляющее зимой большія наледи. Долиной этой рѣки по уцѣлѣвшей просѣкѣ среди крупнаго лиственничнаго лѣса мы незамѣтно подымаемся на Джугджуръ. Встрѣчающіеся по мокрымъ мѣстамъ накатники давно сгнили и поросли хвойнымъ молоднякомъ, талиной, жимолостью и красной смородиной. Изъ травянистыхъ растеній въ изобиліи растетъ въ низинахъ до сихъ поръ рѣдко попадавшійся кустистый щавель, по размѣрамъ листа не уступающій малороссійскому махорочному табаку[1]), а также другое растеніе, русское названіе котораго мнѣ неизвѣстно, съ огромнымъ вырѣзнымъ листомъ въ $2^1/_2$ четверти въ ширину и въ $1^1/_2$ отъ основанія до вершины. Тунгусы называютъ его по-якутски *обаагы-таннга*, что значитъ *чертовъ костыль*[2]). На 124 верстѣ вступаемъ въ такъ наз. *Бомъ-Тасъ* - тѣснина между двумя голыми скалами саж. 50 ширины. Мы находимся здѣсь на абсолютной высотѣ приблизительно на 785 м. Лѣвая (сѣверная) чрезвычайно угрюмаго вида голая гора съ кратерообразнымъ углубленіемъ покрыта осыпью; на вершинѣ ея, едва замѣтный, возвышается знаменитый Даниловъ крестъ. Правая— значительно ниже, напротивъ, представляетъ единственный встрѣченный нами случай скалы изъ плотной каменной массы. Отъ бывшаго Челасинскаго станка (20 верстъ) мы поднялись всего метровъ на 250 м. Здѣсь на разстояніи 135 саж. дорога идетъ

[1]) *Аахта* по-якут., употребляется инородцами, какъ приправа къ *тар'у*.
[2]) Heracleum barbatum?

частью по огромнымъ каменнымъ глыбамъ, искусственно выровненная мелкимъ щебнемъ, частью по естественно гладкому плитняку. Эти глыбы твердаго кристаллическаго сланца грязнозеленаго цвѣта съ бурыми прожилками [1]) разбросаны по сторонамъ и нагромождены въ такомъ видѣ, какъ будто бы свалилась и разбилась при своемъ паденіи верхушка южной скалы. Изъ подъ камней въ глубокомъ руслѣ вырывается рѣченка Кынгачангъ, разрушившая и разметавшая бревна проложеннаго нѣкогда черезъ нее моста. Въ этомъ узкомъ проходѣ богатая доселѣ растительность вдругъ совершенно исчезаетъ. Лишь нѣсколько одинокихъ кустовъ кедровника ухитрились какъ то пріютиться въ расщелинахъ валяющихся обломковъ скалы. Затѣмъ начинается мшистая болотистая почва съ небольшими, но глубокими и прозрачными, какъ хрусталь, озерками, и сразу же появляется настоящій лиственный лѣсъ. Слѣды размытой водой дороги остаются лишь кое-гдѣ въ видѣ просѣки. Рѣка скрывается подъ камнями, изрѣдка пробиваясь наружу журчащимъ ручейкомъ. Но сухое теперь русло ея вмѣстѣ съ протоками раздвинулось почти во всю ширину узкой долины (отъ 40 до 60 саж.). Изрытые берега и раскиданные стволы деревьевъ — ясные знаки ея разрушительной весенней работы. Сколько нибудь замѣтнымъ подъемъ становится близъ Бомъ-Тас'а (122—124 в.), затѣмъ уклонъ его ослабѣваетъ и дѣлается чувствительнымъ (0,2 метра но сажень) лишь версты за $1^1/_2$ до перевала. Здѣсь уже крупная растительность уступаетъ полное господство кедровнику, отчасти ернику. За $^1/_2$ версты и эта кустарниковая поросль рѣдѣетъ, принимая жалкія карликовыя формы. Вершина перевала (130-я в.) представляетъ голую, кое-гдѣ поросшую жиденькимъ мохомъ площадку. Длина ея между двумя на 100 и на 120 саж. возвышающимися гольцами отъ 30 до 40 саженъ при почти такой же ширинѣ. Площадка обрывается крутизной съ уклономъ въ 40°—50°. По ея скату примостился сердцевиднаго очертанія

[1]) Образцы доставлены въ якутскій музей.

ледникъ въ 17 саж. длины. изъ-подъ котораго невидимо, подъ камнями, съ шумомъ стремится внизъ рѣчка *Альдома*[1]). Высота наиболѣе крутой части спуска 90—95[2]) саж. при длинѣ наклонной линіи по прямому направленію въ 250 саж. Уголъ наклоненія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превышаетъ 40°, такъ что въ общемъ горизонтальное проложеніе = 185 саж. По высотѣ (приблизительно 990 м.) этотъ перевалъ нѣсколько ниже крестях'скаго. Зимою спускъ отъ наносимаго сверху снѣга становится почти отвѣснымъ, а по краю сѣдловины наметается на сажень и болѣе выступающій впередъ снѣжный навѣсъ. Въ нѣсколькихъ саж. отъ истоковъ рѣки по сторонамъ уже появляется растительность, превращающаяся вскорѣ въ непроходимую заросль кедроваго сланца, затѣмъ такой-же гущины ерника и ольховника. Долина вначалѣ до 30 с. ширины. Съ правой стороны, возвышаясь надъ ея уравнемъ саж. 20—25, открывается обширная терраса, окаймленная полукругомъ высокихъ гольцовъ, придающимъ ей видъ огромнаго амфитеатра. То съуживаясь, то расширяясь, лощина доходитъ на 3-й верстѣ отъ перевала до другого, *Альдомскаго Бомъ-Тас*'а, гдѣ горы стиснули ее до 6 саж. Тутъ она вся занята почти обсохшимъ русломъ рѣки. Отсюда уже начинается лѣсъ: хвоя, береза, ольха, а еще ниже тополь, но недурная трава начинаетъ рости не далѣе версты отъ перевала. Горы саж. въ 200 и болѣе высоты, перерываясь распадками, по которымъ вливаются въ Альдому обыкновенно скрытые подъ отсыпью ручьи, продолжаютъ оставаться обнаженными, что придаетъ ландшафту обычный по Джугджуру суровый, безотрадный видъ. Начиная съ вершины, дорога извивается зигзагами узкой тропой по крутому скату лѣваго (сѣвернаго) гольца. Далѣе, спустившись въ долину, она то сохраняетъ слѣды своего существованія въ густой заросли кустарника, то исчезаетъ безъ всякихъ слѣдовъ, смытая разливами рѣки.

---

[1]) Собственно одинъ изъ ея истоковъ.

[2]) По моимъ вычисленіямъ на основаніи барометрич. показаній.

Этотъ перевалъ, получившій названіе *Казеннаго* или *Альдома-Дабанъ*[1]), давно заброшенъ. Здѣсь проѣзжаютъ лѣтомъ только нельканскіе торговцы и подрядчики, отправляясь въ Аянъ къ приходу пароходовъ для пріемки чаевъ. Зимой же по своей крутизнѣ и при постоянныхъ, свирѣпствующихъ вообще по этому хребту, жестокихъ вѣтрахъ, онъ представляетъ для чайныхъ обозовъ величайшія трудности и задержки. Когда П. А. при осмотрѣ его выразился, что „онъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ", Тимофей замѣтилъ: „послушалъ-бы я, чтобы ты сказалъ, если-бы увидѣлъ его въ пургу".

Дорога, продолжая идти долиной Альдомы, или, какъ ее называютъ въ этой части теченія, *Таалы*, болѣе чѣмъ гдѣ либо заросла кустарникомъ, размыта водой и загромождена цѣлыми баррикадами наносныхъ и повалившихся деревьевъ. Наиболѣе уцѣлѣвшей она остается по такъ называемымъ *Кычам*'амъ[2]), т. е. по террасамъ, не хитро, но все же съ нѣкоторымъ искусствомъ, сооруженнымъ по откосамъ девяти скалъ, тянущихся по лѣвому берегу бурной и стремительной здѣсь Альдомы. Слѣды ея буйнаго весенняго помѣшательства видны повсюду. Съ остервенѣніемъ кидается она то къ той, то къ другой скалѣ, отрывая куски ихъ каменистаго мяса. То выворотитъ съ корнемъ цѣлую группу аршинныхъ тополей и швырнетъ ихъ поперекъ русла, то наворотитъ кучу гальки и скачетъ черезъ эту преграду, вздымаясь бѣлою пѣной. Ширина Альдомы внизъ отъ впаденія въ нее Нингмагичанга отъ 25 до 60 саж. Длина всего ея теченія до 100 верстъ. Пройдя, или точнѣе было-бы сказать—промчавшись, верстъ 36 въ юго-восточ. направленіи и встрѣтивъ на своемъ пути преграду въ отрогахъ Уйскаго хребта, она сворачиваетъ на С. С.-В. и изливается въ охотское море въ бухту, названную ея именемъ. Побережныя ея горы съ отвѣсными боковыми обнаженіями покрыты лѣсомъ. Ве-

[1]) *Дабанъ* (по-якут.) значитъ крутой подъемъ.

[2]) *Кычамы* террасообразный выступъ по откосу горы.

леная долина. отъ устья Нингмагичанга шириной отъ 250 с. до одной в., съ высоты *кычамъ* выглядитъ веселой и радостной.

Альдома—самая широкая и наименѣе удобопроходимая рѣчка на всемъ пути. Ее приходится пересѣкать два раза, и благодаря незначительной ширинѣ ея долины и многочисленности изливающихся въ нее горныхъ потоковъ и рѣченокъ, достаточно двухъ трехъ дождливыхъ дней, чтобы уровень воды въ ней поднялся до полной невозможности перейти ее вбродъ. Въ такихъ случаяхъ путникамъ ничего не остается, какъ расположиться на берегу и выжидать спада воды. Зимой она покрывается огромными наледями саж. до 2-хъ и до 3-хъ глубины, которыя образуются вслѣдствіе незамерзанія быстротечныхъ горныхъ потоковъ, покрывающихъ водой рѣку поверхъ ея ледяного покрова. Между урочищемъ *Едреево* (въ 4 в. ниже устья Нингмагичанга) и устьемъ Одору, гдѣ долина сжимается высокими крутыми горами до 200 с. ширины, наледи затопляютъ все русло отъ одного берега до другого. Древесная растительность таже, что и по ту сторону перевала, но чаще попадаются болѣе крупные экземпляры ели, тополя. лиственницы. Обращаетъ на себя вниманіе разновидность послѣдней—не болѣе 6 верш. въ діаметрѣ, чрезвычайно стройная и высокая, съ гладкимъ голымъ стволомъ, увѣнчаннымъ шапкой зелени. почти-что у самой вершины. Лѣсъ изъ этой хвойной пальмы получаетъ своеобразный, не свойственный сибирской тайгѣ, характеръ. Въ немъ чувствуешь себя точно среди колоннадъ готическаго собора: полумракъ, тишина, отсутствіе всякихъ звуковъ живого существа. и слышно лишь шипѣнье сердитой Альдомы, напоминающее гудѣнье разбитаго органа.

У бывшаго Альдомскаго станка (39-я вер. отъ Аяна) дорога пересѣкаетъ рѣку и идетъ вверхъ по рѣчкѣ *Малый Кенгй*, постепенно подымаясь по ея долинѣ на *Уйскій хребетъ*—отрогъ Джугджура, направляющійся съ Ю. З. на С. С. В. Чѣмъ ближе къ вершинѣ перевала, тѣмъ почва становится болѣе болотистой и

топкой, растительность мельчаетъ и рѣдѣетъ, постепенно, какъ и на Джугджурѣ, вытѣсняясь кедровникомъ и мелкимъ ерникомъ. Рѣка превращается въ сѣть ручейковъ, изрѣзывающихъ въ разныхъ направленіяхъ прикрытую толстымъ слоемъ мха каменистую почву. Склонъ Уйскаго хребта въ сторону моря довольно крутой, въ миніатюрѣ напоминающій своимъ характеромъ „Казенный“ перевалъ. Спускъ представляетъ ложбину саж. 35 ширины, ограниченную по бокамъ невысокими возвышенностями (обломки сѣраго гранита). Высота самой крутой части спуска около 48 саж., длина его съ изгибами около версты; приблизительное положеніе верхней точки надъ уровнемъ моря 413 м. Широкая, достаточно удобная тропа извилистой линіей тянется по скату лѣвой горы искусственными „кычамами“, уцѣлѣвшими отъ обваловъ, благодаря окаймляющей ихъ густой крупной поросли ольховника и кедроваго сланца. Уйскій перевалъ[1]) ниже „казеннаго“ черезъ Джугджуръ болѣе чѣмъ на 1/2 версты.

Спустившись внизъ, дорога идетъ по весьма топкому бадарону (саж. 100) съ многочисленными мелкими водоемами, которые даютъ начало рѣчкѣ *Уй* или одному изъ ея истоковъ. Какъ самая долина, такъ и склоны примыкающихъ къ ней холмовъ еще версты на 2, на 3 продолжаютъ носить болотистый характеръ, благодаря преобладанію мохового покрова почвы, свойственный вообще всему Уйскому перевалу. Повсюду въ изобиліи растетъ непопадавшаяся по ту сторону *морошка* съ сладкой, необычно крупной ягодой. Дорога покидаетъ долину Уя и черезъ незначительный водораздѣлъ направляется сѣвернѣе по рѣчкѣ *Нячанъ*, тихой, мѣстами даже подернутой плѣсенью и протекающей среди ядренаго лѣса высокихъ лиственницъ и елей. Пышная заросль пырея по толщинѣ стебля и ширинѣ листа походитъ скорѣе на просо, чѣмъ на простую траву. Мы переходимъ еще нѣсколько незначительныхъ рѣче-

[1]) Зимой черезъ этотъ перевалъ не ѣздятъ, предпочитая нѣсколько болѣе сѣверный по р. Инсы, сливающейся съ Мал. Кепіемъ.

нокъ или просто ручьевъ съ разрушенными мостами, съ сгнившей жердевой настилкой въ низкихъ мѣстахъ; но большей частью просѣка проложена по холмамъ, и кони легко и увѣренно ступаютъ по плотной глинистой, перемѣшанной съ дресвой, почвѣ. Спустившись съ холма, выходимъ изъ лѣсной чащи въ широкое—около версты—открытое пространство, усѣянное голымъ камнемъ, и видимъ, наконецъ, море. Мы снова, такимъ образомъ, въ долинѣ Уя не вдалекѣ отъ его устья. Аянъ расположенъ сѣвернѣе верстъ на 6, за прибережными горами, у подножья которыхъ течетъ рѣченка *Сивокчанъ.* За двѣ недѣли своихъ странствованій мы впервые встрѣтили здѣсь людей. Въ нѣсколькихъ разбросанныхъ урасахъ изъ лиственничнаго корья и ровдугъ живутъ тунгусы, занимающіеся промысломъ рыбы (кета, горбуша, кунджа). По Сивокчану, разлившемуся близъ своего впаденія въ устье Уя въ цѣлое озеро, пасется пригнанный изъ Якутска рогатый скотъ. Повернувъ въ лѣво (на С.), дорога пересѣкаетъ эту рѣчку и переваливаетъ далѣе черезъ двѣ горы, поросшія хотя все еще крупной, но часто кривоствольной, корявой лиственью и мелкимъ березнякомъ. Два моста, отстроенные въ 90 г., стоятъ невредимо на мѣстѣ. Со второй горы спускъ ведетъ къ самому морю въ узкую береговую полосу бухты; къ С. С. В. передъ нами Аянъ рукой подать, но подойти къ нему берегомъ невозможно: путь загражденъ небольшою вдающейся въ море, отвѣсной скалой, подъ которой проходятъ только въ малую воду и то въ отливъ. Чтобы обойти эту скалу, мы пошли обычной дорогой, черезъ устье рѣченки *Аянки* и, переваливъ третью высокую гору, восточнымъ склономъ ея спустились въ падь, въ которой расположенъ Аянъ. (10 авг.).

Итакъ, мы побывали на трехъ извѣстныхъ перевалахъ; здѣсь я нахожу своевременнымъ сдѣлать общую характеристику Джугджура и способа передвиженія чрезъ этотъ хребетъ чайныхъ обозовъ. Джугджуромъ называется та часть главной оси Становего хребта, гдѣ онъ наиболѣе приближается къ восточной окраинѣ

Азіатскаго материка, т. е. у Охотскаго моря. Близко подступая къ морскому берегу, Джугджуръ спускается къ В. обрывисто; этотъ скатъ его слишкомъ коротокъ, благодаря чему и берущія отсюда начало рѣки не значительны по длинѣ, но отличаются бурнымъ и стремительнымъ теченіемъ. Далеко растянувшійся западный склонъ, напротивъ, пологъ, уступая уклономъ спуска нѣкоторымъ изъ своихъ предгорныхъ кряжей между Челасиномъ и Маей. Онъ не представляетъ ни особенной высоты—въ общемъ едва ли болѣе полутора верстъ надъ уровнемъ моря[1])—ни какихъ либо чрезвычайныхъ трудностей для проложенія черезъ него пути. Это не Кавказскій хребетъ и не Швейцарскіе Альпы. И тѣмъ не менѣе слава о трудной проходимости Джугджура далеко не пустая молва. Но она основана не столько на неудобствахъ его рельефа, сколько на метеорологическихъ свойствахъ прибрежной полосы азіатскаго метерика. Характеристика его съ этой стороны, данная Миддендорфомъ, вполнѣ подтверждается какъ разспросами мѣстныхъ жителей, такъ и нашими, правда, кратковременными наблюденіями. „Лѣтніе муссоны, дующіе съ моря, чрезвычайно насыщены водяными парами; всѣ предметы покрываются плѣсенью подъ вліяніемъ постоянныхъ тумановъ. Въ періодъ господства этихъ вѣтровъ берега Охотскаго моря всегда окутаны облаками, которыя безпрестанно разряжаются дождемъ и снова сбираются массами". Зимнее же движеніе воздушныхъ токовъ совершается здѣсь съ сентября по апрѣль съ сѣверо-запада, т. е. отъ Ледовитаго океана къ Тихому. Направляясь отъ пояса высокаго барометрическаго давленія къ поясу низкаго, эти токи принимаютъ характеръ яростныхъ вѣтровъ, несущихся съ вершинъ хребта въ разстилающуюся внизу долину. Въ снѣжную бурю или пургу „люди и вьючныя животныя тщетно пытаются по цѣлымъ днямъ взобраться по скату горъ противъ свирѣпаго вѣтра: путники и лошади опрокидываются,

[1]) Не принимая во вниманіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его вершинъ, какъ, напр., Мохоту—Хаята, подымающуюся, вѣроятно, болѣе чѣмъ на 2 вер.

вьюки срываются и скатываются въ пропасть“. Характернымъ свойствомъ здѣшняго вѣтра является его порывистость. То онъ стихнетъ на нѣкоторое время, порождая увѣренность въ наступленіи благопріятной погоды, то вдругъ неожиданно налетитъ шкваломъ, отъ котораго нельзя устоять на ногахъ, какъ это мы испытали на себѣ. Въ теченіе двухъ недѣль нашихъ нивеллировочныхъ работъ на хребтѣ (съ 31 авг. по 15 сент.) вѣтеръ бушевалъ, не прекращаясь. Онъ валилъ насъ на землю, рвалъ нашу палатку, а при астролябіи нужно было держать спеціально одного человѣка, а иногда и двухъ, чтобы удерживать инструментъ отъ паденія. Но, по утвержденію тунгусовъ и мѣстныхъ русскихъ людей, этотъ вѣтеръ—пустяки въ сравненіи съ зимними пургами. Обозы изъ ста и болѣе нартъ обыкновенно начинаютъ отправлятся изъ Аяна въ въ концѣ октября или въ началѣ ноября, смотря по снѣгу, и въ лучшемъ случаѣ достигаютъ Нелькана въ 20 дней. Но сплошь и рядомъ этотъ путь въ 200 верстъ совершается въ мѣсяцъ, а бывали примѣры—и въ полтора. Добравшись съ большими проволочками и затрудненіями, вслѣдствіе широкихъ и глубокихъ наледей по Альдомѣ, до юрты Аркадія, возчики располагаются выжидать, пока Джугджуръ не соблаговолитъ пропустить ихъ на ту сторону. Они сидятъ здѣсь не рѣдко по цѣлымъ недѣлямъ, а извѣстенъ случай выжиданія въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Проскочивъ перевалъ, что не всегда удается всѣмъ нартамъ сразу, и достигнувъ устья ложбины перевала Крестяхъ, гдѣ стоитъ зимняя ураса Карамзина, обозъ уже находится внѣ господства свирѣпыхъ вѣтровъ. Отсюда 105 верстъ до Нелькана проходятъ въ 4 или 5 дней. Надо, впрочемъ, сказать, что нѣкоторая доля этой невѣроятной медлительности движенія должна быть отнесена на счетъ неторопливости самихъ возчиковъ, а также на счетъ свойствъ перевозочнаго животнаго, т. е. оленей. На каждой стоянкѣ олени, отпускаемые на свободу, въ поискахъ за кормомъ разбредаются во всѣ стороны; сгонять ихъ въ одну кучу, вылавливать каждаго

арканомъ и искать всякій разъ потерявшихся—это возня, отнимающая не мало времени. Подрядчикъ Василій Карамзинъ, самъ сопровождающій свои обозы, мѣняя по пути усталыхъ оленей на свѣжихъ, успѣваетъ сдѣлать въ теченіе зимы три оборота, тогда какъ другіе, менѣе расторопные или предоставляющіе обозы на попеченіе бѣдняковъ возчиковъ,—не болѣе двухъ. Пара оленей везетъ три мѣста, т. е. около 15 пудовъ. На каждыя четыре или пять нартъ полагается одинъ ямщикъ, получающій въ проѣздъ туда и обратно на хозяйскихъ харчахъ 20 р. Семейные отправляются въ путь со всей семьей; дѣти сидятъ на нартахъ, жены большую часть дороги идутъ пѣшкомъ. Доставивъ кладь въ Нельканъ и проживъ здѣсь отъ 3 до 5 дней, ямщики отводятъ оленей на устье Быранджы, гдѣ крайне исхудалыя животныя остаются на кормовищахъ дней 10, а люди въ это время занимаются починкой изломавшихся нартъ и заготовленіемъ новыхъ, такъ какъ около Аяна годной для этого березы нѣтъ. Такимъ образомъ, при благопріятныхъ условіяхъ обозъ достигаетъ Нелькана и возвращается въ Аянъ въ 40, въ 45 дней. Въ послѣдній оборотъ (въ мартѣ или апрѣлѣ) обозъ, успѣвшій перевалить черезъ Джугджуръ, далѣе часто уже застигается распутицей. Въ такихъ случаяхъ кладь подвергается соотвѣтствующей переупаковкѣ для дальнѣйшаго слѣдованія вьючнымъ способомъ на лошадяхъ, которыхъ пригоняютъ изъ Нелькана.

Ни осѣдлаго, ни кочевого населенія въ районѣ между Нельканомъ и Аяномъ нѣтъ. Малочисленные бродячіе тунгусы этого края, составляютъ три наслега:—*Мяхагырскій*, *1-й* и *2-й Эжанскіе*, избирающіе одного общаго старосту. Въ первомъ изъ нихъ оффиціально считается 182 м. (женскаго—неизвѣстно), во второмъ—243 об. пола и въ третьемъ—409 об. п. Въ дѣйствительности же эти числа должны быть сильно поубавлены. По словамъ старосты, вмѣстѣ съ которымъ мы долго странствовали и на правди-

вость показанія котораго можно положиться, въ наслегѣ *Мяхагы* 53 платежныхъ души, во 2-мъ Эжанскомъ 17 душъ, а въ 1-мъ — онъ самъ не знаетъ. Ему извѣстно только, что за послѣдніе годы до 30 человѣкъ перешло въ предѣлы Амурской области, и всего въ его наслегахъ въ настоящее время едва-ли наберется до 100 ясачныхъ душъ. Мѣста не изобилуютъ оленьими кормовищами, вслѣдствіе чего и оленеводство, по сравненію съ Охотскимъ[1]) округомъ, развито слабо. Въ названныхъ трехъ наслегахъ у старика Карамзина вмѣстѣ съ его вдовой сестрой Парасковіей насчитываютъ до 3000 головъ, у Марка Дичковскаго до 1000, у остальныхъ двухъ „богачей" отъ 300 до 500. Въ родѣ *Мяхагы* 16 семей совсѣмъ не имѣютъ скота и прокармливаются у богатыхъ родовичей, состоя при нихъ въ качествѣ челяди. Падежи на этихъ домашнихъ животныхъ бываютъ главнымъ образомъ отъ *джака*, особой болѣзни копытъ: въ мѣстѣ раздвоенія копыта появляется ранка, которая начинаетъ все больше и больше гноиться. Ноги около копыта распухаютъ, животное не можетъ ходить и, проболѣвъ дней 20, издыхаетъ. Но зная неизлѣчимость этой болѣзни, или, вѣрнѣе сказать, не зная отъ нея никакихъ средствъ, тунгусы часто убиваютъ заболѣвшаго ею оленя. Замѣчено, что тамъ, гдѣ олени дохли отъ *джака*, прибывшее даже черезъ годъ новое стадо подвергается тѣмъ же заболѣваніямъ. Быть можетъ, это объясняется сохраняющейся въ почвѣ истекающей изъ ранъ заразной жидкостью. Другая опустошающая оленьи стада болѣзнь—*татаръ* состоитъ въ томъ, что тѣло оленя начинаетъ сильно зудить: олень вѣчно чешется о деревья, отчего шерсть слазитъ, и оголенныя мѣста покрываются струпьями; но

[1]) Тамъ есть владѣльцы, насчитывающіе у себя до 10,000 головъ. Но эти богачи не берутся на перевозку чаевъ, во первыхъ, за неимѣніемъ ѣзжалыхъ оленей, а во вторыхъ, по предразсудку, въ силу котораго употребленіе оленей на это дѣло влечетъ за собой кару духовъ въ видѣ падежа стадъ.

животное умираетъ медленно, продолжая болѣть года два-три[1]). Олени въ приаянскомъ краѣ преимущественно ѣзжалые и, въ виду большого спроса на перевозочныя средства, цѣнятся очень дорого. Средняя цѣна оленя по охотскому тракту 15 р., здѣсь же 30—45 р., а есть олени, отличающіеся крѣпостью, выносливостью и быстротой бѣга, которыхъ и за 100 р. не продадутъ. По этой же причинѣ тунгусъ убьетъ оленя развѣ только въ крайнемъ случаѣ. Лѣтомъ онъ питается главнымъ образомъ рыбой и птицей, а зимой потребность въ мясной пищѣ удовлетворяетъ промысломъ на звѣря, которымъ богатъ этотъ край (сохатый, дикій олень, медвѣдь, каменный баранъ, кабарга); изъ морскихъ животныхъ—виды тюленя нерпа и ларга. Незамѣнимымъ помощникомъ при этомъ служитъ для него собака, небольшого роста, съ лисьей мордой, обыкновенно чернаго цвѣта, съ заостренными, стоячими ушами. Хорошую собаку тунгусъ и за лучшаго оленя не промѣняетъ. Для рыбнаго промысла населеніе откочевываетъ къ устьямъ мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Охотское море. Ловятся лососиные виды: *кунджа, горбуша* и главнымъ образомъ *кета*, которую заготовляютъ впрокъ въ видѣ юкалы, т. е. очищаютъ отъ костей и внутренностей, вялятъ на солнцѣ и подкапчиваютъ у костра. Соленой рыбы не любятъ; соль изъ нельканской и аянской стаекъ покупаютъ не столько для собственнаго потребленія, сколько для кормежки оленей. По обилію улова особенно славится устье *Лантара*. Но въ послѣдніе годы размножившіеся волки, опустошающіе оленьи стада, заставили тунгусовъ покинуть эту рѣку, и теперь наиболѣе многолюдный осенній промыселъ сосредоточивается у устья Альдомы.

Аянскіе тунгусы, будучи обитателями Приморской области, состоятъ въ вѣдѣніи якутской администраціи и, въ частности, числятся за

[1]) Г. Михалевичъ, перевозчикъ чаевъ Амурской К°. по охотскому тракту, съ успѣхомъ излѣчиваетъ *татара*, счищая струпья ножемъ и натирая больныя мѣста нефтью. Мало по малу оголенныя мѣста снова заростаютъ шерстью, и животное выздоравливаетъ.

Майскимъ Вѣдомствомъ. Но за отдаленностью разстоянія въ выборѣ головы они участія не принимаютъ и сношеній съ нимъ почти никакихъ не имѣютъ. До 1890 г. съ нихъ ясака давно никто не требовалъ, такъ что они успѣли уже забыть объ обязанности ежегоднаго его взноса. Въ означенномъ году засѣдатель А—въ, проѣзжая въ Аянъ, не только напомнилъ объ этомъ старостѣ, но и взыскалъ съ него,[1]) какъ съ представителя самаго многочисленнаго рода Карамзиныхъ, въ погашеніе недоимки 2600 р., предоставивъ ему самому уже расчитываться съ родовичами. Но, по наивному убѣжденію тунгусовъ, платить имъ не за что: „люди мы бѣдные, говорятъ они, отъ казны ничѣмъ не пользуемся, земли не роемъ и судить насъ никто не судитъ“. Староста хотя и не прочь возмѣстить уплаченную имъ сумму, считаетъ, однако, этотъ доводъ достаточно основательнымъ, чтобы не прижимать родовичей, и не предъявляетъ на нихъ никакихъ претензій. Онъ проситъ только, чтобы порохъ изъ аянскаго погреба выдавался тунгусамъ въ долгъ: наличныя деньги водятся лишь у немногихъ состоятельныхъ, отчего выходитъ такъ: у кого денегъ нѣтъ, тому ни ѣсть, ни платить нечего, потому что нечѣмъ стрѣлять, а нельканскій купецъ даетъ порохъ не иначе, какъ съ условіемъ сбывать всю добычу ему, что промышленнику не выгодно.

Глава V.

Аянъ.—Его мѣстоположеніе, климатъ, жители.—Портовая дѣятельность Аяна.—Тунгускій тойонъ Василій Карамзинъ.—Пляска тунгусовъ у устья Уя.—Путь къ устью р. Одору.—Стойбище Карамзина и его оленье стадо.—Перевалъ черезъ Джугджуръ по Одору—Кёллахъ.—Перевалъ Одору—Алланджа.—Путь къ истокамъ р. Челасина и далѣе къ мѣсту нашего склада.—Ходъ работъ В. Е. Горниовича.—Направленіе тележной дороги, предлагаемое Карамзинымъ.

Географическое положеніе Аяна опредѣляется 56°,28′ широты и 128°,17′ долготы. Онъ расположенъ на высотѣ 20 м.[2]) въ пади

[1]) и съ его отца, по 1300 р. съ каждаго.

[2]) По Реклю, вѣроятно, у церкви. Ближе къ морю у дома и. д. полиціймейстера по моимъ измѣреніямъ высота 10,3 м. при малой водѣ.

перешейка, соединяющаго вдающійся версты на 3 въ море узкій полуостровъ съ материкомъ. Юго-запад. берегъ полуострова почти на половинѣ своего протяженія образуетъ выступъ, называемый *Входнымъ мысомъ*, и заканчивается утесомъ, который носитъ названіе *мысъ Поворотный*. Между этими двумя точками, нѣсколько ближе къ послѣдней, изъ нѣдръ моря выдвигается *Чаячій камень*—скала въ формѣ пирамиды, вертикально отсѣченной въ сторону моря. При входѣ въ бухту есть рифъ—*Ларга-Ангра*, что значитъ ложбище тюленей; мѣстоположеніе его рѣзко обозначается вздымающейся и пѣнящейся полосой. Суда, направляющіяся съ юга, минуютъ рифъ и входятъ въ бухту подъ *Поворотнымъ* мысомъ, затѣмъ заворачиваютъ къ противуположному ея берегу, гдѣ бросаютъ якорь близъ пакгауза купца Силина. Небольшая бухта Аяна—около $1^1/_2$—2 в. длины и отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ ширины—хорошо защищена отъ сѣв.-восточныхъ вѣтровъ высокими горами полуострова, изъ коихъ господствующая вершина *Ландоръ-Неготни* подымается надъ уровнемъ моря, по опредѣленію П. А. Сикорскаго, на 225 саж.[1]). Глубина бухты, по словамъ мѣстныхъ жителей, при обыкновенной водѣ 4—$4^1/_2$ саж., при большой—6 саж.[2]). Пароходы свободно подходятъ къ берегу на 200 и на 150 саж., тогда какъ въ Охотскѣ они останавливаются не ближе 4—5 миль, въ Гижигинскѣ и Удскомъ на 14 миль отъ берега въ открытомъ рейдѣ, доступномъ всѣмъ вѣтрамъ. Бухта начинаетъ покрываться льдомъ во второй половинѣ ноября, но окончательное замерзаніе происходитъ не ранѣе первыхъ чиселъ декабря. Вотъ данныя на этотъ счетъ за три послѣдніе года:

Вскрытіе		Замерзаніе
1891 г. 5 іюня		5 декарбя
92 „ 21 мая		4 декабря
93 „ 26 мая		3 декабря[3])

[1]) П. А. Сикорскій взбирался на нее съ анероидомъ Гольдшмидта.

[2]) По запискамъ капитанъ-лейтен. Завойко при входѣ—глубина 7 саж., а въ самой бухтѣ—$2^1/_2$ саж.

[3]) По записямъ и. д. аянскаго полиційместера г. Попова.

Зимы въ Аянѣ сравнительно не холодныя: средняя температура самаго холоднаго мѣсяца —20°,9 С., за то средняя самаго теплаго всего +13°,4 С.[1]). Зимніе мѣсяцы, по заявленію обывателей, лучшее время въ Аянѣ. Лѣто слишкомъ сырое, дождливое и туманное[2]), такъ что попытки разведенія огородовъ въ открытомъ грунтѣ оканчивались неудачей. За отсутствіемъ достаточнаго тепла и вслѣдствіе избытка влажности, при постоянно облачномъ небѣ, овощи не вызрѣвали. Глубокіе снѣга, выпадающіе главнымъ образомъ въ мартѣ, апрѣлѣ и даже въ маѣ, достигаютъ болѣе 2 аршинъ. Нерѣдко снѣга сразу выпадаетъ такая масса, что сообщеніе между домами прекращается на нѣсколько дней, пока рыхлый, проваливающійся покровъ не уляжется и не уплотнится на столько, чтобы можно было ходить по нему на лыжахъ. Три или четыре года тому назадъ 21 мая замерзло трое рабочихъ. Они ушли въ лѣтней одежонкѣ на охоту за ушканами и были застигнуты повалившими вдругъ необычайной густоты крупными снѣжными хлопьями; ихъ нашли мертвыми въ какой нибудь четверти версты отъ Аяна подъ слоемъ снѣга въ 94 сант.[3]). Земля освобождается отъ своего зимняго одѣянія лишь въ половинѣ и даже въ концѣ іюня, какъ то было, напримѣръ, въ настоящемъ (1894) году.

Древесная растительность въ окрестностяхъ Аяна утрачиваетъ свою массивность: жидкія ели, увѣшанныя истощающимъ дерево паразитомъ—паклеобразнымъ лишайникомъ; искривленные стволы сучковатой лиственницы; мелкая корявая береза съ грязно-сѣраго цвѣта корой; только южный склонъ полуострова окаймленъ снизу густой бахрамой крупнаго стелющагося кедровника. Кормовыя травы, далеко уступающія пышностью кормовищамъ альдомской и нячанг-

[1]) Съ октября 1890 г. въ Аянѣ существуетъ метеорологическая станція подъ наблюденіемъ А. Ф. Попова. Въ Якутскѣ (подъ 62°,02' широты и 85 м. высоты) приведеннымъ цифрамъ соотвѣтствуютъ —40°,8 С. и +17°,4 С. (по Реклю), а въ Иркутскѣ —20,8° С. и 18,4° С.

[2]) Количество выпадающихъ дождей за три лѣтнихъ мѣс. около 1 метра, а въ Якутскѣ 25 сант. (по Реклю).

[3]) А. Ф. Поповъ.

ской долинъ. отличаются за то особенной питательностью. Исхудалый за дорогу пригоняемый изъ Якутска на убой скотъ пожираетъ ихъ съ жадностью и хорошо откармливается въ двѣ-три недѣли. Въ самой пади былъ нѣкогда искусственно разведенъ, въ настоящее время жалкій, пришедшій въ запустѣніе, скверъ; но между кустами ольховника и можевельника растетъ довольно разнообразныхъ видовъ травянистая растительность. изъ коихъ нѣкоторые не попадались намъ по пути: крапива, ромашка и другіе, а ближе къ берегу по галькѣ стелются неизвѣстные мнѣ ползучіе стебли съ толстыми, мясистыми листами, которые могли-бы служить красивымъ комнатнымъ растеніемъ. На фонѣ этого зеленаго ковра вырисовывается оригинальный, не напоминающій ничего русскаго, маленькій городокъ.

Внѣшній видъ Аяна свидѣтельствуетъ о его сравнительно еще недавнемъ благоустройствѣ. Разбросанные въ безпорядкѣ аккуратные домики съ высокими красными крышами изъ деревянной американской черепицы; стройная кокетливая церковька; на берегу прочно сложенные красивые и вмѣстительные пакгаузы; тутъ-же паровой катеръ подъ навѣсомъ, поставленный какъ памятникъ купца Филиппеуса, спасшагося на немъ послѣ крушенія какого-то судна, а рядомъ на подмосткахъ, въ полнѣйшій диссонансъ съ общей картиной, двѣ допотопныхъ россійскихъ пушки, извлеченныя изъ земли, куда ихъ заботливо зарыли въ 1856 г. въ ожиданіи непріятельскаго нападенія. При Рос.-Ам.-Ком. въ Аянѣ насчитывалось свыше 200 душъ постояннаго населенія. Въ настоящее время здѣсь живетъ: одинокій старичекъ священникъ, и. д. полиціймейстера, довѣренный торговой фирмы Вальшъ, казакъ и 10 человѣкъ рабочихъ. Всего съ семьями до 40 чел. Все это населеніе, не исключая священника и полиціймейстера, находится на иждивеніи американцевъ братьевъ Вальшъ, къ которымъ, по прекращеніи дѣятельности Р.-А.-К., перешли ея обязательства по содержанію аянскаго порта. Для обезпеченія себя въ этомъ безлюдномъ краѣ постоян-

нымъ контингентомъ рабочихъ, компанія старалась прикрѣпить ихъ къ Аяну выгодными условіями существованія. Въ этихъ видахъ семейнымъ оказывалось предпочтеніе. Женатый рабочій пользовался отдѣльнымъ помѣщеніемъ въ обширныхъ, удобно устроенныхъ казармахъ. Сверхъ жалованья, онъ получалъ полуторное, или, смотря по размѣрамъ семьи, двойное пайковое содержаніе натурою, тогда какъ холостому полагался одинъ паекъ. Тѣ-же условія въ общемъ сохраняются и понынѣ: рабочіе получаютъ отъ 10 до 20 р. въ мѣсяцъ на готовомъ довольствіи при вполнѣ достаточномъ пайкѣ въ 11 р. стоимостью (мясо, рисъ, мука, чай, соль). Помѣщаются они въ значительно уже обветшалыхъ казармахъ, но все еще, можно сказать, съ комфортомъ, которому позавидовало-бы многое множество нашихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Въ комнатахъ, расположенныхъ по обѣ стороны корридора, обстановка сразу кидается въ глаза былой уютностью и довольствомъ: мебель заграничнаго издѣлія, теперь уже полуизломанная, обои, теперь уже полинявшіе и обтрепавшіеся, японскіе часы, посуда, картины... Общая хлѣбопекарня, прачешная, баня, когда то содержимыя въ порядкѣ и чистотѣ. Большое зданіе больницы, при которой состояли врачъ и фельдшеръ, теперь стоитъ пустымъ. Помѣщеніе мастерскихъ, прекрасный колодецъ.... Все это вызванное къ жизни, созданное и устроенное подъ вліяніемъ иностранцевъ,—покинутое и опустѣлое подъ вліяніемъ нашимъ, вызываетъ досадное и обидное для россіянина горькое чувство[1]). Почти весь составъ теперешней артели полурусскаго, полуякутскаго происхожденія (тунгусъ всего одинъ). Нѣкоторые родились здѣсь и выросли. Главная ихъ работа—вы-

[1]) Пріятное впечатлѣніе производитъ школа, обязанная своимъ существованіемъ и. д. полиц. Попову, безвозмездно учительствующему въ ней 8-й годъ. Благодаря ему, молодое поколѣніе рабочихъ говоритъ по-русски, читаетъ и пишетъ. Въ 1894 г. всѣхъ учащихся было 5 мальч. и 2 дѣвочки—якутка и тунгуска. Фирма Вальшъ даетъ отъ себя помѣщеніе и отопленіе, учебными пособіями снабжаетъ жена владивостокскаго прокурора г-жа Бушуева.

грузка чаевъ, весной—уборка гавани, лѣтомъ—косьба сѣна для двухъ, трехъ коровъ и заготовка дровъ на зиму[1]).

За всѣмъ тѣмъ остается не мало времени для промысла рыбой, птицей, лѣснымъ и морскимъ звѣремъ. Въ этомъ году въ окрестностяхъ Аяна посредствомъ стрихнинной отравы и американскихъ капкановъ[2]) добыты 101 лисица. *Нерпа* (отъ 18 до 25 пуд.), *ларга* (около 10 пуд.) доставляютъ мясо и жиръ, употребляемые въ пищу, а шкура, съ серебристой съ темными пятнами шерстью, идетъ на приготовленіе сумъ, переметовъ, ремней, чрезвычайно прочныхъ и удобныхъ при далекихъ путешествіяхъ. Оба эти вида тюленя заходятъ въ бухту въ большую воду; опытный глазъ охотника издали замѣчаетъ высунувшуюся надъ водой голову животнаго и бьетъ его пулей, рѣдко дѣлая промахъ. Оригиналенъ способъ ловли и собиранія яицъ морской птицы *гары* (гагары), а также утилизація ея шкурки. Къ сѣверу отъ перешейка есть скала, возвышающаяся, какъ и Чаячій камень, изъ глубины моря въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Пологій скатъ ея со стороны материка и часть вершины покрыты мелкимъ березнякомъ, къ морю она обрывается отвѣсной стѣной, и здѣсь на выступахъ камней стаи гары кладутъ свои яйца. Тунгусъ (или аянскій рабочій) подымается на скалу, обвязываетъ себя веревкой и, прикрѣпивъ конецъ ея къ дереву, спускается внизъ по отвѣсному боку скалы. Вися, такимъ образомъ, въ воздухѣ, онъ подбираетъ яйца и кладетъ ихъ за пазуху. Въ другой рукѣ у него сѣтка въ родѣ той, какая употребляется для ловли бабочекъ, но гораздо большихъ размѣровъ. Рой гары вьется надъ самой головой охотника, издавая отчаянные крики. Тунгусъ хватаетъ птицу сѣткой, быстро сворачиваетъ ей голову и прицѣпивъ къ поясу, ловитъ другую. Нагрузивъ себя яйцами и унизавъ поясъ гарой,

[1]) Сѣно, дрова и воду таскаютъ на собакахъ. Упряжка въ 12 собакъ везетъ пудовъ 10.

[2]) У каждаго рабочаго, кромѣ хорошаго ружья, имѣется одинъ или два такихъ капкана по 2 р. штука.

онъ взбирается по веревкѣ обратно на вершину. Изъ выдѣланной шкурки этой птицы, а также изъ черной съ сизымъ отливомъ морской вороны *(урыла)* шьютъ шапки и одѣяла, окаймляя по краямъ полосой изъ золотисто-зеленыхъ утиныхъ головокъ. Подобныя издѣлія, легкія, теплыя и изящныя, можно, впрочемъ, встрѣтить и у другихъ инородцевъ Якутской области.

Разсказываютъ, что во времена Р. А. К. въ Аянѣ можно было достать какихъ угодно американскихъ и японскихъ продуктовъ и издѣлій. Теперь не то: есть лавка, но скудный товаръ ея разсчитанъ на ограниченный и неприхотливый спросъ тунгусскаго населенія. Рисъ, крупчатка[1]), дрель (простой прочный сортъ бумаж. матеріи), топоры и нѣкоторыя другія желѣзныя орудія, благодаря своей дешевизнѣ, при существованіи порто-франко, постепенно входятъ въ потребленіе инородцевъ. Но мѣстная мелочная торговля почти всецѣло въ рукахъ нельканцевъ. Значеніе Аяна въ этомъ отношеніи весьма ничтожно.

Въ теченіе почти круглаго года городокъ остается отрѣзаннымъ отъ всего міра. Съ центромъ Приморской области онъ сносится черезъ пароходъ Добров. флота, доставляющій сюда разъ въ годъ муку, соль, порохъ и свинецъ для казенного склада. Съ Якутскомъ его сношенія происходятъ чрезъ посредство нельканцевъ, отправляющихся туда съ чайными паузками по вскрытіи Маи. Кромѣ казеннаго парохода, въ концѣ августа и къ половинѣ сентября приходятъ всего два иностранныхъ парохода, зафрахтовываемые — одинъ Вальшемъ, другой Приамурской К°. — для доставки чайнаго груза. Выгрузка, затѣмъ перевозка чаевъ привлекаетъ въ Аянъ тунгусовъ, ищущихъ заработка при этомъ дѣлѣ. Городокъ оживляется на цѣлую зиму до весны, когда жизнь его снова замираетъ до осени.

Количество выгружаемыхъ въ Аянскомъ портѣ чаевъ съ каждымъ

[1]) Рисъ пудъ—3 р. 50 к.—крупчатка 1-го сорта кулекъ (1 п. 15 ф. вѣсомъ)—5 р.

годомъ возрастаетъ. По оффиціальнымъ отчетамъ и. д. полицiймейстера въ 1892 г. было выгружено 4891 мѣсто, въ 1893 г. уже 7240, а въ 1894 заказано, по устнымъ сообщеніямъ, болѣе 10,000 мѣстъ. Всѣ эти цыфры, однако, по имѣющимся у насъ частнымъ свѣдѣніямъ, ниже дѣйствительныхъ. Перевозчиками этого груза являются главнымъ образомъ три, четыре тунгуса изъ крупныхъ владѣльцевъ оленьихъ стадъ. Но у нихъ все таки не хватаетъ достаточнаго количества перевозочныхъ средствъ: имъ приходится отчасти брать ихъ „въ тѣло“ у другихъ, отчасти сдаватъ по нѣсколько мѣстъ отъ себя мелкимъ владѣльцамъ. Ограниченность оленьихъ кормовищъ не позволяетъ разсчитывать на значительное расширеніе здѣсь оленеводства. Поэтому возрастаніе подвоза чайнаго или иного груза при существующемъ бездорожьѣ встрѣтитъ затрудненіе въ недостаткѣ перевозочныхъ средствъ для дальнѣйшей его транспортировки до Нелькана. По той-же причинѣ отчасти[1]) Амур. К°. вынуждена часть своихъ чаевъ направлять въ Якутскъ по Охотскому тракту. О полной замѣнѣ оленей лошадьми въ ближайшемъ будущемъ, по крайней мѣрѣ, едва ли можетъ быть рѣчь. Для этого потребовалось бы подходящія мѣста въ тайгѣ и по болотистымъ долинамъ превратить въ сѣнокосы, о чемъ, при полной почти безлюдности этого участка, нельзя и думать. Заселеніе же пути между Нельканомъ и Аяномъ русскими крестьянами по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ не представляется осуществимымъ. Для созданія прочныхъ русскихъ поселеній необходимы благопріятныя условія для земледѣлія, а таковыхъ въ данномъ районѣ не существуетъ. Долины рѣчекъ болотисты и на продолжительное время затопляемы водой, а возвышенныя мѣста каменисты, съ недостаточной для хлѣбопашества толщиной почвы. Кромѣ того, снѣга сходятъ поздно, а въ Іюлѣ уже бываютъ заморозки. По ту сторону Джугджура къ этому надо присоединить

[1]) „отчасти“, потому что тутъ имѣетъ значеніе и возможность доставки чая въ Якутскъ зимой того-же года, а не лѣтомъ будущаго, какъ черезъ Аянъ.

частые холодные туманы. которые будутъ задерживать своевременное созрѣваніе хлѣба. Всѣ эти соображенія даютъ основаніе утверждать, что и съ проведеніемъ настоящаго тракта олень, какъ перевозочное животное, не потеряетъ своего значенія, но крайней мѣрѣ, для зимней перевозки. Наличность этихъ животныхъ, не достаточная теперь, окажется вполнѣ достаточной при улучшенномъ пути, когда вмѣсто 2-хъ, много—3-хъ оборотовъ представится возможнымъ сдѣлать ихъ 4 или 5. Это обстоятельство, въ связи съ облегченіемъ условій передвиженія, не останется безъ вліянія на удешевленіе чаевъ. Теперь провозъ мѣста до Якутска обходится въ 11 р., при чемъ большая половина этой стоимости приходится на разстояніе отъ Аяна до Нелькана (6 р. за 200 верстъ); тогда какъ по сухопутному тракту отъ Охотска до Алдана—800 верстъ—провозъ мѣста оплачивается въ 8 р., т. е. въ три раза дешевле, и этотъ путь (также на оленяхъ) проѣзжаютъ въ 17—20 дней.

Для ознакомленія съ другими перевалами, намъ необходимо было заручиться содѣйствіемъ тунгусскаго старосты Василія Карамзина. Еще въ Нельканѣ намъ указывали на него, какъ на человѣка, славящагося даже между своими бродячими родовичами знаніемъ мѣстъ по Джугджуру. Съ одной стороны, какъ крупный подрядчикъ по перевозкѣ чаевъ, онъ самъ заинтересованъ въ разысканіи болѣе удобныхъ проходовъ черезъ хребетъ, съ другой—онъ и отецъ его, какъ богатые владѣльцы оленьихъ стадъ, вынуждены для прокормленія ихъ охватывать въ своихъ перекочевкахъ большія пространства, чѣмъ мало-оленные. Намъ посчастливилось встрѣтить В. Карамзина въ Аянѣ, куда онъ отлучался отъ мѣста своего стойбища для закупки муки и риса. Это оказался весьма толковый и любознательный молодой тунгусъ, значительно опередившій культурностью своихъ собратьевъ. Мы были не мало удивлены, когда онъ явился къ намъ, въ квартиру полиціймейстера, въ черномъ

сюртукѣ и не обнаружилъ ни малѣйшаго подобострастія къ пріѣзжимъ чиновникамъ—тайонамъ, а велъ себя съ достоинствомъ, какъ гость у людей. себѣ равныхъ. Къ сожалѣнію, по-русски онъ только „мало-мало слышитъ“[1]), но не говоритъ. Объясненіе происходило черезъ переводчика[2]) на якутскомъ языкѣ, этомъ интернаціональномъ діалектѣ среди инородцевъ сѣверо-восточ. Сибири. играющемъ здѣсь роль французскаго въ Европѣ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ ему переваловъ онъ считаетъ распадокъ по сѣверному истоку рѣчки *Одору* наименѣе затруднительнымъ. Какъ перевозчикъ чаевъ, онъ не пользуется имъ только потому, что за неимѣніемъ людей не можетъ собраться произвести расчистку зарослей и построить нѣсколько зимнихъ балагановъ для остановокъ. Но когда ему случается ѣздить порожнякомъ, налегкѣ, онъ всегда предпочитаетъ этотъ путь. Наше требованіе отправиться съ нами проводникомъ внесло нѣкоторое разстройство въ его хозяйственные планы. Онъ долженъ былъ измѣнить маршрутъ своего передвиженія съ оленьимъ стадомъ и, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія, уѣхалъ впередъ, разсказавъ Тимофею, отличающемуся способностью хорошо оріентироваться въ тайгѣ и въ хребтахъ, гдѣ и какъ мы найдемъ его.

16-го августа мы покинули Аянъ, сожалѣя о невозможности дождаться прибытія парохода. Мы выѣхали днемъ раньше срока, назначеннаго Карамзинымъ, а потому, хотя еще было свѣтло, рѣшили заночевать у устья Уя, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться моремъ. Версты за 1½ отъ нашей палатки доносился къ намъ его грозный ревъ, и виднѣлись высокіе бѣлые гребни расходившихся волнъ. Надъ моремъ ясное небо, тогда какъ въ долинѣ облака ползуютъ чуть не у подошвы холмовъ, разряжаясь временами мелкимъ дождемъ. Обыкновенно, если пойдешь на берегъ, обнажившійся саж. на 2 послѣ прилива, находишь выброшен-

[1]) *Слышать* у русскихъ въ Якут. обл. употребляется въ смыслѣ *понимать*.

[2]) Каковымъ въ данномъ случаѣ былъ у насъ А. Ф. Поповъ.

ными мертвыхъ крабовъ, блестящихъ перламутромъ раковинъ, совершенно похожихъ на студень звѣздообразныхъ медузъ, красивыхъ водорослей, изъ коихъ оригиналенъ видъ въ формѣ кисти крупнаго бѣлаго винограда, и, разумѣется, прежде всего, массу морской капусты, кусты которой съ желто-бурыми полупрозрачными, точно клеенка, листами до сажени длины достигаютъ цѣлаго пуда вѣсомъ[1]). Но на этотъ разъ море ничего интереснаго не подарило намъ на прощанье. Иногда замѣтишь, что волна выкинула какой то странный предметъ, но пока добѣжишь схватить его, новый прибой слизнетъ и унесетъ съ собой обратно. Море было непривѣтливо съ нами: сердито обдавало оно насъ холодными брызгами, и неоднократно обращались мы въ бѣгство передъ налетавшимъ свирѣпымъ валомъ, изъ опасенія очутиться въ его предательскихъ объятіяхъ.

Этотъ вечеръ (16-го авг.) мы провели въ сообществѣ тунгусовъ, которыхъ я насчиталъ съ женщинами и дѣтьми человѣкъ 20. Уловъ рыбы, ради которой они сюда прикочевали, шелъ плохо. По объясненію тунгусовъ, настоящій ходъ ея съ моря начнется нѣсколько позже. У каждой семьи свой отдѣльный участокъ въ устьѣ рѣки и свои сѣти. Ловится горбуша отъ 6 до 12 ф. и рѣже—такихъ же размѣровъ кета. Пласты этой рыбы, очищенные отъ костей, развѣшены на жердяхъ у каждой урасы для вяленія на солнцѣ. Всѣ собравшіеся здѣсь тунгусы безъоленные, живутъ только рыбнымъ промысломъ, охотой на звѣря и птицу, а также заработками при выгрузкѣ чаевъ съ пароходовъ. У нѣкоторыхъ имѣются ружья американскаго издѣлія. Мы воспользовались случаемъ, чтобы поглядѣть на знаменитую ихъ пляску *ходжо*. Тунгусы—страстные охотники плясать; какъ мы слышали, удскіе въ особенности пользуются въ этомъ отношеніи большой славой. Когда они приходятъ въ Аянъ, безъ пляски, по словамъ полиціймейстера, не обходится ни одинъ вечеръ. Танцы начинаются съ

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ доставлены въ якут. музей.

наступленіемъ темноты и не взирая ни на какую погоду; днемъ никогда не пляшутъ. Дѣло обыкновенно устраивается безъ всякаго предварительнаго сговора. Стоитъ одному выйти на дворъ и громко крикнуть „ходжо"!—какъ тотчасъ-же со всѣхъ сторонъ слышится въ отвѣтъ то-же слово; съ крикомъ „ходжо"! сбѣгаются мужчины и женщины, берутся за руки и, образовавъ кругъ, начинаютъ вприпрыжку кружиться, произнося на распѣвъ извѣстныя слова. Занятъ ли тунгусъ какимъ нибудь дѣломъ, или онъ уже улегся спать, но разъ до слуха его донесся магическій кличъ, онъ схватывается и бѣжитъ къ пляшущей въ темнотѣ компаніи. Ѣздовыя собаки, которыхъ въ Аянѣ привязываютъ на ночь, подымаютъ отчаянный вой, вторя монотоннымъ выкрикамъ плясуновъ, и эта раздирающая душу музыка продолжается нерѣдко до разсвѣта, пока танцующіе не выбьются изъ силъ и окончательно не охрипнутъ. Кругъ мало по малу рѣдѣетъ: одни, обливаясь потомъ и шатаясь, точно пьяные, расходятся по домамъ; другіе въ изнеможеніи падаютъ тутъ-же на траву и засыпаютъ. И вотъ на устьѣ Уя намъ довелось самимъ наблюдать это зрѣлище, хотя не въ такомъ азартномъ видѣ, какъ разсказывали намъ въ Аянѣ. Уже было темно, когда мы вернулись съ берега моря въ свою палатку. Моросилъ мелкій, но частый дождикъ. У огромнаго костра, разведеннаго нашими рабочими, грѣлось нѣсколько тунгусовъ рыболововъ. Заранѣе подговоренный Тимофей отошелъ въ сторону и гаркнулъ вдругъ во всю глотку: „ходжо! ходжо"! Два молодыхъ парня первые кинулись къ нему на этотъ зовъ, схватились за руки и стали топтаться втроемъ, медленно кружась на одномъ мѣстѣ. Постепенно на ихъ крики сбѣжались всѣ обитатели урасъ, изъ коихъ большинство присоединилось къ пляшущимъ, образовавъ кругъ человѣкъ 12—15, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ. Танецъ происходилъ подъ хоровое выкрикиваніе слѣдующихъ словъ:

Хо́джо } значенія этихъ двухъ словъ
У-ря } я не могъ добиться[1]).

Ха́-ре (дуракъ).

Хум-ка (филинъ).

У-вай (не дуй).

Хи-ду? (гдѣ ты).

Ама-ха́й (морская утка).

Харіа́ (ель).

Всѣ слова тунгусскія, за исключеніемъ послѣдняго, взятаго изъ якутскаго яз.; третье *„харе“* хотя мнѣ назвали тунгусскимъ, но оно сильно напоминаетъ якутское *ака́ры*, имѣющее то-же значеніе— *дуракъ.* Каждое слово повторяется множество разъ, пока кто нибудь, стараясь перекричать весь хоръ, не выкрикнетъ другое, которое тотчасъ-же подхватывается остальными и т. д. Кругъ вертится, то приближаясь къ костру, то удаляясь въ темноту. Иные обнаруживаютъ особенное увлеченіе, энергично взмахивая руками вверхъ въ тактъ произносимымъ словамъ и почти присѣдая къ землѣ. Начали танецъ въ этербесахъ, но скоро обувь была снята, мужчины поскидали и верхнее платье, остались лишь въ однѣхъ рубахахъ и штанахъ, нисколько не смущаясь дождемъ. Но составъ круга часто мѣняется: одни входятъ въ цѣпь, другіе выходятъ, усаживаются у костра отдохнуть или потянуть трубку. Случалось, что танцующихъ оставалось всего двое. и эти въ концѣ концовъ опускались на мокрую траву и замолкали. Но опять кто нибудь съ вызывающимъ „ходжо“! отдѣлялся отъ костра, и пляска начиналась снова. Это длилось часа три и наконецъ порядочно таки намъ прискучило. Мы прекратили пляску, предложивъ обществу угощеніе въ видѣ чая съ хлѣбомъ и табаку. Всѣ размѣстились вокругъ костра, образовавъ живописную группу, фантастически освѣщаемую яркимъ пламенемъ. Далеко не всѣ лица представляли

[1]) Крикомъ „хо-джо“! камчадалы побуждаютъ ѣздовыхъ собакъ поворачивать на лѣво. (Гильдеръ. Въ снѣг. Сибири).

рѣзко выраженныя монгольскія черты. Большинство носило явно смѣшанный характеръ; и дѣйствительно, по опросу оказалось, что многіе изъ нихъ якутско-русско-тунгусскаго происхожденія. Нѣкоторые хотя плохо, но все же достаточно понятно, могутъ изъясняться по-русски. Обращала на себя вниманіе одна молодая женщина, весьма недурная собой, стройная, съ толстыми длинными косами, рожденная отъ русскаго отца. Въ танцахъ она не принимала участія, все время сидѣла у костра, что-то шептала, простирая руки къ небу или накрестъ складывая ихъ на груди. Можно было принять ее за молящуюся. На вопросъ, что съ ней? мнѣ отвѣчали: *„дичастъ“* - выраженіе, которое въ Сибири употребляется въ смыслѣ *сходить съ ума*. По объясненію одного тунгуса, это съ ней приключилось отъ вселившагося въ нее злого духа (обагы), съ которымъ не можетъ справиться мѣстный маленькій шаманъ, а большой живетъ слишкомъ далеко и не всегда доступенъ для бѣдныхъ людей. Послѣ чая пожилой тунгусъ спѣлъ пѣсню. Крайне несложный мотивъ ея, состоявшій изъ продолжительнаго вытягиванія по очередно двухъ нотъ, напоминалъ нѣсколько якутское пѣніе. Содержаніе пѣсни осталось для меня неизвѣстнымъ: тунгусъ говоритъ по-якутски на столько плохо, что ни Жирковъ, ни Тимофей не могли понять его передачи. Я уловилъ только не разъ повторявшееся слово *Сибики*. Этимъ именемъ называется могущественный духъ, господинъ тайги. Дабы расположить его въ свою пользу, охотникъ вѣшаетъ ему на дерево бѣличью шкурку, обглоданную кость и вообще остатки своей трапезы. Наши рабочіе переводятъ *Сибики* на якутск. языкъ словомъ *Тангара* (Богъ), а не *эрь* или *абагы*[1]) Я просилъ спѣть женщинъ, но—справедливо ли, или нѣтъ—мнѣ заявили, что женщинамъ у тунгусовъ пѣть не принято[2]).

[1]) Эрь -духъ, который можетъ быть и злымъ и добрымъ, абагы — только злой духъ, чертъ.

[2]) вѣроятно, при постороннихъ.

Черезъ два дня ходьбы почти подъ непрерывнымъ дождемъ мы были на Альдомѣ. (19 ав.) На предыдущей ночевкѣ въ долинѣ Кенія мы замѣтили двухъ собакъ, близко вертѣвшихся около нашего привала. Это были собаки Карамзина, которыхъ онъ, какъ потомъ оказалось, выслалъ съ тѣмъ, чтобы дать намъ знать о близости своего стойбища. Его собаки хорошо дрессированы, и если является надобность извѣстить кого о своемъ мѣстопребыванiи или разыскать какого нибудь кочевника, Карамзинъ отправляетъ собакъ, которыя, какъ утверждаетъ онъ, отлично исполняютъ подобныя порученiя и возвращаются съ какимъ нибудь значкомъ на шеѣ, удостовѣряющимъ, что найденъ именно тотъ, кто ему нуженъ. Онъ расчитывалъ, что и мы догадаемся привязать къ шеѣ собаки записку, такъ какъ Тимофей долженъ былъ знать, что жена его, Карамзина, умѣетъ читать и писать. Но намъ не пришло въ голову сдѣлать это; мы отправили Тимофея на его розыски по слѣдамъ убѣжавшихъ сабакъ, а сами рѣшили воспользоваться яснымъ днемъ и заняться просушкой вещей. Все было мокро: хлѣбъ, сахаръ, чай, одежда, постели.... Сумы и переметы изъ коровьей кожи для упаковки провизiи въ дальнихъ лѣтнихъ путешествiяхъ совсѣмъ не годятся: въ тайгѣ и по бадаронамъ содержимое въ нихъ легко отсырѣваетъ даже безъ дождей; въ ненастье-же кожа растягивается на столько, что сумы превращаются въ длинные болтающiеся по бокамъ мѣшки, увеличивая такимъ образомъ для коня тяжесть вьюка. Зимой, разумѣется, все равно, но въ лѣтнее время для провизiи необходимо употреблять исключительно обтянутые кожей легкiе сосновые или еловые ящики, или-же нерпичьи, покрытыя гладкой шерстью сумы, почти не пропускающiя сырости, но за то стоящiя значительно дороже.

Тимофей вернулся только на другой день. Онъ нашелъ Карамзина въ долинѣ *Одору*. Рѣчка эта впадаетъ въ Альдому съ той же правой стороны, на которой мы дневали. Пройти къ ней тѣмъ же берегомъ съ лошадьми не представлялось возможнымъ,

благодаря крутымъ откосамъ надвинувшихся къ самой водѣ скалъ. Чтобы обойти ихъ, нужно было переправиться на правый берегъ, но и тутъ оказывалось непреодолимое препятствіе: отъ дождей уровень рѣки сильно поднялся; за ночь вода, правда, спала четверти на двѣ, но все-таки, не смотря на поиски, менѣе 2-хъ аршинъ глубины у берега нигдѣ не находилось. Ничего не оставалось, какъ повернуть назадъ въ долину Малаго Кенія и искать прохода черезъ довольно крутой, хотя и не высокій (около 210 метровъ отъ подошвы) водораздѣлъ между этой рѣкой и слѣдующей за ней къ югу—*Большимъ Кеніемъ*. Версты черезъ 4 мы замѣтили сравнительно пологій подъемъ и, свернувъ на него, перевалили черезъ этотъ отрогъ Уйскаго хребта, спустившись съ большими затрудненіями по противуположному его склону, оказавшемуся значительно круче и покрытому непроходимой зарослью, потребовавшей прочистки пути топоромъ. Перешедши мелкую саж. 15 ширины быструю рѣчку, мы направились лѣвымъ ея берегомъ по необычайно пышной травяной растительности среди рѣдкаго мѣшанаго лѣса съ высокими кустами жимолости, крупныя, не виданной еще мною величины, ягоды которой соблазнительно манили къ себѣ и то и дѣло заставляли насъ соскакивать съ сѣдла. Вступивъ опять въ долину Альдомы, переходимъ вбродъ устье болѣе значительнаго ея притока *Нингаги*, берущей начало при соединеніи Уйскаго хребта съ Джугджуромъ. Хорошо проторенная по сухому плотному грунту (дресва и глина) оленья тропа довела насъ (2-го августа) черезъ нѣсколько верстъ къ распадку, по которому стремится съ джугджурскихъ высотъ Одору. Характеръ рѣчки, ея долины и окаймляющихъ ее горныхъ возвышенностей—тотъ-же, что и по другимъ, извѣстнымъ уже намъ, перевалам. Идя большей частью по голому камню съ постоянными переходами съ одной стороны рѣчки на другую, мы увидѣли, наконецъ, пробивавшійся сквозь вѣтви деревьевъ дымокъ. Это было стойбище Карамзина. Отсюда долина развѣтвляется на два рукава, которые

служатъ ложемъ двумъ главнымъ истокамъ рѣки—*Большой* и *Малой Одору* (приблизит. абсолютн. высота—320 м.). Около урасы, обтянутой американской бязью, толпилось нѣсколько десятковъ бѣлыхъ, сѣрыхъ и почти черныхъ оленей. Въ сторонѣ на лужайкѣ аккуратно въ рядъ разложены изящные маленькіе вьюки, сдѣланные изъ бересты и обшитые сохатиной или нерпичьей кожей, разукрашенные узорчатой нашивкой изъ краснаго сукна и чернаго плиса. Каждый вьюкъ покрытъ коврикомъ, составленнымъ изъ разноцвѣтныхъ мѣховъ. Развѣшенные по деревьямъ недоуздки унизаны крупнымъ синимъ и краснымъ бисеромъ и такого же цвѣта лентами. Вьючныя сумы, наполненныя рисомъ, крупчаткой, чаемъ, посудой, одеждой, въ дождь прикрываются плотными брезентами. Обстановка этого богатаго тунгуса весьма комфортабельна. Въ урасѣ саж. 2 въ діаметрѣ вокругъ небольшого слабо тлѣющаго костра помѣщается на ночь человѣкъ десять на медвѣжьихъ и оленьихъ шкурахъ. Укрываются байковыми и заячьими одѣялами, а у хозяина—сшитое изъ птичьихъ шкурокъ, съ красивой каймой изъ зеленыхъ, сизыхъ и золотистыхъ утиныхъ головокъ. Въ виду торжественнаго случая, каковымъ являлся нашъ пріѣздъ, были извлечены изъ сумъ эмалированныя чайныя чашки, тарелки, серебряныя ложки. Какъ хозяева, такъ и вся челядь разодѣлись въ праздничныя яркія платья, не національнаго, впрочемъ, а смѣшаннаго якутско-русскаго покроя. Вся эта картина въ глухой тайгѣ, окруженной дикими голыми скалами, производила впечатлѣніе искусственности, казалась, гораздо болѣе умѣстной на театральныхъ подмосткахъ, чѣмъ въ натурѣ. Глядя на это красивое довольство и даже роскошь, нельзя было не вспомнить картину противуположнаго характера—семью и хозяйство Уйбана Иранаса. И здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, пришлось подосадовать на отсутствіе у насъ фотографическаго аппарата. Не смотря на значительную уже культурность этой семьи, въ теченіе лѣта она ведетъ такой же бродячій образъ жизни, какъ и всякій другой оленеводъ.

Зимой же, когда самъ Карамзинъ занятъ перевозкой чаевъ изъ Аяна въ Нельканъ, семья его живетъ въ недавно отстроенномъ русскомъ домѣ на устьѣ Быранджы. Сама хозяйка—молодая женщина, дочь русскаго аянскаго рабочаго, обучалась въ мѣстной школѣ, но сколько я ни пытался завести съ ней бесѣду, она упорно уклонялась отъ продолжительныхъ разговоровъ и, если отвѣчала, то не иначе какъ по-якутски. Въ прошломъ году Карамзинъ перевезъ 950 мѣстъ чая, въ настоящемъ онъ взялъ подрядъ на 600 мѣстъ. Часть оленей для этого (которыхъ у него около 400 головъ, изъ коихъ менѣе половины ѣздовыхъ) онъ беретъ „въ тѣло“ у отца и у тетки по 8 р. „за нарту“, т. е. за пару на одинъ оборотъ; а нѣкоторую часть поставляютъ ему бѣдные сородичи въ видѣ расчета за подати, внесенныя имъ за весь свой родъ. Отецъ и тетка Парасковія, самые крупные въ этомъ районѣ владѣльцы стадъ (3000 головъ). извознымъ промысломъ не занимаются, живутъ по старинѣ, русскихъ чуждаются и осуждаютъ сына за заимствованія отъ нихъ всякихъ новшествъ и въ особенности за женитьбу его на русской женщинѣ.

Пять дней кочевали мы вмѣстѣ съ семьей Карамзина и тутъ пришлось убѣдиться воочію, до какой степени вся жизнь кочевника находится въ полной зависимости отъ его стада. Они передвигались съ мѣста на мѣсто почти ежедневно, сообразуясь съ обиліемъ и качествомъ оленьихъ кормовищъ. Сборы начинаются съ ранняго утра. Мужчины расходятся въ разныя стороны сгонять оленей къ урасѣ. Отовсюду слышатся странные горловые крики созывающихъ далеко разбредшихся животныхъ, крики, похожіе на хрюканье свиньи[1]). Но олени вовсе не спѣшатъ итти на этотъ зовъ. Пока женщины занимаются укладкой урасы и другихъ вещей въ переметы, мало по малу пригоняютъ по нѣскольку штукъ, отправляясь снова—кто пѣшкомъ, кто верхомъ—за другими. Такъ

[1]) Подражаніе реву оленя. Къ тѣмъ изъ животныхъ, которыя находятся по близости и которыхъ хотятъ поймать, обращаются съ зовомъ „чоу, чоу“.

длится иной разъ до полудня. Наконецъ, стадо согнано въ кучу, хотя все-таки десятковъ двухъ. трехъ не хватаетъ. Одни продолжаютъ ихъ разыскивать, а другіе принимаются вылавливать изъ стада посредствомъ аркана ѣзжалыхъ. Арканомъ служитъ длинный. въ нѣсколько саженъ, тонкій нерпичій ремень. Его собираютъ въ кольца, такъ чтобы послѣднія ложились другъ на друга ровно и правильно. Придерживая лѣвой рукой свободный конецъ ремня, правой швыряютъ связку колецъ по направленію избраннаго животнаго. Ближайшія къ захваченному концу кольца разворачиваются на лету, а оставшіяся свернутыми падаютъ на рога животнаго. Ремень собираютъ и тащатъ при этомъ къ себѣ упирающагося оленя. Женщины надѣваютъ на него недоуздокъ, привязываютъ къ дереву и приступаютъ къ сѣдланію и навьючиванію. На спину у самой шеи, на лопатки переднихъ ногъ животнаго накладываютъ безъ потника *хонхо*, сдѣланное изъ дерева или оленьихъ роговъ, съ мягкимъ обтянутымъ кожей основаніемъ. Поверхъ *хонхо* перекидываютъ переметы, вмѣщающіе отъ 2-хъ до 3-хъ п. клади (наприм. муки). накрываютъ мѣховымъ коврикомъ и обхватываютъ стягивающейся подъ грудью подпругой. Къ каждому осѣдланному подъ человѣка оленю привязываютъ цугомъ по нѣсколько вьючныхъ. Все уже готово, а между тѣмъ пять или шесть оленей остаются не разысканными. Рѣшаются, однако, сниматься съ мѣста, въ расчетѣ, что потерявшіеся услышатъ движеніе стада и догонятъ его. Сначала умащиваютъ на сѣдла дѣтей, затѣмъ усаживаются сами. Это-тоже искусство, требующее сноровки, безъ которой никто изъ насъ, не исключая и рабочихъ, не смогъ удержаться на сѣдлѣ. Олень хотя бы даже изъ числа смирныхъ, не стоитъ спокойно и не даетъ на себя сѣсть; и послѣ того какъ вамъ удалось на него вскочить, онъ старается освободиться отъ сѣдока, наклоняясь на бокъ и выдѣлывая разныя неудобныя для послѣдняго движенія. Сѣдокъ въ это время предохраняетъ себя отъ паденія посредствомъ палки, упираясь ею

въ землю, и въ тоже время бьетъ ногами въ бока животнаго, которое очень скоро, однако, покоряется своей участи. Стременъ нѣтъ; сѣдло—безъ передней и задней луки, съ круглой тарелкообразной подушкой, такъ что сидящій на немъ не смыкаетъ колѣнъ, а свободно болтаетъ ногами. Оно прикрѣпляется всего одной подпругой и легко пошатывается съ одного бока на другой; усидѣть на немъ непривычному человѣку—дѣло мудреное: необходимо все время покачиваться, соотвѣтственно движенію животнаго. Тунгусъ балансируетъ съ помощью палки и, потерявъ равновѣсіе, спѣшитъ спрыгнуть на землю и тотчасъ же вскакиваетъ обратно на сѣдло. Оно помѣщается, какъ и *хонхо*, не на спинѣ, а на зашейкѣ, такъ какъ связь спинныхъ позвонковъ оленя чрезвычайно слаба, и вслѣдствіе этого спина легко ломается отъ тяжести даже менѣе чѣмъ въ 2 пуда. Наконецъ, караванъ трогается съ мѣста, за нимъ, подгоняемое сзади, бѣжитъ стадо свободныхъ оленей. Во все время пути не прекращаются крики мужчинъ и женщинъ, сзывающихъ разбѣгающихся по сторонамъ животныхъ. Это шествіе—очень красивая и оригинальная картина: олень идетъ легко и быстро, граціозно поднявъ голову съ огромными вѣтвистыми рогами; и нельзя не удивляться, какъ онъ ловко ухищряется нигдѣ не задѣвать ими за вѣтви и стволы деревьевъ. Онъ бѣжитъ съ такой же увѣренностью по камнямъ и по кочкамъ, какъ по ровной дорогѣ, никогда не упадетъ, никогда не споткнется.

22-го августа, расположившись на дневку верстахъ въ 8 отъ вершины хребта, мы отправились пѣшкомъ на осмотръ Одорійскаго перевала, а на другой день перебрались черезъ него съ лошадьми и оленями. Подъемъ не представляетъ никакихъ затрудненій, онъ такъ-же не замѣтенъ, какъ и западный склонъ Джугджура. На протяженіи всѣхъ этихъ 10—11 верстъ мы поднялись всего на 494 метра. Препятствіемъ на нашемъ пути служила лишь непроходимая мѣстами заросль кедровника, заставлявшая сновать съ одного берега рѣчки на другой и порой идти по плотному, превра-

тившемуся въ ледяную массу, скользскому снѣгу. Одна изъ такихъ снѣжныхъ полосъ тянется на 200 саженъ. Происхожденіе ея можетъ быть объяснено не иначе, какъ наносомъ снѣга съ верхнихъ поясовъ горы, наносомъ на столько толстымъ, что онъ не успѣваетъ въ теченіе лѣта расплавиться дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Черезъ $2^1/_2$ часа ходьбы мы были у маленькаго озерка, изъ котораго вытекаетъ одинъ изъ двухъ ручьевъ, образующихъ своимъ сліяніемъ сѣверный истокъ Малой или Озерной Одору. Отъ озерка (на приблиз. абсол. выс. 804 м.) сразу начинается значительная крутизна саженей въ 47 высоты до верхней точки перевала, прерывающаяся почти горизонтальной площадкой саж. 8 длины. Но и на эту, наиболѣе крутую, часть подъема можно подняться съ гораздо большей легкостью, если итти не по прямому направленію, а по пологому откосу горы съ правой, сѣвѣрной стороны пади, откосу, который постепенно ведетъ къ площадкѣ. Вершина перевала представляетъ два прохода: одинъ прямо на З. съ невозможной крутизной спуска; другой ниже перваго, нѣсколько влѣво на ЮЗ., спускается весьма полого, съ приблизительной абсолютной высоты въ 905 метровъ, къ разстилающемуся внизу большому озеру. Озеро расположено ниже вершины перевала на 78 метр., оно растянулось версты на 4 при ширинѣ отъ 200 до 400 саж. въ глубокой котловинѣ, окруженной обрывающимися къ водѣ подъ уклономъ въ 40—45° высокими гольцами[1]). Восточная его половина отличается большой глубиной. Зимой Карамзинъ опускалъ въ *ойбонъ* (прорубь) фунтовъ въ 20 камень, привязанный къ тремъ нерпичьимъ ремнямъ въ общей сложности до 50 саж. и не могъ достать дна. Какъ это его свойство, такъ и сильныя пѣнящіяся волны, подымающіяся на немъ въ сравнительно не большой вѣтеръ, напомнили намъ „Святое Море“ бурятъ, что и послужило поводомъ окрестить его *Байкаленкомъ*. Въ озерѣ масса мелкой рыбы, преимущественно харюза. Къ Петрову дню сюда заходятъ

---

[1]) Саж. 200 и болѣе высоты надъ поверхностью озера.

двѣ, три тунгусскихъ семьи для рыбной ловли, которая производится посредствомъ сѣтей, укрѣпляемыхъ на длинныхъ жердяхъ. Изъ всѣхъ посѣщенныхъ нами мѣстъ по Джугджуру это самое замѣчательное но своей своеобразной красотѣ. Трудно представить себѣ болѣе величаво-мрачную и въ то-же время чрезвычайно живописную картину въ сочетаніи стальной волнующейся поверхности воды съ голыми, почти черными каменными громадами. Но эти то красоты и составляютъ слабый пунктъ перевала, какъ лѣтняго сообщенія въ его настоящемъ видѣ. Озеро на половину своей длины, благодаря почти отвѣснымъ гольцамъ, лишено и самой узенькой береговой полосы, по которой могла-бы пройти лошадь. Карамзинъ для прохода своихъ оленей устроилъ извивающуюся на высотѣ саж. 20 и болѣе тропу въ видѣ „кычамъ“, цѣлесообразно расположивъ безпорядочно нагроможденныя глыбы камня и заполнивъ неровности мелкимъ щебнемъ. Мы должны были общими силами продолжать сооруженіе „кычамъ“, чтобы провести своихъ коней. Это было весьма рискованное и сопряженное съ большой возней предпріятіе. Я былъ увѣренъ, что безъ котастрофы дѣло не обойдется, тѣмъ болѣе, что даже олени, увлекаемые подвижной отсыпью, сползали внизъ, а одинъ обрушился и не долетѣлъ до воды только потому, что встрѣтилъ выступъ, задержавшій его дальнѣйшее паденіе. Къ счастію, все обошлось болѣе или менѣе благополучно. Лошади, освобожденныя отъ вьюковъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе, были протащены и отдѣлались лишь порѣзами ногъ объ острыя ребра камней, а кладь пришлось уже перетаскивать на рукахъ. Этотъ памятный для насъ переходъ, измучившій людей и животныхъ, вдвойнѣ стоилъ маильской тундры. За то вторую половину озера можно уже свободно пройти по отлогому мелко-каменистому побережью. Пологая стѣна, замыкающая котловину съ В., имѣетъ три сѣдлообразныхъ впадины; изъ нихъ двѣ сѣверныхъ ведутъ въ одинъ и тотъ-же распадокъ къ сѣвер. истокамъ М. Одору, а третій, къ югу, чрезвычайно крутымъ спускомъ обрывается

въ другой, почти параллельный предыдущему. Онъ представляетъ собою небольшое развѣтвленіе мало-одорійской долины и служитъ ложемъ южному истоку той-же рѣки. Мы спустились сюда, направляясь обратно къ нашимъ палаткамъ, въ первую свою экскурсію на перевалъ пѣшкомъ. Всѣ три рѣченки, появляющіяся на свѣтъ у западной подошвы стѣны, можно, кажется, принимать за подземные истоки нашего Байкаленка, изъ котораго вода проложила себѣ путь черезъ расщелины каменной толщи. Принимая въ себя по пути нѣсколько мелкихъ ручьевъ и сливаясь далѣе въ одномъ руслѣ, онѣ образуютъ Сѣв. или Мал. Одору.

Мало-одорійскій перевалъ удлиняетъ разстояніе между Аяномъ и Нельканомъ верстъ на 40; но по свойствамъ почвы[1]), рельефу мѣстности, незначительной высотѣ и пологости подъема—самый удобный изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ нами проходовъ для проложенія по немъ дороги. Значеніе его увеличивается еще и тѣмъ, что при этомъ направленіи устраняется необходимость двукратнаго пересѣченія рѣки Альдомы. Недостатокъ этого перевала, по словамъ того-же Карамзина, заключается въ незначительной глубинѣ снѣга ($2-2^1/_2$ четверти), не вездѣ сглаживающей неровности, что мѣстами затрудняетъ ѣзду на нартахъ. Правда, и здѣсь, какъ и повсюду на Джугджурѣ, свирѣпствуютъ вѣтра, сдувающіе съ вершинъ снѣгъ и образующіе наносы и карнизы; но дорога могла бы быть проложена террасой по склону южныхъ гольцовъ, менѣе подверженныхъ заносамъ; а если-бы она и не была достаточно защищена, то для зимы это обстоятельство не столь важно, такъ какъ движеніе съ полнымъ удобствомъ можетъ происходить по льду озера.

Миновавъ озеро, вступаемъ въ долину рѣки *Большая Джегдакуинджа*—правый притокъ Ватанги. Верстахъ въ трехъ отъ ея вершины мы расположились на дневку съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть перевалъ но Большой или Южной Одору. Раздвинувшіяся горы

[1]) На восточномъ (вѣрнѣе Ю. З.) склонѣ преобладаетъ дресва и глина.

образуютъ обширное, замыкаемое горами, полукруглое пространство, называемое *Сгэль-ыябытъ сире*[1]). Здѣсь (ниже уровня озера на 35 м.) среди рѣдкаго лѣса —два, три остова урасъ съ совершенно выбитой вокругъ нихъ землей, густо покрытой оленьимъ каломъ. Это прошлогоднее стойбище старика Карамзина, владѣльца многочисленнаго стада. Осень уже начинаетъ вступать въ свои права. Лиственныя деревья пожелтѣли, трава сохнетъ, зелень вороньей брусники приняла ярко красный цвѣтъ, и склоны горъ, усѣянные этимъ растеніемъ, точно покрыты кровавыми пятнами. По утрамъ до восхода солнца за послѣдніе дни термометръ постоянно показываетъ 0° и 1°; но днемъ температура доходитъ до 30° С. (не въ тѣни). Комары давно исчезли, ихъ смѣнила мошка, и трудно сказать, которое изъ этихъ двухъ золъ меньше.

Распадокъ, ведущій къ истокамъ Б. Одору, открывается отъ мѣста нашей стоянки на Ю. Ю. В. и идетъ по безъимянному ручью, вливающемуся въ Джегдакуинджу. Наша экскурсія туда, верстъ 5 на лошадяхъ и верстъ 15 пѣшкомъ, не привела къ благопріятному заключенію о перевалѣ съ спеціально дорожной точки зрѣнія, а потому о немъ достаточно сказать нѣсколько словъ. Этотъ перевалъ, самый южный изъ посѣщенныхъ нами, представляетъ сѣдловину Джугджура, у которой сходятся истоки двухъ рѣчекъ — *Яты*, принадлежащей къ системѣ Альдомы и *Аланджы*, направляющейся на С. З. къ Ватангѣ. Ята считается притокомъ Б. Одору, но въ сущности слѣдовало-бы считать наоборотъ: по обилію воды первая превосходитъ вторую, а слившееся русло обѣихъ рѣчекъ, составляетъ явственное продолженіе Яты. По своей обрывистости и изрытой оврагами поверхности мѣстность нельзя признать удобной для проложенія пути; но, въ вознагражденіе за безполезное и довольно утомительное путешествіе, она доставила намъ не мало удовольствія своими оригинальными и красивыми видами. Ята изви-

[1]) Это значитъ — *мѣсто, гдѣ вѣшаютъ гривы*, т. е. пучки конскихъ волосъ въ жертву мѣстному духу за благополучное прохожденіе перевала.

вается въ узкомъ ущельѣ съ отвѣсными, часто даже наклонившимися къ водѣ, стѣнами массивнаго гранита, перемежающагося съ кристаллическими сланцами, высотою въ 20—30 саженъ. Въ ущельѣ мрачно и холодно; глыбы обледенѣлаго снѣга сохраняются отъ таянія точно въ погребѣ; мѣстами ширина ущелья не превышаетъ $2^1/_2$ саженъ, сверху виднѣется лишь узенькая полоска небесной синевы, и кажется —съ верхушки одной скалы ничего не стоитъ перешагнуть на противуположную. Послѣ сліянія Яты съ Б. Одору общее теченіе падаетъ вдругъ съ вертикальной высоты въ $4^1/_2$ саж. и, низвергаясь далѣе по уступамъ, пробивается въ щель аршина въ $1^1/_2$, вздымая пѣну и наполняя этотъ гротъ шумомъ, изъ за котораго нужно кричать чуть не во всю глотку, чтобы услышать другъ друга. У самаго начала водопада, какъ-бы нарочито устроенное сидѣнье для туристовъ, плита гладкаго льда въ 2 арш. длины и $1^1/_4$ толщины. Какимъ образомъ очутилась тутъ ледяная масса такихъ размѣровъ и такой правильной формы, для меня остается не яснымъ. Застрявшая глыба весенней шуги? Но на этой ничтожной рѣчкѣ не можетъ образоваться ледяной покровъ подобной толщины. Скорѣе ея происхожденіе обязано надуваемому сверху снѣгу уже по стокѣ весенняго разлива. Тунгусы называютъ это мѣстечко, какъ и всякій вообще тѣсный проходъ между скалами, просто *Одору-Бомъ-Тасъ*.

На обратномъ пути, найдя, наконецъ, выходъ изъ темнаго промзглаго ущелья на свѣтъ Божій, я обратилъ вниманіе на рисунокъ человѣческой головы въ натуральную величину, вырѣзанный на толстой лѣсинѣ. Изображеніе по линіямъ порѣза покрылось выступившей сильно затвердѣвшей смолой и бросается въ глаза лишь на близкомъ разстояніи. Это „портретъ“ убитаго тунгуса. По заявленію Карамзина, такіе портреты ему неоднократно приходилось встрѣчать въ тайгѣ. Происхожденіе ихъ старики объясняютъ такъ: въ давнія времена, когда тунгусы еще не были крещенными, между ними происходили частыя междуусобицы и убій-

ства. Убившій своего врага, чтобы избавиться отъ безпокойства и преслѣдованій духа убитаго, вырѣзывалъ на стволѣ его лицо, чѣмъ какъ бы прикрѣплялъ мертвеца къ дереву и лишалъ его такимъ образомъ возможности преслѣдовать убійцу и причинять ему всяческій вредъ (см. рисунокъ 5).

По свидѣтельству Миддендорфа, даже въ его время разбои и смертоубійства между тунгусами не были рѣдкостью. Кочевники отваживались нападать не только на своихъ родовичей, но и на русскихъ путешественниковъ. Вагановъ[1]) и его товарищи во время сна были застрѣлены тунгусами, спрятавшимися въ лѣсной чащѣ. Вскорѣ послѣ того были ограблены и убиты члены астрономическо-топографической экспедиціи, снаряженной для изслѣдованія пограничнаго Станового хребта подъ начальствомъ профессора Шварца. Ничего подобнаго давно не слышно между аянскими тунгусами. Личность, имущество, охотничья добыча пользуются здѣсь полной неприкосновенностью и безопасностью. На честности тунгусовъ, на ихъ строгомъ выполненіи ничѣмъ не гарантируемыхъ обязательствъ основаны всѣ сдѣлки съ ними русскихъ и якутскихъ торговцевъ. Что повліяло на смягченіе нравовъ этого племени[2]), — трудно сказать. Страхъ передъ обуздывающей силой администраціи едва ли имѣетъ какое нибудь значеніе: въ этомъ краѣ люди живутъ почти при такой же безграничной свободѣ, какъ и столѣтія тому назадъ, не чувствуя надъ собой никакой власти. Если бы *post hoc* всегда значило *propter hoc*, то пришлось бы приписать благотворное воздѣйствіе Р. А. К°., промышленныя цѣли которой не лишены были и культурнаго гуманизирующаго вліянія (школы, больница, положеніе рабочихъ). Но я недостаточно знакомъ съ ея дѣятельностью, чтобы придавать ей это значеніе не предположительно, а въ болѣе категорической формѣ.

---

[1]) Спутникъ Миддендорфа.

[2]) Я имѣю въ виду, конечно, только данный районъ.

26-го августа мы двинулись къ р. Челасинъ; Карамзинъ согласился сопровождать насъ до нашего складочнаго балагана, куда по его опредѣленію оставалось отъ пункта настоящей нашей стоянки верстъ 50. Здѣсь мы разстались съ его семьей, которая погнала стадо на Быранджу кратчайшимъ путемъ черезъ распадокъ, открывавшійся въ сѣверной цѣпи горъ.

Наша провизія приходила къ концу, обувь окончательно изорвалась. Лошади отъ постоянной ходьбы по голому битому камню исхудали и постирали свои копыта до мякоти, нѣкоторыя до такой степени, что обмѣнять ихъ на болѣе свѣжихъ у В. Е. было обязательно необходимымъ; его-же лошади, при медленности передвиженія и къ тому-же по гораздо менѣе неудобнымъ путямъ, не могли подбиться и обезкопытиться, какъ наши и должны были быть сытѣе. Спиртъ вышелъ у насъ еще въ Аянѣ, а при холодныхъ ночахъ и наступавшихъ осеннихъ дождяхъ безъ этого согрѣвающаго средства обходиться въ путешествіи трудно. Всѣ эти обстоятельства заставили насъ поспѣшить къ нашему складу и за одно, вмѣстѣ съ тѣмъ, изслѣдовать дальнѣйшее направленіе одорійско-челасинскаго пути. Онъ идетъ сначала на западъ по рѣчкѣ Джегдакуинджѣ до устья впадающей въ нее Малой Джегдакуинджы, откуда, по долинѣ этой послѣдней, сворачиваетъ на С. З. и вступаетъ въ падь ея притока *Нангысмы*. Мы незамѣтно подымаемся по ея руслу на одинъ изъ отроговъ Джугджура къ истокамъ р. Челасина. Мѣстность вездѣ ровная, болотъ нѣтъ; сравнительно рѣдкій, большей частью, лиственничный лѣсъ съ прекрасной травой по твердому глинисто-песчаному грунту. Только на островахъ между протоками и по берегу у самыхъ рѣчекъ (М. Джегд., Нангысмы и Челасина) —болѣе густая поросль мѣшаныхъ видовъ: ели, тополя, талины, ольховника. Нерѣдко можно видѣть на тонкихъ обломанныхъ сучьяхъ нанизанныя шляпки сорванныхъ съ земли грибовъ. Это бѣлка заготовляетъ для себя зимнее продовольствіе. За незначительнымъ возвышеніемъ (873 м. приближенной

абсол. высоты), составляющимъ водораздѣлъ Джегдакуинджы и Челасина, одно за другимъ расположены два озера, изъ коихъ первое служитъ истокомъ Челасина, а второе, гораздо больше, саж. 40 ширины и около полу-версты длины, можно разсматривать, какъ расширеніе этой рѣки. По менѣе высокому правому берегу, покрытому крупнымъ лѣсомъ, тянутся весьма удобные „кычамы“, достаточно просторные для прохода вьючныхъ коней. Кычамы усроены семьей Карамзиныхъ, которымъ часто приходится перекочевывать по этимъ мѣстамъ. Начиная отъ Б. Джегдакуинджы мы почти все время шли достаточно утоптанной ихъ стадами тропой. 28 авг., послѣ дождливаго дня, ночью хватилъ морозъ, заледенившій вымокшія палатку, одежу и сумы. Чтобы все это сложить во вьюки, потребовалось предварительно разморозить костромъ и хоть нѣсколько просушить. На Джугджурѣ выпалъ первый снѣгъ, и, тронувшись въ путь, мы вскорѣ увидали величественную вершину *Мохоту-Хоята* покрытою бѣлой шапкой, которую, какъ утверждаетъ Карамзинъ, она уже не скинетъ до слѣдующаго лѣта. Чѣмъ ближе къ Быранджѣ, тѣмъ гуще древесная растительность, тѣмъ чаще попадаются болотистыя и мокрыя мѣста съ толстымъ моховымъ покровомъ, въ которомъ кони погружаются до колѣнъ. Этотъ слой мха (многоволосникъ) впитываетъ и задерживаетъ влагу, какъ губка, и надо полагать, онъ—то и обусловливаетъ главнымъ образомъ избытокъ сырости почвы, каковымъ вообще отличается районъ къ востоку отъ Маи и даже далѣе отъ Алдана. Но по сухимъ мѣстамъ бѣлѣетъ ягель, обиліемъ котораго славится районъ Быранджы. Мы переходимъ широкое, саж. до 70 устье этой рѣки, теперь почти сухое, съ размытыми берегами, заваленное огромными деревьями, нанесенными бушующей весенней водой. Берега поросли мелкимъ тальникомъ, сплошь покрытымъ бѣлымъ, точно известкой, налетомъ. Версты 2 далѣе по Челасину и въ такомъ-же разстояніи отъ устья лѣваго его значительнаго притока

Архай —стоитъ[1]) домъ Карамзина, —большая русская изба съ амбаромъ. Строили его три года четыре якута, работая въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ; русской печи они не умѣли сложить, такъ что домъ согрѣвается якутскимъ камелькомъ. Внутри шкафъ, диванъ, столы, стулья, сдѣланные въ Аянѣ и неимовѣрно уродующія физіономію японскія зеркала. Если къ этой обстановкѣ присоединить нѣкоторыя вещи американскаго издѣлія, какъ, напр., топоры, ружье, то въ обиходѣ этой тунгусской семьи мы найдемъ слѣды вліянія четырехъ самыхъ разнообразныхъ народностей.

Въ общемъ весь этотъ путь отъ Озерной Одору (Келлахъ-Одору) до бывшаго Челасинскаго станка гораздо удобнѣе соотвѣтствующаго участка какъ по „казенной" дорогѣ, такъ и на Быранджа-Нингмачиганскій перевалъ. Мы сдѣлали его безъ всякихъ препятствій и поздно вечеромъ 28 авг. подходили къ складочному балагану. Мелькавшій сквозь деревья огонекъ указывалъ на присутствіе здѣсь нашихъ людей, быть можетъ самого В. Е. Но насъ встрѣтилъ одинъ лишь лоцманъ Александръ, обнаружившій мало свойственное ему необычайно радостное волненіе, причины котораго, какъ оказалось, были вполнѣ понятны: онъ былъ сосланъ сюда В. Е. не въ качествѣ сторожа, въ каковомъ не представлялось никакой надобности, а въ видѣ наказанія за строптивый нравъ и дерзкое поведеніе, и прожилъ тутъ въ полномъ одиночествѣ и бездѣйствіи девять дней. Мы нашли здѣсь письма В. Е., дающія свѣдѣнія о ходѣ его работъ. Отъ 9 авг. онъ пишетъ:

„27 и 28-го іюля работа шла съ ужасающей медленностью. Мнѣ приходилось разовъ пять пробѣгать отъ угла къ углу: то не такъ мѣряютъ, то не такъ вѣшки ставятъ. Послушавшись П. А., я бралъ румбы не на каждомъ углѣ, и вотъ, пройдя съ трудомъ въ два дня двѣ версты (подъ дождемъ и комаромъ), я увидѣлъ, что румбы и углы у меня не сходятся. Признаюсь, что на меня напало даже отчаяніе. 29-го опять прошли заново эти злополучныя

[1]) Ниже вершины Челасина на 277 м.

двѣ версты+двѣ новыхъ. Нужно было кочевать на другое мѣсто, но коней не могли найти; нашелъ ихъ тунгусъ далеко внизъ по Маѣ. Далѣе мы проходили въ день версты по три, если не мѣшалъ дождь или не шалилъ компасъ. А нашъ угломѣръ частенько таки гадитъ намъ. Вчера, напр., два раза не сходились румбы съ угломъ діоптръ, почему мы и прекратили работу, чтобы пройти на другой день этотъ участокъ вторично. Теперь мои помощники уже обучились малость и не отдаютъ шпилекъ раньше времени, меньше ошибаются вообще, почему и работа идетъ успѣшнѣе. Третьяго дня, не смотря на то, что была масса угловъ (на 4 в. 100 угловъ), мы прошли 4 в. Вчера прошли-бы 5 в., если-бы не дождь и гроза. Но болѣе этого едва-ли удастся проходить, благодаря массѣ угловъ. Инструментъ мой оч. плохъ. Разница коллимаціонныхъ плоскостей верхнихъ и нижнихъ діоптръ болѣе 14'; поэтому я навожу и беру углы только верхними, повѣряю-же уголъ гоніометра угломъ буссоли, которые и записываю у каждаго угла. Работа идетъ тише, такъ какъ нужно ждать, пока успокоится стрѣлка буссоли. Кромѣ того, при маленькомъ даже дождѣ волоски діоптры ослабѣваютъ: приходится ихъ подтягивать, волосокъ иногда лопается. Какъ-то, за неимѣніемъ лошадиннаго волоса, я замѣнилъ таковой волосомъ изъ собственной бороды, и этотъ волосъ служитъ мнѣ до сихъ поръ. Вечеромъ, хотя еще достаточно свѣтло, становится на столько холодно, что стекло буссоли запотѣваетъ, зажимается своей обоймицей и надавливаетъ на шляпку стрѣлки, —компасъ не дѣйствуетъ, и работа пріостанавливается. Рабочими теперь доволенъ и уже нытья не слышу. Пища у насъ плоха, но такъ какъ и я ее ѣмъ, то и рабочіе не выражаютъ неудовольствія. „Отъ 15 авг.". Работаемъ по прежнему, стараясь изъ всѣхъ силъ. Ночуемъ вторую ночь на Маильской тундрѣ. Послѣдніе дни опять идемъ страшно медленно изъ-за большой чистки, которую приходится дѣлать по дорогѣ. Мазаться дегтемъ отъ комара, оказывается, мало толку. Я пробовалъ, но деготь (даже съ масломъ) быстро всасывается,

и комаръ опять облѣпляетъ лицо, какъ только начинаешь всматриваться въ діоптры или ноніусъ. О сѣткѣ-же нечего и помышлять. Самое плохое у насъ то, что всѣ мы безъ обуви; изъ оставшейся у насъ кожи вышло всего двѣ пары подошвъ. Сидимъ безъ масла 4-й день. По ходу работъ теперь уже съ увѣренностью могу сказать, что на Челасинѣ будемъ не ранѣе начала сентября".

Но работа далѣе пошла скорѣе; В. Е. весьма кстати подошелъ къ складочному пункту 29-го авг., и мы имѣли удовольствіе провести вмѣстѣ двѣ ночи. Кромѣ того тутъ ожидала насъ почта изъ Якутска, любезно доставленная Анной Егоровной Надѣиной. Эта почтенная дама, довѣренная торговой фирмы „Амурская ком.", совершила путешествіе отъ устья Маи до Нелькана верхомъ на лошади по той-же тропѣ, по которой были прогнаны наши кони. Изъ Нелькана, отдохнувъ 5—6 дней, она отправилась тѣмъ-же способомъ въ Аянъ для пріемки чаевъ съ парохода. Это одна изъ тѣхъ „героевъ" коммерческаго дѣла, какихъ не рѣдкость встрѣтить въ Сибири, и передъ энергіей которыхъ не существуетъ препятствій ни въ холодахъ, ни въ разстояніяхъ, ни въ отсутствіи путей сообщенія.

Нужно было торопиться съ завершеніемъ нашей задачи. Пожелтѣвшій видъ обнажавшейся растительности, холодныя ночи и утренники напоминали о близости зимы. Въ нашемъ распоряженіи, (т. е. до замерзанія Маи) по общему утвержденію рабочихъ, оставалось не болѣе трехъ недѣль. В. Е. нечего было и думать дойти съемкой до самаго Аяна. Оставалось заранѣе примириться съ тѣмъ, что удастся сдѣлать. Первоначальное намѣреніе произвести нивеллировку по всѣмъ переваламъ, которые будутъ найдены болѣе или менѣе удобными, за недостаткомъ времени, представлялось неосуществимымъ. По этому для проэктированія дороги необходимо было остановиться на какомъ нибудь одномъ. П. А. отдалъ предпочтеніе перевалу Кынгачангъ -Альдома („Казенный")

въ виду его расположенія на кратчайшемъ разстояніи между Аяномъ и Нельканомъ.

Съ главной заботой по сборамъ —съ починкой сбруи, вьючныхъ принадлежностей и обуви кое какъ управились. За недохваткой кожи, на обутки для рабочихъ пошли въ дѣло опроставшіяся отъ провизіи сумы. Карамзинъ былъ отпущенъ, награжденный разными продуктами, изъ коихъ спиртъ имѣлъ для него особенно большую цѣнность, такъ какъ за 3, 4 бутылки, предназначавшіяся имъ въ подарокъ своей богатой роднѣ, по словамъ рабочихъ, онъ получитъ не менѣе десяти штукъ добрыхъ оленей. Этотъ умный, толковый тунгусъ, познакомившись за время нашего совмѣстнаго путешествія съ условіями, удовлетворяющими проведенію грунтовой дороги, прощаясь съ нами, рекомендовалъ наиболѣе удобнымъ для таковой слѣдующее направленіе: отъ Аяна на Уйскій хребетъ не по пади р. Уя, ведущей къ вершинѣ Малаго Кенія, а по слѣдующей за ней на югъ къ вершинѣ Большого Кенія. Здѣсь подъемъ положе, наледи значительно меньше, всего около полуверсты и то лишь по серединѣ рѣки; а весной даже въ большую воду берега не заливаются. Спустившись долиной этой рѣки, дорога пойдетъ правымъ берегомъ вверхъ по Альдомѣ, пересѣчетъ устье притока еяНиндагы и далѣе тѣмъ же берегомъ Альдомы завернетъ въ долину Одору. Поднявшись сѣвернымъ ея истокомъ, или по Малой Одору (она-же Кёллахъ т. е. озерная) на Джугджуръ, дорога обойдетъ озеро южнымъ берегомъ (кычамами) и вступитъ въ долину Бол. Джегдакуинджы, слѣдуя правой стороной до устья Мал. Джегдакуинджы. Не пересѣкая этой рѣчки, направится по ея пади (на С. З.), а затѣмъ по пади ея притока Нангысмы —къ истоку Челасина. Далѣе, лѣвой стороной долины Челасина, гдѣ мокротъ меньше и мѣстность болѣе ровная, чѣмъ на правой, дорога перерѣжетъ устье Архая и, держась того-же направленія, нигдѣ не пересѣкая Челасина, вступитъ на „казенную“ дорогу. Дойдя до Маильской тундры, свернетъ на С. З. къ вер-

шинѣ рѣки Игникана (лѣвый притокъ Маи) и по лѣвому берегу этой рѣки подойдетъ къ Маѣ вер. въ 7 ниже Нелькана. Часть этого направленія была пройдена нами; остальная часть по Игникану заключаетъ, по утвержденію Карамзина, слѣдующія преимущества: 1) здѣсь совсѣмъ нѣтъ бадарановъ, 2) густой лѣсной поросли нѣтъ: мѣста или совсѣмъ чистыя, или мелкій кустарникъ по рѣдколѣсью, 3) подъемы и спуски гораздо ниже, положе и рѣже встрѣчаются, чѣмъ по казенному пути, 4) рѣчекъ значительно меньше, и самая большая изъ нихъ *Джегдала* гораздо уже Челасина. Ихъ весенніе разливы далеко не столь опустошительны, какъ притоковъ Челасина и правыхъ притоковъ Игникана. Если прибавить къ этому относительныя удобства одорійскаго перевала и устраненіе необходимости дважды пересѣкать такую рѣку, какъ Альдома, то удлиненіе разстоянія верстъ на 40—50 при намѣченномъ Карамзинымъ направленіи съ избыткомъ окупилось бы указанными преимуществами.

Карамзину извѣстны слѣдующіе перевалы черезъ Джугджуръ, названіе которыхъ я привожу съ юга на сѣверъ:

1) *Одору (Ята)—Аланджа.*
2) *Кѣлла́хъ Одору.*
3) *Нингмагича́нъ—Быранджа.*
4) *Крестяхъ дабанъ.*
5) *Альдома—Кыныгачанъ*, или *Казенный.*
6) *Няча́нъ дабанъ.*
7) *Мохоту дабанъ* (Мохоту—правый притокъ Челасина).
8) *Ильпагы дабанъ.*
9) *Джагда́гъ дабанъ* (Джагдагъ—лѣвый притокъ Альдомы).
10) *Та́нчы дабанъ* (Танчы—лѣвый притокъ Альдомы).
11) *Уйбанча́ дабанъ.*

Относительно послѣдовательнаго расположенія послѣднихъ шести я, впрочемъ, не ручаюсь, такъ какъ Карамзинъ, изрядно выпи-

вній на прощанье, перечисляя ихъ мнѣ по попорядку, самъ сбивался на этотъ счетъ[1]).

Глава VI.

Наши работы по „Казенному“ перевалу. —Проектъ дороги. —Обратный путь въ шугу по Маѣ. —На берегу Лены въ юртѣ якутскаго старосты. —Обличительно-наставительный документъ.—Переправа черезъ Лену. —Итоги экспедиціи.

31-го Августа мы снова разстались съ В. Е. и двинулись по „казенной“ дорогѣ на Джугджуръ, на этотъ разъ при 7 лошадяхъ и четырехъ рабочихъ.

1-го Сентября въ верстѣ съ 1/4 отъ вершины перевала былъ избранъ пунктъ для стоянки, и мы принялись за работу. Нѣтъ надобности описывать ходъ этихъ работъ; достаточно сказать, что задача заключалась въ томъ, чтобы съ вершины перевала проэктировать грунтовую дорогу, которая должна спуститься внизъ подъ уклономъ, не превышающимъ maximum'a, допускаемаго въ дорожной техникѣ. Понятно, что это требованіе можетъ быть соблюдено при извѣстномъ хорактерѣ мѣстности, дозволяющемъ растянуть спускъ на значительное разстояніе. Этому условію б. или м. удовлетворялъ склонъ гольцовъ, ограничивающихъ распадокъ истока Альдомы съ юга[2]). Переносъ съ мѣста на мѣсто и установка инструмента, таскаліе цѣпи, реекъ и другихъ нивеллировочныхъ принадлежностей по крутому, иногда град. до 40, откосу, усыпанному мелкой отсыпью, легко сползающей подъ ногами, —все это сопряжено было съ немалыми неудобствами и затрудненіями. Послѣднія усиливались къ тому же, какъ я уже говорилъ о томъ раньше, постоянными, все время почти не стихавшими, жестокими

[1]) На пальмѣ Карамзина я обратилъ вниманіе на надпись, если это только письмо, а не полустершіеся узоры. Пальма, по заявленію ея владѣльца, старинная. „Узоры“ на мой взглядъ сильно напоминаютъ знаки монгольскаго или сходственнаго съ нимъ манджурскаго письма, начертанія буквъ котораго мнѣ знакомы. Я скопировалъ „надпись“ возможно точно и прилагаю здѣсь въ концѣ книги. См. рис. № 1.

[2]) Вѣрнѣе сказать —котловина, куда спускается нѣсколько мелкихъ распадковъ съ сухими въ эту пору руслами вершинъ р. Альдомы.

сѣверо-запад. вѣтрами. Съ перемѣной-же этого вѣтра но юго-восточный, долина окутывается густымъ, клубящимся туманомъ, насквозь пронизывающимъ сыростью одежу. Разумѣется, въ такихъ случаяхъ работа не возможна; доводилось приступать къ ней только къ полудню, а то и позже. Холода усиливались съ каждымъ днемъ. Утромъ въ 7, 8 часовъ температура рѣдко подымалась выше 0. Вода въ ручьяхъ, а мѣстами и въ самой рѣчкѣ, за ночь покрывалась льдомъ, который съ 7-го числа уже не оттаивалъ днемъ. 9-го сопки подернулись бѣлымъ саваномъ, и куропатки, охота на которыхъ доставляла намъ мясной обѣдъ, также перемѣнили свое сѣрое одѣяніе на бѣлое. Кедровка (по якутски *оноло*) торопилась наполнить свою кладовую подъ камнемъ зимнимъ запасомъ орѣховъ[1]). На работу выходимъ въ полушубкахъ и въ теплыхъ перчаткахъ. Ежевечернія восхожденія на вершину перевала къ мѣсту стоянки даютъ знать себя своей утомительностью хуже работы. Приходишь къ палаткѣ весь мокрый отъ пота, но за то у костра вся усталость и всѣ невзгоды дня смѣняются самымъ пріятнымъ самочувствіемъ, а еще недавно угрюмые, дрожавшіе отъ холода и ругавшіеся на своемъ языкѣ рабочіе приходятъ вдругъ въ благодушно болтливое настроеніе. Велика живительная сила огня въ сибирскихъ пустыняхъ, и лишь тутъ, у костра, постигаешь не теоретически только, а всѣмъ существомъ своимъ возникновеніе культа огнепоклонничества, существующаго въ извѣстныхъ формахъ и по нынѣ у тунгусовъ и якутовъ[2]).

[1]) Nucifraqa Caryocatactes. Зимой этотъ ея складъ заносится глубокимъ снѣгомъ, но птица съ замѣчательною точностью находитъ мѣсто его расположенія и прочищаетъ клювомъ и ногами ходъ къ нему въ видѣ корридора, иногда болѣе полусажени длиной. (Сообщеніе тунгусовъ).

[2]) Шаманъ совершаетъ свое священнодѣйствіе не при дневномъ свѣтѣ, а при огнѣ. Онъ произноситъ заклинанія, обращаясь лицомъ къ камельку. Первая рюмка водки, первая ложка сората, масла и всякаго предлагаемаго ему угощенія преподносится духу огня. Такое-же значеніе жертвы получаетъ выбрасываніе на пылающіе угли камелька остатковъ пищи, что не рѣдко можно наблюдать, посѣщая якутовъ въ ихъ юртахъ.

7-го Сент. мы подвинулись съ проведенiемъ линiи пути версты на 4. Пора было перенести стоянку поближе къ мѣсту работъ. Мы перекочевали на восточный подъемъ перевала и растянули палатку среди густого, крупнаго и высокаго кедровника, стелющiеся стволы котораго въ нижней своей части достигаютъ четверти въ дiаметрѣ[1]). Кормовища не богатыя, но недостатка въ нихъ нѣтъ. Попадалась вѣчно зеленая *Сибикте*, — колѣнчатое низкорослое растенiе изъ вида хвощей, которое якуты считаютъ самой питательной осенней и зимней травой для лошадей.

14-го Сент. работы были закончены. Проектная дорога, высоко извиваясь по откосамъ, вступаетъ на обширную площадь полукруглой террасы и, лавируя здѣсь между холмами битаго камня, глубокими рытвинами и оврагами, на 6-й вер. и 300 саж. отъ вершины перевала спускается, наконецъ, къ руслу рѣки. Рабочiе чрезвычайно скептически относятся къ нашей работѣ. Часто можно слышать, какъ они, въ увѣренности, что тойоны не понимаютъ ихъ рѣчей, подвергаютъ язвительной критикѣ эту затѣю. Дорогу занесетъ снѣгомъ, завалитъ обрушивающимися саженными навѣсами, которые при своемъ паденiи увлекаютъ за собой груды подвижной отсыпи. Послушать ихъ — такъ зимой отъ нея и слѣда не останется; никакiе щиты, по ихъ мнѣнiю, не помогутъ, „развѣ что дорогу запрячешь въ ящикъ“.

— Что-же, ты думаешь: ученый тойонъ глупѣе тебя? Возражаетъ казакъ Тимофею.

— Въ тайгѣ да въ хребтахъ всякiй *нуча*, будь то самъ генералъ Муравьевъ[2]), глупѣе тунгуса, отвѣчаетъ онъ.

[1]) Шишки были уже на столько зрѣлы, что легко опадали на землю при встряхиванiи дерева. Однажды я наткнулся на цѣлую кучу фунтовъ въ 10 орѣховъ, перемѣшанныхъ съ истертой чешуей шишекъ. Несомнѣнно, это было дѣло лапъ медвѣдя. Запасливый звѣрь прикрылъ кучу травой, вѣроятно, въ предохраненiе отъ расхищенiя ея кедровками. Онъ очень любитъ орѣхи и предпочитаетъ ихъ ягодамъ. Желудокъ медвѣдя, застрѣленнаго Карамзинымъ во время нашего посѣщенiя Одорiйскихъ переваловъ, былъ исключительно набитъ орѣхами.

[2]) Муравьевъ Амурскiй проѣзжалъ изъ Аяна въ Якутскъ въ 1849 г.

— *Кырджыкъ даганы. доръ* (вѣрно говоришь, пріятель), поддерживаетъ его Александръ.

Надо сказать, что тунгусы и наши рабочіе. въ частности, склонны преувеличивать всякіе страхи. Но въ данномъ случаѣ въ ихъ пессимизмѣ не малая доля резонныхъ основаній. на которыя, при соображеніяхъ о постройкѣ дороги, слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе. Сохраненіе пути на Джугджурѣ въ удобопроѣздномъ состояніи, несомнѣнно, потребуетъ солидныхъ сооруженій. Конечно, это дѣло техники, справляющейся и не съ такими затрудненіями. Вопросъ только въ томъ, на сколько проведеніе здѣсь тракта признавать настоятельной необходимостью. Рѣшеніе-же этого вопроса въ благопріятномъ смыслѣ. можно надѣяться, не заставитъ себя долго ждать. Помимо интересовъ торговли, быстрый культурный, а въ особенности военный ростъ нашихъ восточныхъ сосѣдей требуетъ скорѣйшаго соединенія Аяна съ внутренними сравнительно населенными районами области, съ которыми этотъ лучшій портъ Охотскаго моря находится въ настоящее время почти въ полномъ разобщеніи.

Въ виду того, что проведеніе шоссейнаго пути обошлось-бы чрезвычайно дорого, П. А. Сикорскій въ своемъ проектѣ, представленномъ Иркутскому Генералъ-Губернатору, останавливается на устройствѣ грунтовой дороги, т. е. такой, матеріаломъ которой является грунтъ, имѣющійся въ каждомъ данномъ пунктѣ, при чемъ полотно остается ничѣмъ не покрытымъ. Прежде всего необходимо вырубить просѣку въ 20 саж. ширины для осушенія дороги и устраненія заваловъ ея падающими деревьями, прорыть боковыя и отводныя канавы и сформировать полотно на ровныхъ мѣстахъ, на косогорахъ и крутыхъ склонахъ горъ. Помимо этихъ, общихъ для всей дороги, работъ, потребуются въ нѣкоторыхъ участкахъ особыя, —а именно: устройство на крутыхъ склонахъ и въ руслахъ рѣчекъ, кромѣ насыпей, подпорныхъ стѣнъ для поддержанія полотна; на большихъ рѣчкахъ, какъ Альдома, Аимчанъ и Челасинъ,

вмѣсто мостовъ, стоящихъ очень дорого, проектируется переправа на карбазахъ; на остальныхъ мелкихъ рѣчкахъ предлагаются мосты или болѣе дешевыя сооруженія—водоспуски, каковые необходимы также въ сухихъ оврагахъ, переполняющихся водой, какъ въ весеннюю пору, такъ и въ обильные дожди среди лѣта. При такихъ условіяхъ потребуется 25 мостовъ и 61 водоспускъ, а вся дорога въ 204 или въ 206 верстъ обойдется по приблизительной смѣтѣ (принимая поденщину въ 1 р.) въ 400,000 р. Но въ виду почти полнаго безлюдья края и необходимости подвоза съѣстныхъ припасовъ издалека, эта цыфра должна быть увеличена по меньшей мѣрѣ въ полтора раза. Удешевленіе могло бы быть достигнуто развѣ лишь при пользованіи китайскими или корейскими рабочими, такъ какъ якутъ даже при усиленномъ напряженіи отличается чрезвычайно малой производительностью труда, при безусловной, въ то-же время, необходимости для его организма обильнаго и хорошаго питанія (мясо и жиръ) въ пору тяжелыхъ работъ. Весьма вѣроятно, что Одору—Челасинъ—Игниканское направленіе оказалось бы во многихъ отношеніяхъ предпочтительнѣе старой дороги. Но этотъ вопросъ, конечно, не можетъ быть рѣшенъ на основаніи однихъ отзывовъ Карамзина. Путь долженъ быть изслѣдованъ инструментально.

Послѣдніе дни разговоры рабочихъ постоянно вертѣлись на необходимости торопиться съ отъѣздомъ. Всѣ признаки погоды обѣщали, по ихъ мнѣнію, давно не бывалое раннее замерзаніе Маи. Шуга, какъ они утверждали, должна появиться не позже 20-го числа. Намъ это казалось невѣроятнымъ, и запугиванія насъ рабочими мы склонны были объяснять ихъ заинтересованностью въ скорѣйшемъ возвращеніи, въ виду наступленія сезона промысла на бѣлку. Но въ концѣ концовъ ихъ явная тревога оказала на насъ свое воздѣйствіе, тѣмъ болѣе что перспектива добираться до Усть-Майскаго селенія зимнимъ путемъ не сулила

ничего привлекательнаго. Поставивъ въ конечномъ пунктѣ проектнаго спуска столбъ съ приличной случаю надписью, которую Александръ не безъ изящества вырѣзалъ своимъ якутскимъ ножемъ, мы немедленно-же стали собираться въ обратный путь. В. Е. Гориновичъ, переваливший черезъ Джугджуръ 9-го сентября, долженъ былъ также въ этотъ день послѣдовать за нами, закончивъ съемку старой дороги на 136-й верстѣ.

Было облачно и сравнительно тихо. Но на половинѣ крутого подъема по зигзагообразной тропѣ внезапно повалилъ густой снѣгъ: въ какихъ нибудь 10 минутъ вся окрестность получила чисто зимній характеръ. На вершинѣ съ такой же внезапностью насъ встрѣтила сильная сѣверо-западная пурга, противъ которой съ великимъ трудомъ можно было устоять на ногахъ. Нельзя было поднять голову и открыть глаза: вѣтеръ швырялъ въ лицо непрерывной струей острыхъ, какъ иглы, снѣжинокъ. Пока я успѣлъ вынуть изъ футляра барометръ, руки окоченѣли такъ, что мнѣ не удалось записать тутъ же его показаній, а между тѣмъ термометръ при борометрѣ показывалъ всего лишь —0,5. (С.). Чѣмъ далѣе спускались мы по Кынгачангу, тѣмъ сила вѣтра все болѣе ослабѣвала, и у *Бомъ-Таса* въ 8 ч. вечера, гдѣ мы расположились ночевать, онъ уже не въ состояніи былъ помѣшать рабочимъ раскинуть палатки.

Прилагаю таблицу барометрическихъ показаній за время нашего пребыванія на перевалахъ Джугджура. Если незначительное число наблюденій въ каждомъ данномъ пунктѣ лишаетъ ихъ цѣнности въ качествѣ метеорологическаго матеріала, то, быть можетъ, они все-таки не останутся безполезными для сравненія съ наблюденіями будущихъ изслѣдователей этой части Станового хребта. Къ сожалѣнію, значеніе ихъ обезцѣнивается еще болѣе отсутствіемъ показаній температуры воздуха, такъ какъ—стыдно сказать—экспедиція позабыла захватить съ собою термометръ. Всѣ приведенныя въ статьѣ температуры составляютъ показанія барометрическаго

термометра. Нужно замѣтить, впрочемъ, что на стоянкахъ на сушѣ, а также въ лодкѣ по рѣкѣ барометръ обыкновенно оставался открытымъ достаточно долгое время (весьма не рѣдко болѣе часа), чтобы воспринять довольно близко внѣшнюю температуру. При вычисленіи абсолютныхъ высотъ по полученнымъ такимъ образомъ даннымъ, ошибка, полагаю, будетъ все таки менѣе грубой, если для температуръ воздуха брать показанія барометрическаго термометра, какъ это я дѣлалъ, а не соотвѣтствующія показанія аянской метеорологической станціи, такъ какъ положеніе Джугджура относительно морского уровня должно сильно сказываться на разницѣ его въ этомъ отношеніи съ Аяномъ. Долженъ сказать, сверхъ того, что у меня не было подъ рукой поправокъ къ нашему анероиду (Naudet № 630), такъ что при вычисленіи они во вниманіе не принимались. Но и тутъ ошибка не можетъ быть значительной: за время нашего пребыванія въ Аянѣ барометръ на уровнѣ моря показывалъ давленіе отъ 761 до 762 съ десятыми, слѣдовательно, поправка къ нему должна представлять весьма ничтожную величину, которая можетъ быть игнорируема безъ чувствительнаго ущерба для приблизительнаго опредѣленія высотъ.

21-го сентября. Мы прибыли въ Нельканъ. Мѣстечко было значительно оживленнѣе, чѣмъ въ первое наше посѣщеніе, благодаря только что приплывшимъ товарнымъ лодкамъ съ двумя, тремя десятками лямовщиковъ. Привезенные товары и продукты привлекли, кромѣ того, кочевавшихъ по близости тунгусовъ, спѣшившихъ заполучить муки и чаю въ счетъ предстоящей добычи бѣлки. Поигравъ въ карты и покутивъ здѣсь обыкновенно нѣсколько дней, лямовщики возвращаются на берестянкахъ на Алданъ; но на этотъ разъ имъ пришлось торопиться, такъ какъ не сегодня -завтра должна была показаться шуга. Мы продали своихъ лошадей и часть

излишней провизіи по весьма сходной для покупателей цѣнѣ[1]) и 23-го сент. отчалили отъ берега на своемъ шитикѣ, провожаемые ружейной пальбой гостепріимныхъ нельканцевъ. „Почетный киги" Уйбанъ Антоновъ убѣдительно просилъ насъ остановиться на ночлегъ въ его юртѣ на устьѣ Ватанги; мы согласились, и онъ уѣхалъ впередъ на вѣткѣ приготовиться къ нашей встрѣчѣ. Это приглашеніе не было безкорыстнымъ. Онъ обращался къ намъ съ просьбой выхлопотать ему кафтанъ за долголѣтнее служеніе въ званіи старосты и хотя не получилъ никакихъ обѣщаній, но, очевидно, разсчитывалъ расположить насъ къ таковымъ своимъ пріемомъ и подобающими въ такихъ случаяхъ приношеніями. Извѣстно, что тщеславіе и страсть къ знакамъ отличій въ такой-же мѣрѣ присущи дикарямъ, какъ и цивилизованному европейскому человѣку; якуты и тунгусы, если судить о послѣднихъ по примѣру Антонова и отчасти Карамзина, намекавшаго также намъ на кафтанъ, не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Первые имѣютъ особенное пристрастіе къ медалямъ, вторые, повидимому, предпочитаютъ кафтаны. Но, увы! надежды Антоновы разбились о шугу, внезапно хлынувшую уже поздно вечеромъ верстъ за 10 до Ватанги. Вѣтку его раздавило льдинами, и самъ онъ, выбравшись изъ воды на берегъ, поплелся домой пѣшкомъ. Та-же шуга вынудила и насъ причалить на ночлегъ, далеко не доѣзжая до его жилища.

24-го сентября. Шуга идетъ. Рабочіе говорятъ: еще двѣ, три ясныхъ ночи — и ходъ запретъ. Подрядчикъ Соловьевъ нѣсколько лѣтъ назадъ застигнутъ былъ рѣкоставомъ 22-го сентября

[1]) По 30 р. за лошадь. Онѣ были отпущены на подножный кормъ въ тайгу до Дмитріева дня, т. е. до 1 ноября; за это время на столько отъѣлись на *омнонъ* и *сибикте* (виды хвоща), что вполнѣ были годны на убой. (по 5 р. пудъ мяса). Для характеристики свойствъ якутской лошади не безъинтересенъ фактъ, сообщенный мнѣ прибывшими лѣтомъ 95 г. въ Якутскъ нельканцами: мой конь, самый смирный въ путешествіи, на столько одичалъ за $1^1/_2$ мѣсяца на свободѣ, что его вынуждены были застрѣлить, такъ какъ, не смотря на всѣ ухищренія, никакимъ образомъ нельзя было его поймать.

близъ Карпиля, а купецъ Силинъ и того ранѣе—близъ Селенды. Оба они покинули лодки, вернулись обратно въ Нельканъ и уѣхали оттуда на лошадяхъ. По убѣжденію рабочихъ, та-же перспектива предстоитъ и намъ, а потому, говорятъ они, не лучше-ли вернуться теперь-же? Вода нынче такъ мало, какъ давно не запомнятъ.

25-го сентября. Шуги нѣтъ. Ночь была не холодная, облачная и такой-же пасмурный день. (+4°).

26-го сент. Ночью морозъ. Утромъ въ 6 ч. 20 м.—6°, но шуги нѣтъ. Гребемъ, что есть мочи, поочередно всѣ, не исключая и насъ, „маленькихъ тойоновъ", какъ зовутъ рабочіе меня и В. Е. До половины восьмого сдѣлали 100 верстъ. Вечеромъ потеплѣло (+4° С.). Небо затянулось тучами.

27-го сент. Ночь теплая. Въ 7 часовъ утра темпер.+3°. Рѣка чиста. Съ 9 ч. до 11 сидѣли или, лучше сказать, вертѣлись на мели. Это было вер. въ 3-хъ, не доѣзжая р. Кумахи. Орудовали на всѣ манеры, но безуспѣшно. Рѣшили разгрести лопатами гальку и образовать такимъ образомъ каналъ, по которому, дѣйствительно, и вытащили лодку на глубину. Весь составъ команды, не исключая и казаковъ, работалъ въ водѣ, не скидая обуви и штановъ. Къ счастью, при облачномъ небѣ, мороза не было: терм. показываетъ тѣ же+3°. Тѣмъ не менѣе вымокшіе люди дрожали всѣми членами, и нѣкоторымъ я долженъ былъ вливать въ ротъ порцію спирта, такъ какъ они сами не могли этого сдѣлать, не расплескавъ изъ чашки почти всю жидкость. Обогрѣлись и обсушились въ домѣ Николая Бубякина. По его словамъ, мель, черезъ которую мы пробились, растянулась при теперешнемъ, необычайно низкомъ, уровнѣ воды, во всю ширь рѣки, и обойти ее нигдѣ нельзя. Шуга здѣсь проходила третьяго дня.

28-го сент. Съ устья Юдомы прётъ шуга. По словамъ Луки Бубякина, недѣлю тому назадъ пошла первая шуга изъ этой рѣки. Въ 9 ч. утра Т.—5° С. Все кругомъ бѣло. Уже дней 10, какъ выпалъ снѣгъ, покрывшій землю вершка на два. Забереги большіе,

саж. 8 и болѣе. Ледъ ихъ на столько твердъ, что можно свободно ходить, не опасаясь провалиться. Свободныя мѣста отъ льдинъ покрыты *„саломъ“*; грести трудно, лодка идетъ тяжело, тѣмъ болѣе, что всѣ эти дни дуетъ противный С. З. вѣтеръ. Дальше шуга все гуще и плотнѣе. Сломали два весла.

29-го сент. Вѣтеръ спалъ. Въ 9 ч. утра—3, 2°. Лавируемъ между льдинами, расталкивая ихъ шестами. У устья Чабды увидѣли лодку, вытащенную на берегъ и возившихся около нея людей. Это были мелкіе торговцы якуты, отправлявшіеся съ разнымъ товаромъ по тунгусскимъ стойбищамъ. Уже три дня, какъ они стоятъ здѣсь; забереги не пустили ихъ итти далѣе на бичевѣ. Послали человѣка на Усть-Маю за лошадьми и пока принялись сооружать нарты. Проживающій здѣсь старовѣръ утверждаетъ, что при ясномъ небѣ Мая должна стать этой ночью. Но „ежели Богъ помилуетъ“, то за завтрашній день еще успѣемъ проскочить до Алдана. Рабочіе смущены; они предлагаютъ высадиться на берегъ. Но мы рѣшаемъ плыть, пока окажется возможнымъ. Осталось всего 85 верстъ. Большія плотныя льдины до 4 вершковъ въ толщину шарпаютъ о тяжело двигающуюся, облѣпленную застывшимъ „саломъ“ лодку. Завидѣвъ впереди обширное пространство сплошной ледяной поверхности, мы налегаемъ на весла въ четыре руки на каждое и, разогнавъ лодку, пробиваемъ сквозь него путь.

По мѣрѣ наступленія темноты рабочихъ начинаетъ разбирать страхъ. Если случится наскочить на мель,—мы погибли: напоръ льдовъ перевернетъ лодку. Лучше остановиться, говорятъ они, и итти до Усть-Маи пѣшкомъ, а оттуда выслать за кладью скопческихъ лошадей. Эти люди, проводящіе на рѣкѣ чуть не половину всей своей жизни, при настоящихъ, казалось бы, ничего необычнаго не представляющихъ условіяхъ, теряются, впадаютъ въ малодушіе и преувеличиваютъ опасность. Мы стараемся ихъ успокоить, разъясняемъ и увѣряемъ, что серьезной опасности для нашей

жизни не можетъ быть.... Но наши успокоительныя рѣчи дѣйствуютъ на нихъ не надолго. Какъ то лодку повернули рулемъ наискось теченія, чтобы обойти льдины; набѣжавшая глыба слабо толкнула ее въ бокъ. Рабочіе загалдѣли на своемъ языкѣ. Больше всего волновались лоцманъ и Тимоѳей. В. Е. понялъ, что они сговариваются сойти на берегъ и такимъ образомъ или заставить и насъ сдѣлать тоже, или предоставить насъ собственнымъ силамъ. Казаки молчатъ и, повидимому, сочувствуютъ заговору. Мы спускаемся къ себѣ подъ крышу и совѣщаемся на счетъ тактики, какой слѣдуетъ держаться въ данномъ случаѣ.

Слышимъ: берутся за шесты, пихаютъ лодку къ берегу и разбиваютъ забережный ледъ.

— Вы *чего* это дѣлаете?

— Хотимъ приставать. Мы не съ тѣмъ нанимались, чтобы здѣсь погибать.

— Ладно, приставайте. Обойдемся и безъ васъ.

Взваливъ на спину свои подстилки, первыми вышли лоцманъ и Тимоѳей.

— Ну, кто хочетъ высаживаться,—выходи скорѣй! Намъ ждать некогда.

Въ нѣкоторой нерѣшительности потянулись еще двое, трое.

— Расторгуевъ, Жарковъ! Остаетесь или ѣдете съ нами?

— Ѣдемъ, ваше благородіе?

— Ты, Онисимъ, чего-жъ не сходишь?

— Я тоже ѣду съ вами.

— А вы, ребята, приходите на Усть-Маю, тамъ получите разсчетъ, какой вамъ слѣдуетъ. Отчаливай!

Иниціаторы заговора не ожидали такого оборота. Они были увѣрены, что, лишившись большей половины команды, тойоны не рискнутъ съ слабыми силами двигаться дальше и должны будутъ подчиниться ихъ рѣшенію.

— Ежели такъ, такъ и я не останусь, говоритъ Александръ, вспрыгивая поспѣшно въ лодку.

— Минъ да акары буолбапынъ,[1]) слѣдуя его примѣру, заявляетъ другой.

И пристыженные бунтовщики одинъ за другимъ полѣзли въ лодку.

30 сент. 2 часа по полуночи. Т.—5, 2° С. Плывемъ всю ночь при тускломъ свѣтѣ подернутой туманомъ луны, воюя съ льдинами шестами, баграми, а кто желѣзными лопатами. Въ половинѣ четвертаго остановились у Намудыра, укрѣпивъ лодку за вколоченные въ толстые забереги шесты. Луна зашла, настала темь, и мы не рискнули двигаться дальше, не посовѣтовавшись съ живущимъ по близости тунгусомъ Христофоромъ. Онъ совѣтуетъ обождать до разсвѣта: ниже пойдутъ мѣста съ большими скопленіями льдовъ; морозъ не великъ, и рѣка, по его мнѣнію, до утра еще не станетъ. Такъ и рѣшили поступить. Истомленные тревогой и усиленной работой, рабочіе, свернувшись калачиками, тотчасъ уснули.

6 часовъ утра. Т.—2, 5° С. „Туръ! Туръ! Пора отчаливать"! У *Суонъ-Бесътяхъ* наткнулись на непроходимое нагроможденіе ледяныхъ глыбъ. Съ трудомъ на шестахъ подались назадъ и подтянулись къ правому берегу. Здѣсь льды стиснули лодку съ боковъ и вынесли ее у устья *Охтанды* на чистое мѣсто. Къ полудню (Т.—1° С.) пошелъ густой снѣгъ. Грести тяжело: сало пристаетъ къ бокамъ лодки и къ весламъ, намерзая толстымъ слоемъ, который время отъ времени нужно сбивать. Верстахъ въ 10 отъ устья настигли сплошную, во всю ширину рѣки, ледяную площадь, которая медленно подвигалась впередъ, задерживаемая треніемъ о забереги. Пытались пробиться сквозь нее, но напрасно. Пока возились съ этимъ дѣломъ, набѣжавшія льдины повернули шитикъ кормой впередъ. Чтобы уйти отъ напора шуги, мы прорубили въ ледяномъ полѣ бухту, вошли въ нее и, сложивъ весла, шесты и багры, предоставили себя волѣ стихіи. Снѣгъ валитъ крупными хлопьями, впереди ничего не видать. Плывемъ съ страшной медлен-

[1]) Я тоже не дуракъ.

ностью—отъ 1 до $1^1/_2$ версты въ часъ. Костеръ на носу потухъ; дровъ нѣтъ,—ни чай вскипятить, ни согрѣться; за то спокойно: никому никакой работы. Большинство рабочихъ спитъ.

Седьмой день, какъ на нашихъ глазахъ происходитъ процессъ замерзанія рѣки. Мнѣ не случалось ранѣе интересоваться этимъ предметомъ, и я не знаю никакихъ теорій на этотъ счетъ. Но здѣсь моему наблюденію, не вооруженному соотвѣтствующей научной подготовкой, дѣло представлялось въ такомъ видѣ. Въ день отъѣзда изъ Нелькана уже были незначительные забереги; но рѣка была чиста и прозрачна,—такъ наз. *сала* на ней еще не было. Къ сожалѣнію я тогда не всматривался въ ея дно; только за Ватангой я обратилъ вниманіе на киселеобразныя массы на днѣ б. или м. круглой или продолговатой формы, объемомъ отъ кулака до полуаршина въ діаметрѣ. Однѣ изъ этихъ массъ вдругъ всплываютъ на поверхность, тогда какъ другія остаются прикрѣпленными къ дну. Всплывающія уносятъ съ собой гальку, отдѣльные камни которой, смотря по размѣрамъ увлекающей ихъ массы, величиной съ гусиное яйцо. Это такъ наз. грунтовой ледъ. Комья его особенно часто отрывались отъ дна и подымались на верхъ какъ будто-бы отъ ударовъ веселъ; по крайней мѣрѣ, по сторонамъ лодки, при энергичной работѣ гребцовъ, ихъ всплывало всегда болѣе, чѣмъ въ отдаленіи. Поднявшись, такой комокъ разжижается, камешки падаютъ обратно на дно, и самъ онъ расплывается по поверхности въ ту густоватую массу, которая называется саломъ. 28-го встрѣчались часто и не расплывшіеся комки, удерживавшіе въ себѣ камешки, что, быть можетъ, объяснялось понизившейся температурой верхнихъ слоевъ воды при—5° С. въ воздухѣ. Это было то-же сало, только болѣе густое. Отдѣльныя, болѣе сгущенныя его массы, скоро смерзались, образуя рыхлыя губчатыя глыбы, покрывавшіяся сверху вначалѣ незначительной толщины ледяной корой. Это и есть то, что мы называемъ шугой. По мѣрѣ своего уплотненія, уносимыя теченіемъ глыбы обламываютъ края забере-

говъ. и шуга въ дальнѣйшемъ своемъ движенiи является уже смѣсью льдинъ поверхностнаго и грунтоваго образованiя. Она становится все гуще, и, наконецъ, отдѣльныя, тѣсно сплоченныя льдины сковываются морозомъ въ сплошную массу, примерзающую къ заберегамъ,—и рѣка стаетъ. Можно сказать, слѣдовательно, что Мая, какъ и всѣ, вѣроятно, сибирскiя рѣки, замерзаетъ со дна, а не съ поверхности.

Въ половинѣ 6-го мы подходили къ устью. Открылось широкое, болѣе или менѣе свободное отъ шуги пространство. Несшая насъ ледяная масса разорвалась и образовала проходъ для лодки. Раздается крикъ казака: „туръ, туръ! тургенъ, тургенъ!"—Рабочiе повскакивали. Лоцманъ побѣжалъ къ рулю. Снѣгъ уже съ часъ какъ пересталъ. Передъ нами показалась совершенно чистая полоса Алдана. Вся команда пришла въ восторгъ, точно Колумбовы спутники, увидѣвшiе землю. Теперь ужъ мы внѣ опасности: мы вступаемъ въ свободную отъ льдинъ, спокойно колыхавшуюся поверхность алданской воды. Расторгуевъ, Жарковъ и Онисимъ подняли ружейную пальбу, сопровождавшуюся всеобщимъ неистовымъ „ура!" Команда налегла на греби по два человѣка на каждое, чтобы перерѣзать поперекъ рѣку. Гребцы напираютъ на весла всѣмъ корпусомъ, подпрыгивая на сидѣньѣ и оглашая воздухъ дружнымъ громкимъ гиканьемъ. Вотъ на горѣ показались устьмайцы. Они бѣгутъ къ берегу, размахивая шапками въ знакъ привѣта. Наша лодка быстро приближается къ селенiю. Обыватели встрѣчаютъ насъ изъявленiемъ радости по случаю счастливаго возвращенiя. Они уже думали, что насъ затерло шугой.... Староста хотѣлъ уже посылать людей на розыски.... „Ну, слава Богу! все обошлось благополучно".

Было около 7 ч. вечера. Раздавался благовѣстъ къ вечернѣ: завтра Покровъ.

Выѣхавъ изъ Усть-Майскаго селенія 3-го октября уже по санной дорогѣ на обывательскихъ, мы 5-го переѣхали р. Амгу по льду и далѣе на почтовыхъ были 7-го числа на берегу Лены у Боръ-Ыларскаго станка. Здѣсь перевоза не оказалось. Надо было ѣхать верстъ 20 сѣвернѣе на станокъ верхоянскаго тракта. Отсюда насъ направили еще верстъ за 10 къ старостѣ Тулунгинскаго наслега, обнадеживая, что тамъ должна еще быть переправа. Въ этомъ мѣстѣ материкъ узокъ, а протоки уже замерзли, и не далѣе какъ вчера былъ перевезенъ нарочный казакъ.

По всему этому побережью населеніе довольно густое и производитъ впечатлѣніе зажиточности. Жилища не разбросаны, а составляютъ не большіе, но частые поселки. Почти въ каждомъ дворѣ видны скирды хлѣба, но, судя по ихъ размѣрамъ, сѣютъ по немногу, какъ заявляли намъ, отъ 3-хъ до 10-ти пудовъ и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ больше. Былъ сильный вѣтеръ при морозѣ градусовъ въ 20° С. Приходилось разъ пять или шесть заходить въ юрты, чтобы обогрѣться или разспросить дорогу[1]). Вездѣ варятъ и ѣдятъ карасей, ловля которыхъ по озерамъ теперь въ самомъ разгарѣ. Юрты просторныя, высокія, прочно сложенныя изъ толстыхъ плахъ. Внутри чисто, полы мощеные, широкіе *ороны* устланы плетеньемъ (сёрѐ) изъ болотной травы, рѣзные шкафы съ посудой, цѣлые иконостасы въ углу.... Хотоны (помѣщеніе для скота) не рѣдко стоятъ отдѣльно отъ юртъ. Здѣшніе якуты пріятно поражаютъ своей относительной опрятностью, хорошей одеждой и вообще довольствомъ, которое для меня, прожившаго около трехъ лѣтъ среди намскихъ якутовъ, сразу же кидалось въ глаза. Но, не смотря на близость къ городу и къ скопческимъ селеніямъ, по-русски не говорятъ; кое-кто „мало мало слышитъ“, т. е. пойметъ несложный вопросъ, но отвѣтитъ на него обязательно по-якутски. Мы заночевали у тулунгинскаго старосты съ тѣмъ,

[1]) На Боръ-Ыларскомъ станкѣ не оказалось лошадей: пришлось ѣхать и далѣе съ тѣмъ-же ямщикомъ, который привезъ насъ сюда.

чтобы утромъ перебраться черезъ рѣку. Ледъ въ двухъ протокахъ, черезъ которыя нужно было перетаскивать лодку къ материку, уже достаточно окрѣпъ у береговъ ($3^1/_4$ вершка); но середина, замерзшая только этой ночью, еще очень слаба. Якуты предложили намъ, если мы торопимся, проломать ледъ, чтобы переправиться черезъ протоки по водѣ, либо обождать сутки—время, необходимое для того, чтобы середины достаточно промерзли. Такъ какъ пробивать каналъ пришлось бы на разстояніи въ общемъ саж. 250, то мы предпочли обождать до завтраго, что, по увѣренію якутовъ, нисколько не ухудшитъ условій переправы черезъ материкъ[1]).

Юрта старосты, въ которой мы провели двѣ ночи, построена изъ массивныхъ лиственничныхъ плахъ въ обычной у якутовъ формѣ усѣченной пирамиды. Снаружи она обмазана глиной съ навозомъ четверти на двѣ толщиной. Вокругъ подъ стѣнами широкія низкія нары *(оронъ)*, раздѣленныя перегородками на отдѣльныя спальныя мѣста. Почти по серединѣ, нѣсколько ближе къ передней стѣнѣ, камелекъ, сооруженный на кругломъ, аршина два въ діаметрѣ основаніи изъ земли, набитой во вкопанное на половину въ полъ полубочье. Онъ сложенъ изъ жердей, поставленныхъ почти отвѣсно, съ незначительнымъ уклономъ назадъ и обмазанъ толстымъ слоемъ глины. Его широкое устье, при весьма узкомъ трубномъ отверстіи, обнимаетъ почти половину основанія. Топятъ крупноствольнымъ тальникомъ, которымъ изобилуютъ острова Лены. Лиственница по близости уже истреблена на отопленіе города и двухъ скопческихъ селеній, Большая и Малая Мархи. Огонь въ камелькѣ поддерживается постоянно; даже ночью, когда дрова догорятъ, и температура въ юртѣ сильно понизится, кто нибудь встаетъ, подкладываетъ полѣнья и раздуваетъ пламя. Передняя и правая отъ входа стѣны—безъ оконъ, въ остальныхъ по три окна въ полъ-аршина высоты и въ $1^1/_2$ четверти ширины. Рамы стеклян-

[1]) Такъ мѣстные жители называютъ главное русло рѣки.

ныя, безъ приставленныхъ пока еще снаружи льдинъ, но ледяныя плиты у многихъ стоятъ уже заготовленными на протокѣ. Потолокъ перекрещенъ въ разныхъ направленіяхъ полками изъ частаго переплета тонкихъ березовыхъ тесинъ. Тутъ помѣщается посуда изъ бересты, тонко нащепленная лучина, сушится для разныхъ подѣлокъ береза; сюда-же кладутъ, раздѣваясь на ночь, одежду. На право у высокой, почти до потолка, досчатой переборки, отдѣляющей женское помѣщеніе отъ мужского,—шкафъ съ чайной посудой, тарелками, оловянными и серебряными ложками и т. д. Въ лѣвомъ углу надъ орономъ почти въ сажень длины—полка, въ одинъ рядъ уставленная иконами съ прилѣпленной у каждой изъ нихъ восковой свѣчей. Тутъ-же большой четырехугольный столъ, выкрашенный въ красную и зеленую краску. Другой—круглый, съ выточенными на подобіе лошадиныхъ копытъ ножками, стоитъ близъ шкафа. Передъ камелькомъ нѣсколько табуретовъ (олохъ-масъ) изъ тальника почти всегда заняты грѣющимися у огня изъ семьи или изъ приходящихъ. Гладкіе, точно отполированные массивные столбы кругомъ юрты, подпирающіе вѣнецъ крыши, образуютъ какъ-бы колоннаду, которая придаетъ помѣщенію оригинальный, въ своемъ родѣ даже эффектный видъ. На столбахъ воткнуты колышки въ формѣ птичьихъ головокъ, служащіе вѣшалками для платья. Хотоновъ два; одинъ изъ нихъ, для дойныхъ коровъ и молодятника, пристроенъ къ юртѣ, но имѣетъ особый ходъ со двора. Какъ это жилье, такъ и всѣ прочія, расположенныя на островахъ между протоками Лены, —зимнія помѣщенія якутовъ. При скотоводческомъ хозяйствѣ переселеніе съ лѣтниковъ на зимники имѣетъ весьма существенное удобство: гораздо проще переѣхать семейству съ его несложнымъ имуществомъ и со скотомъ поближе къ стогамъ сѣна, чѣмъ тратить время и трудъ на перевозку послѣдняго часто за много верстъ. Въ предохраненіе отъ разрушительнаго дѣйствія разливовъ, выбираютъ для построекъ мѣста тихаго теченія среди тальниковой поросли, ослабляющей

напоръ ледохода. Въ прошлую весну (1894 г.) вода унесла половицы нашей юрты и совсѣмъ размыла камелекъ. Такія разрушенія представляютъ, впрочемъ, рѣдкое явленіе; но каждую осень хотонъ и юрту приходится обмазывать, а при плохой обмазкѣ стѣны снаружи необходимо покрывать разжиженнымъ въ водѣ снѣгомъ, отчего получается сплошная ледяная корка, задерживающая внутри тепло.

Семья старосты состоитъ изъ 10 душъ мужчинъ и женщинъ и двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Съ трехлѣтней дѣвочкой нянчились всѣ и обращались очень нѣжно,—черта, свойственная всѣмъ якутамъ, отличающимся вообще гуманнымъ и заботливымъ отношеніемъ къ своимъ дѣтямъ. Взрослые имѣютъ свои особыя мѣста на оронѣ, на которомъ у ногъ стоятъ небольшіе сундуки съ личнымъ имуществомъ каждаго члена семьи. Помѣщеніе хозяйки и двухъ старухъ задергивается на ночь пестрыми ситцевыми занавѣсками. Старухи—тетки, дряхлыя, молчаливыя, не сходятъ съ своихъ мѣстъ: одна слѣпая неподвижно сидитъ весь день, какъ истуканъ; другая мнетъ заячьи шкурки. Но остальная женская часть семьи обнаруживаетъ гораздо больше дѣятельности, чѣмъ мужская. Бабы вѣчно заняты то уходомъ за коровами, то очищеніемъ хотоновъ отъ навоза, то возней съ наполненными молокомъ чибишахами и варкой пищи. Хозяинъ за время нашего пребыванія не дѣлалъ буквально ничего и много спалъ; другіе изъ мужчинъ больше слонялись изъ юрты въ юрту, разузнавали и приносили домой свѣжія новости. По вечерамъ хозяинъ усаживался у камелька, поворачиваясь къ огню то той, то другой стороной, распаривая такимъ образомъ разныя части своего тѣла. Около него собиралась постоянно мѣнявшаяся по своему составу группа: одни уходили, другіе приходили,—и разговорамъ не было конца. Нашъ казакъ подвергался обстоятельному допросу: зачѣмъ мы ѣздили въ Аянъ, что мы видѣли по пути, скоро ли станутъ строить дорогу и—что, кажется, интересовало ихъ всего болѣе—сколько мы получаемъ жалованья и хо-

рошо ли нагрѣли руки въ этой камандировкѣ. Среди якутовъ циркулируетъ слухъ о переселенiи въ область большихъ массъ русскихъ крестьянъ. Это ихъ очень тревожитъ, такъ какъ, по объясненiю старосты, у нихъ и безъ того стѣсненiе въ землѣ. Моему отрицанiю справедливости подобныхъ слуховъ не придали никакого довѣрiя. Я слышалъ, какъ одинъ изъ присутствующихъ, не подозрѣвая, что я могу понять его, сказалъ *„семiе“* (вретъ); а другой, подтверждая замѣчанiе перваго, выразился еще рѣшительнѣе: *„кини кырдыгы этенъ кярiэтя атыръ-огусъ бiени батыэ-этя. (скорѣе поросъ случится съ кобылой, чѣмъ онъ тебѣ правду скажетъ)“*. Не дѣлая обобщенiй, нельзя не замѣтить, что въ этомъ чрезвычайно характерномъ для якута сравненiи сказывается глубокое недовѣрiе къ русскому человѣку, носящему званiе чиновника[1]).—Разговоры прекращались часовъ въ десять, публика расходилась, и семья располагалась спать. Нѣкоторые снимали при этомъ рубахи, а иные укладывались въ полномъ deshabillé. Эту привычку объяснили мнѣ обилiемъ блохъ и вшей, которыми въ особенности кишатъ грязное бѣлье и юрты бѣдняковъ. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ мнѣ не приходилось проводить спокойной ночи у якутовъ. Правда, они не издаютъ громкаго русскаго храпа, за то всю ночь вы слышите разговоры и пѣнiе сквозь сонъ. Порою подымается цѣлый концертъ дребезжащихъ, завывающихъ звуковъ, способный разсѣять, какой угодно, богатырскiй сонъ усталаго путешественника. Эту оживленную дѣятельность внѣ сознанiя обнаруживаетъ, кажется, преимущественно мужской полъ: по крайней мѣрѣ, я ни разу не слыхалъ разговаривающими или поющими спящихъ женщинъ. Утромъ съ разсвѣтомъ прежде всего просыпаются молодыя бабы и принимаются за свои хозяйственныя хлопоты. Я не замѣтилъ, чтобы онѣ умывались; но хозяинъ смачивалъ лицо водой и вытиралъ его подоломъ своей рубахи, которую подсушивалъ потомъ у

[1]) За какого они меня принимали.

камелька. Онъ зажигалъ передъ иконами свѣчи, и мужчины становились на молитву, крестясь и дѣлая частые мелкіе поклоны. Затѣмъ свѣчи тушились; всѣ усаживались за столъ, на которомъ стоялъ большой ведерный самоваръ. Только старыя тетки оставались на своихъ оронахъ, да молодухи продолжали суетиться, временами присаживаясь въ сторонѣ, чтобы выпить между дѣломъ чашку чаю. Разливаніемъ занималась хозяйка. Пили съ молокомъ (безъ сахару) съ ячменной лепешкой, обмакивая куски ея въ миску съ взбитыми сливками *(кыэрчагъ)*. Второй разъ чаевали въ полдень, опять съ лепешкой и съ *хаяк'омъ*—замороженная смѣсь пахтанья, молока и сливочнаго масла. Обѣдали уже въ сумерки, часовъ около четырехъ. Прямо на столъ вываливались изъ миски вареные коровьи потроха. Хозяинъ разрѣзалъ мясо на куски и самъ же распредѣлялъ порціи, составляя ихъ изъ разныхъ сортовъ потроховъ. Женщины, кромѣ хозяйки, сидѣвшей за столомъ, получали свои порціи прямо въ руки и уходили за перегородку. Ѣли, по обыкновенію у якутовъ, захватывая кусокъ губами и отрѣзая его каждый разъ ножемъ у самыхъ губъ. Старухамъ подавали на оловяныхъ тарелочкахъ. Одна изъ тетокъ пользуется, повидимому, особеннымъ почетомъ: къ ней придвинули маленькій круглый столикъ, и, пока она ѣла въ своемъ темномъ углу, молодуха свѣтила ей, держа въ рукѣ зазженную лучину. Часовъ въ 8 вечера снова пили чай и ѣли карасей, вареныхъ вмѣстѣ съ внутренностями (безъ желчи), при чемъ съѣдалось рѣшительно все, кромѣ костей. Послѣ каждой трапезы начиналось обязательное у якутовъ всеобщее громкое рыганье на всю юрту.

Иванъ Николаевъ изъ состоятельныхъ, но не изъ богатыхъ тойоновъ. Скота у него 100 штукъ, не считая годовалыхъ и двухъ-годовалыхъ телятъ. Хлѣба сѣетъ 20 пудовъ; урожай въ настоящемъ году вышелъ мѣстами средній (самъ 5—самъ 6), мѣстами выше средняго. Сѣна вездѣ хороши и обильны. Степень состоятельности Николаева должно быть, однако, значительнѣе,

чѣмъ можно судить но количеству скота и продукта земледѣльческаго хозяйства; слѣдуя меркатильному духу своего племени, онъ занимается всякаго рода гешефтами, которые даютъ ему нѣкоторый и, вѣроятно, не ничтожный, доходъ. Такъ, большая часть хлѣба раздается имъ родовичамъ за подряды по уборкѣ будущаго урожая, заготовкѣ дровъ для продажи скопцамъ и другія работы. Недохватку для собственнаго потребленія ему выгоднѣе прикупить у тѣхъ же скопцовъ на наличныя деньги. У него можно найти дабу, ситецъ, табакъ и еще кое-какой товаръ, который расходится среди сосѣдей въ долгъ подъ масло, молоко, мясо; на перепродажѣ этихъ продуктовъ въ городѣ онъ, конечно, наживаетъ извѣстный процентъ. Очень можетъ быть, что даже изъ нашего пребыванія у него онъ извлечетъ нѣкоторую выгоду, такъ какъ между инородцами принято, что староста взыскиваетъ со всего наслега мнимые или дѣйствительные расходы по пріему чиновныхъ гостей. У него сохранилось истрепанное, засаленное „*Наставленіе старостѣ*“ изданія 40-хъ годовъ, отпечатанное на грубой синеватаго цвѣта бумагѣ[1]), а по стилю относящееся скорѣе къ прошлому столѣтію. Я привожу изъ этого рѣдкаго теперь документа нѣкоторые пункты, такъ какъ слабыя стороны якутской жизни, обличаемыя въ нихъ, подмѣчены весьма вѣрно и остаются въ силѣ и по настоящее[2]) время.

1-е. Обязываешся ты какъ сынъ Христовой церкви вести добропорядочную жизнь и блюсти, чтобъ ввѣренные управленію твоему сородцы укрѣплялись въ вѣрѣ православной чрезъ познаніе Бога внушаемаго Священнымъ ученіемъ, удаляясь шаманскихъ внушеній и обычаевъ, противныхъ Христіанину; непремѣнно возбронять безбрачное сожитіе по Якутскому обычаю, съ давнихъ временъ введенное между якутами и дозволяемыя вопреки чести и закона еще въ малолѣтствѣ совокуплять мужеской полъ съ женскимъ.

[1]) Имѣется въ библіотекѣ Якут. музея.

[2]) Сохраняю правописаніе подлинника.

2-е. Недопущать родовичей твоихъ до распутства, пьянства, грабежей, воровства, строго преслѣдуя и искореняя сіи закоснелыя пороки и обретенныхъ въ винахъ сихъ по мѣрѣ внушеніемъ или наказаніемъ предотвращать.

4-е. Опыты изъ дѣлъ производимыхъ въ присутственныхъ мѣстахъ Якутской области показали, что какъ самые родоначальники и ихъ зажиточные сородцы часто вовлекались въ излишніе съ общественниковъ своихъ поборы подъ видомъ раскладокъ, во мзду себѣ сборъ таковой употребляли на подносимыя подарки въ лихву себѣ и другимъ лицамъ: обязываешся ты по долгу присяги всемѣрно отъ сего удаляться и настоятельно подобныя поборы воспрещать въ случаѣ законной за тобой строгой наказанности. Соблюдая сіе обязанъ ты еще: а) отнюдь не допущать, чтобы одно лицо бралось платить за многихъ Государственныя подати и общественныя повинности, чтобъ кромѣ десятскихъ, опредѣленныхъ къ сбору податей, отнюдь ни ктобы не смѣлъ взыскивать съ родниковъ податей, а каждый родникъ лично-бы и по одиночкѣ платилъ сборщику податей прищитывался съ нимъ.

5-е. Дѣла показываютъ, сколь якуты вообще наклонны къ производству тяжебъ, оканчивающихся въ послѣдствіи одними только издержками для самихъ исцовъ значительными, ибо вопервыхъ сочиненіи просьбъ слѣдствія по симъ жалобамъ чиновниковъ служащихъ только къ обремененію въ переѣздахъ самыхъ сородцовъ, вовторыхъ объявленія неудовольствія аппеляцій по переносѣ изъ одного судебнаго мѣста дѣла въ другое ни къ чему не ведетъ какъ токмо къ издержкамъ и обремененію напрасному перепискою. Обязанъ ты стараться, чтобъ до подобныхъ дѣлъ ввѣренныхъ попеченію твоему инородцевъ не допускать, а стараться миролюбно прекращать между ими всякую вражду и распри....

6-е. Между сородцами твоими конечно могутъ встрѣтится и такіе изъ нихъ, которые забывъ Бога и совесть по одной только ненавистной злобѣ, корысти ради будутъ производить воровство

скота между жилищами якутовъ[1]) и неоднократно въ семъ замѣченные сами инородцами должны быть удаляемы отъ общества по приговорамъ, какъ нетерпимые разорители своихъ собратій...

9-е. Правительство желало, чтобъ якуты для собственнаго своего и родовичей спокойствія старались обзаводиться строеніемъ сообразно русскимъ крестьянскимъ жилищамъ и тѣ которые хотели знать пользу жилищъ русскихъ устроили оные, но обычай кочевной ихъ жизни судя по мѣстности и занятіямъ якутовъ въ приспособленіи содержанія своего скотоводства, почти лишилось надежды думать, чтобъ якуты устроились въ жизни своей въ наслѣгахъ какъ русскіе крестьяне деревнями, то по крайней мѣрѣ обязанность твоя какъ родоначальника состоять будетъ въ томъ, чтобъ понудить твоихъ родовичей къ заведенію чисто устроенныхъ юртъ, и такъ, чтобъ хотоны ихъ имѣли особой для скота входъ и выходъ, а не черезъ ту самую юрту, въ которой расположено жительство семейства якута, отъ каковой неопрятности, нечистоты и зловонія не возможно и на малое время остановиться въ юртѣ, чтобъ не пріобщить къ себѣ запаха коровьяго пота, такъ сильно поражающаго, что можетъ повредить здоровьѣ человѣка, отъ сего то самаго какъ замѣчено и сами привыкшіе къ нему сородцы не имѣютъ здороваго тѣлосложенія.

10-е. Никто изъ подчиненныхъ тебѣ родовичей своевольно отъ жительства отлучаться недолженъ и сего тебѣ недозволять, ослушниковъ таковыхъ сыскивать и за то по мѣрѣ вины наказывать, но при семъ надлежитъ тебѣ обращать вниманіе, не было-ли причиною своевольнаго переселенія родовичей крайность въ пропитаніи отъ непризрѣнія бѣдныхъ и неимущихъ сородцовъ твоихъ, то въ такомъ случаѣ не мѣру наказанія на нихъ полагать должно, но призрѣть таковыхъ раздѣленіемъ къ зажиточнымъ родовичамъ, показавъ въ семъ случаѣ примѣромъ самого себя, ибо замѣчено безпрестанно усиливающееся нищенство въ особенности

[1]) Этотъ пунктъ можетъ относиться собственно къ подгороднымъ наслегамъ.

въ городѣ; отвратить мѣру сію никто болѣе неможетъ какъ сами родовичи ихъ наслѣговъ. отъ коихъ они удаляються для мирскаго пропитанія. до такой крайности ты обязанъ сородцевъ не допускать, а пропитывать сказанными средствами. ибо замѣчено, что состояніе бѣдныхъ якутовъ промышляющихъ работою неисправляется, а болѣе бѣднѣетъ отъ того, что въ производствѣ имъ платы за работу состоятельными якутами несоблюдается ни порядка, ни сострàданія, ибо работники у якутовъ никогда платы своей не получаютъ деньгами или цѣнными вещами. а болѣе производится имъ оная изношеннымъ платьемъ и скотскими шкурами, кои изнашиваясь въ той-же работѣ, бѣднаго сего якута заставляютъ быть вѣчнымъ работникомъ богатаго сородца его, почему поручается тебѣ, какъ родоначальнику строго соблюдать, дабы зажиточные якуты не отягощали бѣдныхъ въ производствѣ имъ платы.

11-е. А какъ примѣры начальниковъ дѣйствуютъ надъ подчиненными убѣдительнѣе, нежели мѣры строгой взыскательности надъ умами подчиненныхъ, то обязанъ ты какъ староста твоего рода самъ ни какихъ обидъ, притесненій, налоговъ, взятокъ ни для свойства, ни корысти ради и по прихоти не дѣлать подъ строгою отвѣтственностью и по законамъ опредѣленнаго наказанія.

9-го октября съ утра стали собираться къ переправѣ. Это была довольно сложная процедура. Нужно было перетащить двѣ большія лодки, нагруженныя нашею кладью, на протяженіи $1^1/_2$—2 верстъ черезъ двѣ замерзшія протоки и песчаные острова къ материку. Сговорились съ якутами за 15 руб. Орудовали человѣкъ десять съ помощью быка, впряженнаго въ дровни, на которыхъ лежалъ носъ лодки. Главное русло уже замерзло на 100—120 саж. отъ берега. Забереги, гладко обточенные огромными льдинами плывущей шуги, достигаютъ четвертей до $2^1/_2$ толщины. Лодки были спущены въ воду, но съ переправой якуты рѣшили обождать, пока не разсѣется густой туманъ, изъ-за котораго дальше

нѣсколькихъ саженъ ничего нельзя было видѣть. Прошло около часу.—туманъ не только не рѣдѣлъ, а временами становился еще гуще. Дулъ порядочный вѣтеръ при морозѣ свыше 20° С. Костра развести нечѣмъ, —вездѣ голо: одинъ песокъ да ледъ. Якуты. одѣтые налегкѣ, сильно продрогли. „Если тойоны не боятся. мы готовы ѣхать", говорятъ они намъ. Мы выражаемъ согласіе и усаживаемся въ лодки. Перевозчики оказались молодцами и, глядя, какъ они ловко и скоро справлялись съ своимъ дѣломъ, мы поминали лихомъ нашихъ трусливыхъ майскихъ рабочихъ. Лодки быстро сновали просвѣтами между двигавшимися островами обширныхъ льдинъ. Въ то время какъ одни со всѣхъ силъ напирали на весла, другіе съ шестами и баграми отталкивались отъ налетавшихъ глыбъ. Все это дружно, быстро и смѣло. Черезъ полъ-часа мы переѣхали материкъ шириною здѣсь не болѣе $1^1/_2$ верстъ и карабкались на обрывистую песчаную кручу берега. Забереги здѣсь самыя ничтожные, а шуга движется съ замѣтно большей скоростью, чѣмъ на срединѣ и на противуположной сторонѣ. Принимая при этомъ во вниманіе, что фарватеръ уклоняется въ данномъ мѣстѣ къ лѣвому берегу, невольно приходишь къ мысли о возможности опредѣлить направленіе фарватера посредствомъ наблюденія надъ замерзаніемъ рѣки. Такъ какъ берега и вообще болѣе мелководныя ея мѣста замерзаютъ ранѣе, то остающаяся наиболѣе продолжительное время не замерзающей полоса и должна обозначить направленіе фарватера. Наши перевозчики подтверждаютъ такое заключеніе, и—по ихъ словамъ—эта полоса становится обыкновенно не ровной ледяной поверхностью, а торосомъ, что весьма упрощаетъ нанесеніе ея на карту.

Отсюда пройдя версты четыре пѣшкомъ до Тулунгинскаго станка намской дороги и поручивъ прибрежнымъ якутамъ доставить вещи на быкахъ, мы на обывательскихъ лошадяхъ того-же дня прибыли въ городъ.

Кромѣ настоящихъ „Записокъ“, а также проекта дороги, представленннаго г. Иркутскому Генералъ-Губернатору, дѣятельность экспедиціи выразилась въ слѣдующихъ картографическихъ результатахъ:

1) Глазомѣрная съемка р. Маи отъ устья до мѣстечка Нельканъ (провѣрена и исправлена карта 1850 г. на протяженіи 330 в. и снята вновь на 240 в., т. е. вплоть до Нелькана).

2) Полуинструментальная съемка старой нелькано-аянской дороги на разстояніи 136 в. съ барометрической нивеллировкой.

3) Планъ, а также продольный и детальный профиля проектнаго спуска съ Джугджурскаго хребта но перевалу Кынгачангъ-Альдома и

4) Глазомѣрная съемка путей черезъ перевалы Нингмагичангъ-Быранджа и Одору-Челасинъ.

Яковъ Стефановичъ.

Якутскъ—Иркутскъ,
1895 г.

Барометрическія наблюденія.

На перевалѣ Кынгачангъ-Альдома. 1884 года.

(Большой анероидъ Naudet № 630. Терм. С.).

Число мѣсяца.	Мѣсто наблюденія.	Время.	Барометръ.	Термометръ.	Направленіе вѣтра.	Состояніе атмосферы.
31 авг.	У *Бомъ-Таса* на 124 вер.	7 ч. 30 м. вечера	691,7	11,5°	Ю. В.	облачно, дождь
1 сент.		8 ч. 40 м. утра	692,0	3°	Ю. В.	слабый снѣгъ
1 сент.		10 ч. 55 м. утра	688,5	5°	Ю. В.	облачно
1 сент.	На 129 в. и 250 с.	12 ч. 45 м. дня	683,7	10°	Ю. В.	ясно
2 сент.		9 ч. утра	681,5	3°	—	облачно
2 сент.		8 ч. 30 м. вечера	681,5	0°	—	—
3 сент.		8 ч. 30 м. утра	678,0	1,5°	—	ясно
3 сент.		9 ч. вечера	683,5	0°	нѣтъ	ясно
4 сент.		7 ч. 45 м. утра	684,5	0°	Ю. З. слабый	облачно
5 сент.		7 ч. утра	686,5	4°	нѣтъ	густой туманъ
6 сент.		7 ч. утра	690,5	4°	нѣтъ	туманъ
6 сент.		8 ч. вечера	689,8	1°	—	—
7 сент.		8 ч. 20 м. утра	689,0	4°	вѣтеръ (?)	ясно
7 авг.	На вершинѣ перевала 130 вер.	11 ч. 20 м. дня	692,5	32°	тихо	ясно
2 сент.		4 ч. 50 м. вечера	674,5	5°	перемѣн.	ясно

Число мѣсяца.	Мѣсто наблюденія.	Время.	Барометръ.	Термометръ.	Направленіе вѣтра.	Состояніе атмосферы.
7 сент.	На вершинѣ перевала 130 вер.	10 ч. 45 м. утра	683,0	10°	перемѣн.	ясно
14 сент.		5 ч. 10 м. вечера	670,5	—0,5°	С. З.	сильная пурга
7 сент.	Въ лощинѣ Альдомы на 133-й вер.	1 ч. 45 м. дня	712,5	17°	вѣтеръ (?)	ясно
8 сент.		7 ч. 30 м. утра	706,5	5,5°	С. В.	ясно
8 сент.		7 ч. 20 м. вечера	704,0	8°	С. В.	ясно
9 сент.		7 ч. 30 м. утра	703,5	6,5°	перемѣн.	облачно, дождь
10 сент.		8 ч. 15 м. утра	703,7	1°	С. З.	облачно
11 сент.	Въ лощинѣ Альдомы на 133-й вер.	7 ч. утра	697,5	4°	С. З.	ясно
12 сент.		7 ч. 10 м. утра	699,5	4°	перемѣн.	ясно
12 сент.		5 ч. 30 м. вечера	701,9	2,5 °	перемѣн.	ясно
13 сент.		7 ч. 5 м. утра	704,5	2°	Ю. В.	снѣгъ
14 сент.		2 ч. 30 м. дня	701,5	6°	Ю. В.	облачно
14 сент.	У подошвы крутизны 131-я вер.	3 ч. 55 м. дня	687,5	7,5°	С. З.	снѣгъ

На вершинѣ Джугджура у перевала «Крестяхъ».

Число мѣсяца.	Мѣсто наблюденія.	Время	Барометръ.	Термометръ.	Направленіе вѣтра.	Состояніе атмосферы.
4 авг.	Вершина перевала „Крестяхъ“	10 ч. 6 м. утра	670,0	25°	слабый вѣтеръ	ясно
4 авг.	На сѣвер. горѣ	11 ч. 15 м. утра	655,0	23,5°	слабый вѣтеръ	ясно
4 авг.	На вершинѣ [illegible]	12 ч. 30 м. дня	648,5	20°	слабый вѣтеръ	ясно

На перевалѣ Одору-Озерная (Кёллахъ)—Челасинъ.

Число мѣсяца.	Мѣсто наблюденія.	Время.	Барометръ.	Термометръ.	Направленіе вѣтра.	Состояніе атмосферы.
22 авг.	У восточн. подошвы крутого подъема	11 ч. 5 м. утра	694,6	23°	нѣтъ	ясно
22 авг.	(Тамъ-же), нѣсколько выше	11 ч. 9 м. утра	693,0	23°	нѣтъ	ясно
22 авг.	Нѣсколько выше	11 ч. 15 м. утра	689,7	23°	нѣтъ	ясно
22 авг.	Еще нѣсколько выше	11 ч. 24 м. утра	687,8	23°	нѣтъ	ясно
22 авг.	На верхней точкѣ	11 ч. 29 м. утра	686,9	22°	нѣтъ	ясно
22 авг.	Тамъ-же	12 ч. дня	686,6	20,5°	нѣтъ	ясно
22 авг.	На половинѣ спуска къ озеру	11 ч. 40 м. утра	688,7	21°	нѣтъ	ясно
22 авг.	Тамъ-же	12 ч. 10 м. дня	689,5	21,5°	нѣтъ	ясно
22 авг.	У берега озера	12 ч. 17 м. дня	693,9	20°	слабый З.	ясно
23 авг.	У восточ. подошвы крутого подъема	12 ч. 50 м. дня	699,5	31,5°	нѣтъ	ясно
23 авг.	Тамъ-же	2 ч. 32 м. дня	699,5	30°	нѣтъ	ясно
23 авг.	На подъемѣ	2 ч. 50 м. дня	693,0	29°	нѣтъ	ясно
23 авг.	На вершинѣ	3 ч. 16 м. дня	691,0	27°	нѣтъ	ясно
23 авг.	У берега озера	3 ч. 25 м. дня	696,8	25°	слабый З.	ясно
23 авг.	На откосѣ южнаго гольца	3 ч. 48 м. дня	694,8	25°	слабый З.	ясно
23 авг.	Тамъ-же выше	3 ч. 55 м. дня	693,2	24,5°	слабый З.	ясно
23 авг.	У озера, на мысѣ южнаго берега	8 ч. 55 м. вечера	692,9	11°	тихо	ясно

Число мѣсяца	Мѣсто наблюденія.	Время.	Барометръ.	Термометръ.	Направленіе вѣтра.	Состояніе атмосферы.
24 авг.	Тамъ-же	7 ч. 45 м. утра	692,5	6°	тихо	ясно
24 авг.	Тамъ-же	12 ч. 55 м. дня	696,5	35°	тихо	ясно
24 авг.	На оконечности мыса, у самаго озера	1 ч. 15 м. дня	697,8	35°	тихо	ясно
24 авг.	У истока р. В. Джегдакуинджи	1 ч. 47 м. дня	697,2	31°	тихо	ясно
24 авг.	Тамъ-же, саж. 200 далѣе	2 ч. 40 м.	698,0	28°	тихо	ясно
24 авг.	Урочище *Сгель-ыябытъ*	3 ч. дня	699	28°	тихо	ясно

Замѣченныя наиболѣе крупныя опечатки:

Стр. 10, примѣч. 1.—Вмѣсто „половина оклада“ слѣдуетъ „половиннаго оклада“.

Стр. 143, примѣчаніе.—Въ скобкахъ „Ю. З.“, „ „Ю. В.“.

Стр. 154, строка 5-я.—Напечатано „Итоти“ „ „Итоги“.

Стр. 157, строка 1-я—Напечатано „доръ“, „ „догоръ“.

Предыдущій выпускъ «Записокъ» Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества **(„Очерки крайняго сѣверо-востока Сибири“ г. Шкловскаго)** помѣченъ 1, слѣдуетъ читать—**2.**

КАРТА
НЕЛЬКАНО-АЯНСКАГО ТРАКТА
и
ДЖУГДЖУРСКИХЪ ПЕРЕВАЛОВЪ.
Бывшій трактъ Россійско-Американской К°. и проектъ направленія пути г. Сикорскаго.
Одору-Челасинъ-Игникан. направленіе.
Приближенныя абсолютныя высоты отмѣченныхъ цифрами пунктовъ въ футахъ.
0. Гора Ландоръ-Неготни (П. А. Сикорскій) . . 1575
1. Аянъ 33
2. Перевалъ Уйскій 1349
3. Мѣсто бывшей Альдом. ст. 577
4. Устье р. Нингмагичанъ 791
5. Мѣсто бывшей Джугджурской ст. 1480
6. Перевалъ „Казенный“ 3247
7. Бомъ-Тасъ 2577
8. Мѣсто бывш. Челасин. ст. 1756
9. Мѣсто склада экспедиціоннаго провіанта . . 1723
10. Перевалъ Быранджа-Нингмаг. 3120
11. Перевалъ Крестяхъ 3267
12. Сѣвер. голецъ перевала Крестяхъ 4211
13. Домъ В. Карамзина 1956
14. Вершина р. Челасина 2866
15. Устье р. М. Джегдакуинджи 2359
16. Урочище Сіель-ыябытъ 2577
17. Озеро у истока Б. Джегдакуинджи 2724
18. Перевалъ Одору Сѣвер. 2969
19. Сліяніе Б. и М. Одору 1050
м. Нельканъ
р. Мая
Уй
Джегдала
Челасинъ
ст. Джугъ
Аллангджа
Одору
Аянъ
Масштабъ
Въ Английск. дюймѣ 25 вер.
0 5 10 15 20 25 50 75

Рис. 1й

Фигурное письмо на скалахъ Кыллахъ.

Рис. 2й

Пещеры.

„Чертово жилище" съ чертежа отца Василія Мальцева.

Озеро

Корридоръ

Кор.

Кор.

Болотце

Кор.

грудьі камней

Кор.

Озеро

Мая

Озеро,

по мнѣнію от. В. Мальцева ниже уровня Маи.

Рис. 5й

Лице вырѣзанное на стволѣ дерева.

Рис. 3-й

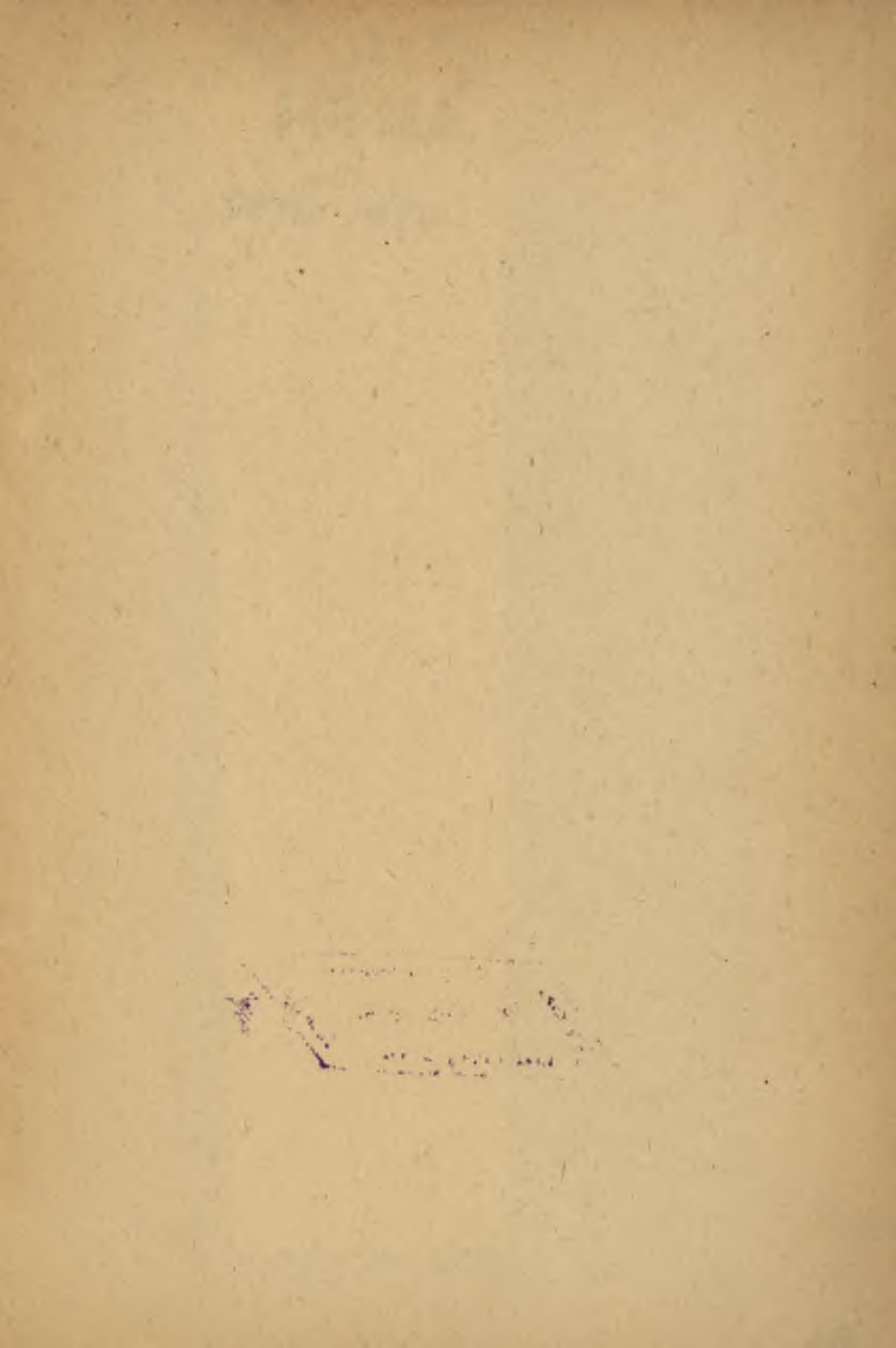
Переднія „три пещеры" Чертова жилища при нашемъ посѣщеніи.

Ходъ въ корридоръ подъ каменной глыбой.
Нагроможденіе льдинъ.
Щель
Озерко
Предполагаемый корридоръ.
Щель.
Провалъ.
Провалы подъ льдинами
Озеро надъ пропастью
Скала.
Спускъ по льду
Отдушина
Проходъ
проходъ
Скала
Предполагаемый корридоръ.
Озеро
Корридоръ
Норы
Корридоръ
Входъ
Скала
Рукавъ корридора.
Щель

Мая.

Рис. 4-й

Надпись или, узоры на старинной пальм… тунгуса Василія Карамзина.

Цѣна 1 р. 50 к.